

ПРАВОСУДИЕ JUSTICE

2023
Том 5, № 4

2023
Vol. 5, no. 4

Научный журнал

Scientific Journal

Учредитель и издатель:

Российский государственный
университет правосудия

Founder and Publisher:

Russian State University of Justice

Издается с сентября 2019 года
Периодичность издания – 4 раза в год

Published since September 2019
Publication frequency: quarterly

E-mail: vestnik@rsuj.ru
<http://justice.study>

Научный журнал «Правосудие/Justice» публикует оригинальные, соответствующие установленным требованиям статьи, в которых исследуются наиболее значимые для отечественной и зарубежной юридической науки проблемы, относящиеся к следующим направлениям: теория и история права и государства, глобализация и правосудие, современные правовые доктрины, судопроизводство, судебные реформы и судебные системы отдельных стран, цифровизация и право. Издатель созданием журнала ставит цель представить научному сообществу результаты научных исследований российских и зарубежных ученых по специальному кругу вопросов, касающихся осуществления правосудия.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

С целью экспертной оценки каждого поступающего в редакцию материала осуществляется научное рецензирование. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Редакция журнала направляет копии рецензий при поступлении соответствующего запроса в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

Журнал следует стандартам редакционной этики согласно международной практике редактирования, рецензирования, издательской деятельности и авторства научных публикаций и рекомендациям Комитета по этике научных публикаций (COPE). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-76078 от 24 июня 2019 г.

Подписной индекс 79646
(Агентство «Книга-сервис», каталог «Пресса России»)

Научный редактор Л. Б. Архипова (кандидат юридических наук)
Корректор К. В. Чегулова
Компьютерная верстка Г. С. Гордиенко

Адрес редакции:

Российская Федерация, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69
Тел.: +7 (495) 332-51-49; +7 (495) 332-51-19

При перепечатке и цитировании
ссылка на журнал «Правосудие/Justice» обязательна.
Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов,
опубликованных в журнале, допускается только с разрешения редакции

АО «Коломенская типография»
Подписано в печать 20.12.2023
Формат 70×100/16
Объем 15,6 усл. печ. л.
Тир. 300

The academic and scientific journal “Pravosudie/Justice” publishes original articles in accordance with the established requirements, which research the most significant for the domestic and foreign legal science problems in the following areas: theory and history of law and state, globalisation and justice, modern legal doctrines, legal procedures, judicial reforms and judicial systems of individual countries, digitalisation and law. The publisher of the journal’s aims to present to the scientific community the results of scientific research carried out by the Russian and international scientists and to introduce to the scientific community publications on a special range of issues relating to the administration of justice.

The titles and contents of the rubrics of the journal correspond to the branches of science and Nomenclature of scientific specialities in which degrees are awarded.

All materials submitted to the editorial board undergo a scientific peer review process. All reviewers are recognised experts in the subject matter of the reviewed material. The editorial board sends copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

The journal follows the standards of editorial ethics according to international practices for editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE).

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences and for the degree of Doctor of Sciences are published.

The Journal is registered in the Federal Service
for Supervision in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
Certificate: ПИ № ФС77-76078, 24.06.2019

Subscription index 79646
(Agency “Kniga-Servis”, catalog “Pressa Rossii”)

Scientific editor L. B. Arkhipova (Cand. Sci. (Law))
Proof-reader K. V. Chegulova
Computer layout G. S. Gordienko

Postal address:

69 Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 332-51-49; +7 (495) 332-51-19

When reprinting or quoting,
the reference to the journal “Pravosudie/Justice” is necessary.
No part of this publication may be reproduced
without the prior written permission of the publisher

JSC “Kolomenskaya Tipografiya”
Signed to print 20.12.2023
Sheet size 70×100/16
Conventional printed sheets 15,6
Number of copies 300

Главный редактор

Корнев Виктор Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия

Редакционная коллегия

Антюшин Сергей Сергеевич (г. Москва, Россия), доктор философских наук, доцент, действительный член Академии военных наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного университета правосудия

Арямов Андрей Анатольевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Российского государственного университета правосудия

Бирюков Павел Николаевич (г. Воронеж, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета

Бриллиантов Александр Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия

Бурдина Елена Владимировна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия

Дорская Александра Андреевна (г. Санкт-Петербург, Россия), доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

Жуков Вячеслав Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор философских наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Качалов Виктор Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия

Кирпичев Александр Евгеньевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия

Колюшин Евгений Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Коновов Павел Иванович (г. Киров, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Корнев Аркадий Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Кулаков Владимир Викторович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, ректор Российского государственного университета правосудия

Лапаева Валентина Викторовна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Институт государства и права РАН

Монжаль Пьер-Ив (г. Тур, Франция), доктор публичного права, профессор Университета Франсуа Рабле

Нешатаева Татьяна Николаевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия

Никитин Сергей Васильевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия

Прошунин Максим Михайлович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия

Склярв Сергей Валерьевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия

Стародубцев Григорий Серафимович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Российского государственного университета правосудия

Фаргиев Ибрагим Аюбович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Судья Верховного Суда Российской Федерации

Фролова Елизавета Александровна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Editor-in-Chief

Viktor N. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice

Editorial board

Sergey S. Antyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences, Head of the Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines Department, Russian State University of Justice

Andrey A. Aryamov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Russian State University of Justice

Pavel N. Biryukov (Voronezh, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International and Eurasian Law Department, Voronezh State University

Alexander V. Brilliantov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice

Elena V. Burdina (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Organization of the Judiciary and Law Enforcement Department, Russian State University of Justice

Alexandra A. Dorskaya (St. Petersburg, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Director, Head of the General Theoretical Legal Disciplines Department, North-West Branch, Russian State University of Justice

Vyacheslav N. Zhukov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Philosophy), Professor of the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

Viktor I. Kachalov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Radutnaya Criminal Proceedings Law Department, Russian State University of Justice

Alexander E. Kirpichev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Business and Corporate Law Department, Russian State University of Justice

Evgeniy I. Kolyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation

Pavel I. Kononov (Kirov, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Civil and Administrative Procedure Department, Volga-Vyatka Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Arkady V. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Theory of State and Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Vladimir V. Kulakov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the Russian State University of Justice

Valentina V. Lapaeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Chief Researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

Pierre-Yves Monjal (Tours, France), PhD in Public Law, Professor of the Francois Rabelais University

Tatyana N. Neshataeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International Law Department, Russian State University of Justice

Sergey V. Nikitin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Civil and Administrative Proceedings Department, Russian State University of Justice

Maxim M. Proshunin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Financial Law Department, Russian State University of Justice

Sergey V. Sklyarov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice

Grigory S. Starodubtsev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the International Law Department, Russian State University of Justice

Ibragim A. Fargiyev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation

Elizaveta A. Frolova (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

---

Содержание

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

Корнев В. Н. Прагматика языка права 8

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Клеандров М. И. Этическое регулирование – «мягкое» регулирование, «мягкая» сила 18

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Писарев А. Н. Правовые основы местного сообщества в Российской Федерации: понятие, структура, формы взаимодействия с органами местного самоуправления 43

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Ульянова М. В. Принцип равенства прав супругов и основания для отступления при разделе имущества супругов 59

Бозрикова Е. Д. История развития законодательства о банкротстве в Российской Федерации и зарубежных странах 76

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Талаев И. В. Перспективы развития института условно-досрочного освобождения в Российской Федерации 96

Антонов Ю. И. Принудительное лечение лиц, совершивших общественно опасное деяние в состоянии психического расстройства или заболевших им после такого деяния: исторический аспект 106

Пискунова Е. В. Использование методов и принципов современного гипноза и активации сознания на допросе 127

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Ануфриева Л. П. Расширение БРИКС в свете принципов международного права 155

Чернядьева Н. А. Статус коренных народов в международном праве 175

Content

EDITORIAL

- V. N. Kornev.* Pragmatics of the language of law 8

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- M. I. Kleandrov.* Ethical regulation – “soft” regulation, “soft” power..... 18

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- A. N. Pisarev.* Legal foundations of the local community in the Russian Federation: concept, structure, forms of interaction with local self-government bodies..... 43

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

- M. V. Ulianova.* The principle of equality of rights of spouses and grounds for derogation when dividing property of spouses..... 59
- E. D. Bozrikova.* The history of the development of bankruptcy law in the Russian Federation and foreign countries..... 76

CRIMINAL LAW SCIENCES

- I. V. Talaev.* Prospects for the development of the institute of parole in the Russian Federation 96
- Yu. I. Antonov.* Compulsory treatment of persons who have committed a socially dangerous act in a state of mental disorder or who have fallen ill after such an act: historical aspect..... 106
- E. V. Piskunova.* Using methods and principles of modern hypnosis and activation of consciousness during interrogation..... 127

INTERNATIONAL LAW SCIENCES

- L. P. Anufrieva.* BRICS expanding in the light of the principles of international law 155
- N. A. Chernyad'eva.* The status of indigenous peoples in international law 175

Научная статья

УДК 340.11

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.8-17

Прагматика языка права

Виктор Николаевич Корнев

*Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация
kornev51@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Исходным пунктом рассуждений, составляющих содержание настоящей статьи, является положение о том, что право есть прежде всего текст. Природа и построение юридического текста, а также обладание специфическим набором слов обусловили его возможность особым образом воздействовать на сознание, психику и поведение человека. Здесь речь идет о связи языка права с феноменом НЛП, т. е. нейролингвистическим программированием.

Теоретические основы. Методы. В настоящей статье использовались общенаучные методы: анализ, синтез, систематизация. Кроме того, автор обращался к лингвистическим методам исследования. Суждения и выводы, сформулированные в статье, строились на основе достижений феноменологии, психологии и аналитической философии.

Результаты исследования. Язык права относится к категории искусственных языков. Он представляет собой средство для позитивации должного как результата воли и сознания субъектов, участвующих в формировании и установлении запретов и дозволений в объективной реальности. Структура языка права, его состав характеризуются такими особенностями, которые позволили автору статьи обосновать его взаимосвязи с феноменом нейролингвистического программирования.

Обсуждение и заключение. По результатам исследования взаимосвязи языка права с феноменом нейролингвистического программирования сделан вывод о том, что для языка права по сравнению с другими естественными и искусственными языками прежде всего характерно такое его свойство, как прагматика, т. е. целевое, запрограммированное влияние на психику и поведение человека с целью формирования мира права, наиболее адекватного системе ценностей общества и отдельной личности.

Ключевые слова: язык права, правовой язык, феноменология, интерсубъективность, перформативы, прагматика языка, НЛП, норма права, правотворчество, юридический текст

Для цитирования: Корнев В. Н. Прагматика языка права // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 4. С. 8–17. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.8-17.

Original article

Pragmatics of the Language of Law

Viktor N. Kornev

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
kornev51@yandex.ru

Abstract

Introduction. The starting point of the reasoning that makes up the content of this article is the proposition that law is, first of all, a text. The nature and structure of the legal text, as well as the possession of a specific set of words, determined its ability to influence in a special way the consciousness, psyche and behavior of a person. Here we are talking about the connection between the language of law and the phenomenon of NLP, i. e. neuro-linguistic programming.

Theoretical Basis. Methods. This article used general scientific methods: analysis, synthesis, systematization. In addition, the author turned to linguistic research methods. The judgments and conclusions formulated in the article were based on the achievements of phenomenology, psychology and analytical philosophy.

Results. The language of law belongs to the category of artificial languages. It is a means for positing what should be as a result of the will and consciousness of subjects participating in the formation and establishment of prohibitions and permissions in objective reality. The structure of the language of law and its composition are characterized by such features that allowed the author of the article to substantiate its relationship with the phenomenon of neuro-linguistic programming.

Discussion and Conclusion. Based on the results of a study of the relationship between the language of law and the phenomenon of neuro-linguistic programming, it was concluded that the language of law, in comparison with other natural and artificial languages, is primarily characterized by such a property as pragmatics, i. e., a targeted, programmed influence on the psyche and human behavior in order to form a world of law that is most adequate to the value system of society and the individual.

Keywords: language of law, legal language, phenomenology, intersubjectivity, performatives, pragmatics of language, NLP, rule of law, lawmaking, legal text

For citation: Kornev, V. N., 2023. Pragmatics of the language of law. *Pravosudie/Justice*, 5(4), pp. 8–17. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.8-17.

Введение

В современной теории и философии права нет единого, общепризнанного понятия права. В этом контексте следует напомнить классическое высказывание великого немецкого философа Иммануила Канта, которое не потеряло теоретико-познавательного значения и для нашего времени: «Юристы все еще ищут свое определение понятия права» [Кант, И., 2010, с. 548].

В настоящее время право в зависимости от мировоззренческих и методологических предпосылок той или иной правовой концепции определяется как «система норм», «приказ суверена», «воля господствующего класса», «система общественных отношений» и т. д. Кроме того, в науке права

сегодняшнего времени получил распространение интегративный подход к пониманию природы права, согласно которому право представляется как многоаспектное явление, включающее в себя три измерения: нормативное (юридико-позитивистское); естественно-правовое (аксиологическое); реальное (социологическое). Вместе с тем в различном понимании природы права можно отметить нечто общее – то, что право, его нормы и принципы выражаются в языке. Язык права – это тот язык, который свойствен языку прежде всего нормативных правовых актов, в которых текстуально излагаются правовые нормы (Normtext). Попутно отметим, что наряду с языком права принято говорить еще и о правовом языке, т. е. о языке, которым изъясняется юридическая наука, излагаются решения правоприменительных органов, составляются различные юридические документы и т. д.

Можно сделать вывод о том, что язык представляет собой первое и существенное условие действительности и действия права. Право существует в высказываниях о нем, оно не мыслится вне и помимо языка. Истинным представляется суждение о том, что право находится в языке, а не где-то рядом с ним. Вместе с тем норму права (правило) следует отличать от высказывания о ней. «Содержанием акта, устанавливающего норму, является должное. Это должное есть норма» [Kelsen, Н., 1979, s. 21]. Выражение «норма говорит (свидетельствует)» (что нечто должно быть или должно произойти) допустимо, поскольку посредством такого выражения может быть предотвращен соблазн замены нормы высказыванием о ней. Поскольку норма не есть высказывание, что нужно точно отличать, в особенности в случае высказывания о ней. Высказывание есть содержание мыслительного акта. Посредством языка право устанавливается, передается и становится известным неопределенному кругу лиц.

Теоретические основы. Методы

Юридический текст, например текст закона, представляет собой разновидность знаковой системы, которая соответствует определенному языку. Язык (письменный или устный) является одним из ключевых компонентов, из которых мы строим наши внутренние модели мира. Он способен оказывать огромное влияние на то, как мы воспринимаем реальность и реагируем на нее. Слова являются базовыми инструментами человеческого сознания и, будучи таковыми, наделены особой силой. Можно даже говорить о магии языка: «Все достоинства людей, как позитивные, так и негативные, подразумевают использование языка» [Дилтс, Р., 2022, с. 17].

Исходным пунктом наших рассуждений, составляющих содержание настоящей статьи, является положение о том, что право есть прежде всего текст. Это не удивительно, поскольку профессиональный юрист, будь то судья, прокурор, юрисконсульт, работает непосредственно с текстом, но с текстом специфическим: с текстом нормативного правового акта. Именно потому, что право ассоциируется с текстом, становятся возможны его интерпретация и применение.

Природа и построение юридического текста, а также обладание специфическим набором слов дают ему возможность по-особому воздействовать на сознание, психику и поведение человека. Здесь мы касаемся проблемы

прагматики языка вообще и языка права в частности. Согласно мнению одного из основателей семиотики Ч. Морриса, у знаков человеческой речи существует три аспекта, три сферы отношений: отношение знаков к объектам – семантика; отношение знаков к другим знакам – синтаксис; отношение знаков к людям, к их поведению – прагматика. Все три компонента на деле не существуют друг без друга и составляют как бы три стороны единого целого, треугольника [Черепанова, И. Ю., 1996, с. 27]. И здесь мы имеем в виду связь языка права с феноменом НЛП, т. е. нейролингвистическим программированием, занимающимся проблемой влияния, которое оказывает язык на программирование психических процессов и других функций нервной системы, а также изучающим, каким образом психические процессы и нервная система формируют наш язык и языковые шаблоны и находят в них отражение.

На наш взгляд, язык права в этом контексте занимает особое место, ибо обладает огромным потенциалом в деле воздействия в нужном русле на психику человека и формирование той «карты мира», которая желательна для государства и общества, т. е., иначе говоря, правомерного поведения. В этом наряду с регулятивной проявляется воспитательная функция права как способность права влиять на мысли и чувства людей, формируя их правосознание и стимулируя правомерное поведение. Заметим, что воспитательная функция права имеет самостоятельное значение, но не настолько, чтобы быть обособленной от иных его функций: регулятивной и охранительной, поскольку влияние права на сознание и психику людей осуществляется при помощи, как было замечено ранее, особого языка права, имеющего свои особенности.

Правотворец посредством права и его языка конструирует мир, создает свою карту или модель мира, адресованную членам общества. Он программирует идеальную реальность или, говоря словами современного постмодернизма, гиперреальность, т. е. реальность, замененную знаками, в том числе знаками языка, которые составляют юридический текст. Очевидно, что в реальном мире нет предметов, которые соответствовали бы понятиям «преступление», «субъективное право», «юридическая обязанность» и т. д. Отсюда следует, что особенностью языка права является то, что правовые понятия, правовые представления не имеют подобия в реальном мире, поэтому их невозможно представить вне языка. Они существуют исключительно в языке и посредством языка. Это придает им объективный характер. «Мы можем провести разделение между физическими и логическими объектами... Первые – реальны в точном смысле слова, последние – нет, но они не менее объективны. Хотя они не могут воздействовать на чувства, они могут быть схвачены посредством наших логических способностей», – писал Г. Фреге [Цит. по: Гончаров, С. С., Ершов, Ю. Л., Свириденко, Д. И., 1990, с. 26]. К этому суждению, высказанному ученым, добавим еще некоторые соображения, которые, на наш взгляд, углубляют и уточняют приведенную мысль. Обратимся к тому, что сказал в этом отношении Г. Кельзен: право не может быть сведено ни к физическим фактам, ни к психическим процессам. Нормы права принадлежат не к естественной реальности, а к идеальной реальности. Такая реальность, существующая в дополнение к

физическому и психическому миру, есть третье царство (третья империя), согласно Г. Фреге [Alexu, R., 2004, p. 161].

Интеллектуальная или идеальная модель мира, выраженная словами текста нормативного правового акта, не тождественна реальному миру, который в психологии принято называть территорией. Кроме того, каждый индивид имеет свою внутреннюю карту или модель мира, которая может находиться в противоречии как с картой мира, созданной правотворцем, так и с территорией, т. е. с реальным миром. Но, как отмечает известный психолог и лингвист Кожибски, наши поступки определяются скорее внутренними моделями реальности, чем самой реальностью [Цит по: Дилтс, Р., 2022, с. 23]. Отсюда следует, что необходимо расширять наши, т. е. внутренние, «карты мира». Опыт расширения внутренней карты мира субъекта права будет формироваться из знаний, которые составляют правотворческую карту мира на основе освоения реальной действительности. Однако решающее значение в этом контексте остается за картой мира, формируемой правотворцем при принятии соответствующих нормативных правовых актов, и ее восприятием внутренней картой мира. Почему? Да потому, что язык права имеет такие свойства, которые присущи только ему.

Результаты исследования

Первое, что необходимо в этом контексте сказать, – это что язык права (юридический текст) обладает суггестивными свойствами, которые непосредственно воздействуют на нервно-психическое состояние человека и способствуют формированию запрограммированного правотворцем в нормах и принципах права соответствующего поведения. Отсюда следует, что право как языковое явление – это система высказываний, выполняющих не только *сообщающие (mitteilbar), т. е. коммуникативные*, но и *суггестивные* функции, иначе говоря, такие функции, которые проявляются в способности юридических текстов влиять на наше поведение. *Суггестию* можно представить как арсенал средств и приемов четко направленного, *внушающего и убеждающего воздействия* на личность и ее установки. Язык, в том числе и язык права, *навязывает* человеку нормы познания, мышления и социального поведения: мы можем познать, понять и совершить только то, что заложено в нашем языке. Таким образом, запреты и дозволения, которые характеризуют внутреннее, деонтологическое содержание права, *воздействуют на поведение человека при помощи воспринимаемых его мозгом сигналов*, облеченных в языковую форму [Корнев, В. Н., 2018, с. 7].

Право оказывает суггестивное, *внушающее* воздействие на психику человека. Внушение действует прямо и непосредственно на психическую сферу человека помимо его воли, логики и личного сознания [Бехтерев, В. М., 1994, с. 100–101]. В целом можно признать, что право является лингвистическим феноменом, состоящим из совокупности высказываний, выполняющих суггестивную функцию и тем самым влияющих на человеческое поведение. В этом смысле суггестивное действие права вполне сравнимо с воздействием команды в войсках, которая сводится не к убеждению, а к приказу и внушению. Норма права, исходящая от нормотворца, представляет собой своего рода команду, императив, согласно которому чело-

век должен действовать так-то и таким образом. Внушающее воздействие исходит прежде всего от властных институтов, опирающихся на авторитет, в основе которого находятся такие его свойства, как легальность и легитимность. Определенный или неопределенный круг лиц, которым адресован императив легальной и легитимной власти, выраженный в правовой норме, должны действовать согласно этому предписанию независимо от того, согласны или не согласны они с таким предписанием. Конечно, авторитет нормы права, кроме внушения, может поддерживаться при помощи страха перед наказанием за ее неисполнение либо одобрением и признанием в общественном правосознании тех ценностей, на реализацию и защиту которых направлена соответствующая норма права.

Языку вообще, а языку права в особенности, свойственна *интенциональность*, т. е. он способен в той или иной степени адекватности выражать цель, на достижение которой направлены сознание и воля правотворца. Интенция (лат. *intentio* – намерение, цель, стремление) определяет содержание смысла (*the content of meaning*), является категорией феноменологии. Создатель феноменологической философии Эдмунд Гуссерль, разъясняя смысл этого философского положения, писал: «...под интенциональностью мы понимаем свойство переживания “быть сознанием чего-либо”». Интенциональные переживания служат «эйдетической предпосылкой идеи нормы» [Гуссерль, Э., 2006, с. 262, 270].

Отсюда следует, что сознание и воля правотворца всегда ориентированы на принятие правового акта как способа позитивации нормы права, которая является «смыслом и содержанием волевого акта, интенционально направленного на определенное поведение человека» [Kelsen, Н., 1979, s. 21]. Следовательно, правовая норма в виде дозволения или запрета определенного поведения человека вначале переживается в сознании правотворца. С другой стороны, сознание правотворца как бы аккумулирует субъективные представления о юридических нормах, о должном правовом порядке, которые формируются в индивидуальном сознании членов общества, позитивируя их в законах и других нормативно-правовых актах [Коркунов, Н. М., 1904, с. 226]. Возникает своего рода коммуникативная, диалогическая связь между правотворцем и субъектами права, посредством которой и создается мир права, общий для всех субъектов. Однако этот мир не «объективный», «он не имеет не зависящего от субъектов существования. Это мир *интерсубъективный*. В нем соблюдается правило: нет объекта без субъекта» [Слинин, Я. А., 2004, с. 63], что означает участие субъекта в формировании идеальной правовой реальности, в которой все объекты интерсубъективного мира интенциональные. Тем самым преодолевается противостояние субъекта и объекта.

В связи с этим следует отметить, что право является продуктом человеческого сознания и воли. Право, с одной стороны, есть объективно необходимое условие человеческого существования: обществу постоянно угрожают анархия и хаос, поэтому право необходимо как средство, обеспечивающее в той или иной мере замиренную среду в социуме. С другой стороны, в вопросах его «правильности», «истинности», «справедливости» и т. д. право по своему содержанию есть продукт исторически обусловленного человеческого установления и применения.

Прагматика языка права проявляется также в речевых актах, из которых состоит юридический текст. Понятие «речевой акт» – это открытие, сделанное Дж. Остином, им же была сформулирована знаменитая теория речевых актов. Основы этой теории изложены автором в книге «Как манипулировать вещами посредством слов». В переводе на русский язык она носит название «Слово как действие» [Остин, Дж., 1986]. Названная концепция Дж. Остина сложилась под воздействием идей Людвига Виттгенштейна, изложенных им в двух его знаменитых работах «Логико-философский трактат» и «Философские исследования». Следует заметить, что взгляды Л. Виттгенштейна в области языка не оставались неизменными. Суть дела состоит в том, что в своей ранней работе он отстаивал идею о языке как средстве отражения (*abbildung*) реального мира, состоящем из повествовательных истинных или ложных предложений – суждений. В афоризме 4.01 ученый отмечал: «суждение есть картина реальности»; в афоризме 4.06 мы находим, что «суждение может быть истинным или ложным только в силу того, что оно является картиной реальности» [Виттгенштейн, Л., 2010, с. 50, 57]. В дальнейшем в «Философских исследованиях» автор отходит от первоначальных позиций, замечая, что в языке кроме повествовательных предложений есть и иные, которые не отражают реального мира, и к ним не применима оценка с точки зрения истинности или ложности. Виттгенштейн вводит понятие «языковая игра» как компонент деятельности или формы жизни. Он демонстрирует многообразие языковых игр на таких примерах: отдавать приказы или выполнять их, просить, обещать, благодарить, проклинать, приветствовать, молить и т. д. [Виттгенштейн, Л., 2003, с. 237].

Именно указанное открытие Виттгенштейна в области языка оказало решающее влияние на Дж. Остину и его концепцию «речевых актов», суть которой состояла в том, что в языке немало слов и суждений, не просто описывающих реальность, но и являющихся этой реальностью, например глаголы «обещать», «запрещать», «объявлять» и т. п. Дж. Остин назвал такие глаголы *перформативами*, т. е. глаголами и предложениями действия. Язык права изобилует *перформативами*: имеет право, обязан, должен, управомочен, запрещено, разрешено и т. п., что как раз и дает ему возможность наиболее эффективно воздействовать на поведение людей в целях формирования, конструирования желаемого правопорядка. В этом также проявляется функция языка права в контексте нейролингвистического программирования.

Обсуждение и заключение

Проведенное исследование показало, что язык права выполняет не только коммукативную, сообщающую функцию, в результате реализации которой соответствующая информация правового характера переводится из мира языка говорящего (правотворца) в мир языка адресата, но и функцию нейролингвистического программирования. Для достижения цели формирования, конструирования идеальной правовой реальности язык обладает всеми инструментами, которые выделены и детально рассмотрены в предлагаемой читателю статье. В создании желаемого мира участвует не только правотворец как представитель государства в образе «другого», но и субъ-

ективное сознание и воля индивида. Отсюда следует, что мир права – это интересубъективный мир, т. е. право опосредуется не только сознанием и волей нормотворца, но и сознанием и волей субъекта права. Действующий в интересубъективном мире права принцип «нет объекта без субъекта» имеет своим следствием то, что в конечном итоге человек руководствуется такими предписаниями, в которых отражены его идеалы и ценности. В силу этого обстоятельства язык права и обладает возможностью осуществления нейролингвистического программирования в целях воздействия на поступки людей и создания желаемого правопорядка.

Список источников

- Бехтерев В. М. Гипноз, внушение, телепатия / сост., авт. вступ. ст. и примеч. Г. Ф. Шангаров. М. : Мысль, 1994. 364 с. ISBN: 5-244-00549-9.
- Виттгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с англ. Л. Добросельского. М. : АСТ : Астрель, 2010. 177 с. ISBN: 978-5-17-064553-4; 978-5-271-27836-5.
- Виттгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. С. 220–546. ISBN: 5-17-019254-1; 5-7921-0648-7.
- Гончаров С. С., Ершов Ю. А., Свириденко Д. И. Семантические основы логического программирования // Концептуализация и смысл : сб. науч. тр. / отв. ред. И. В. Петров. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1990. С. 6–27. ISBN: 5-02-029123-4.
- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. первая / пер. с нем. А. В. Михайлова ; вступ. ст. В. А. Куренного. М. : Академ. проект, 2009. 489 с. ISBN: 978-5-8291-1042-0.
- Дилтс Р. Фокусы языка. СПб. : Питер, 2022. 384 с. ISBN: 978-5-49807-1.
- Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М. : Эксмо, 2010. 736 с. ISBN: 978-5-699-14702-1.
- Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 6-е изд. СПб. : Изд-во юрид. магаз. Н. К. Мартынова, 1904. 364 с.
- Корнев В. Н. Право как языковой феномен // Государство и право. 2018. № 6. С. 5–12. DOI: 10.7868/S013207691806001X.
- Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. Вып. XVII. М. : Прогресс, 1986. С. 87–116.
- Слинин Я. А. Феноменология интересубъективности. СПб. : Наука, 2004. 354 с.
- Черепанова И. Ю. Дом колдуньи. Суггестивная лингвистика. СПб. : Лань, 1996. 208 с.
- Alexy R. The Nature of Legal Philosophy // Ratio Juris. 2004. Vol. 17, no. 2. P. 156–167.

Kelsen H. Allgemeine Theorie der Normen. Wien, 1979. 362 s. ISBN: 3214068822, 9783214068820.

References

- Alexy, R., 2004. The Nature of Legal Philosophy. *Ratio Juris*, 17(2), pp. 156–167.
- Austen, J., 1986. The word as an action. *Novoye v zarubezhnoy lingvisti-ke: Teoriya rechevykh aktov* = [New in foreign linguistics: Theory of speech acts]. Vol. XVII. Moscow: Progress. Pp. 87–116. (In Russ.)
- Bekhterev, V. M., 1994. *Gipnoz, vnusheniye, telepatiya* = [Hypnosis, suggestion, telepathy]. Comp., author of introd. art. and notes G. F. Shangarov. Moscow: Mysl'. 364 p. (In Russ.) ISBN: 5-244-00549-9.
- Cherepanova, I. Yu., 1996. *Dom koldun'i. Suggestivnaya lingvistika* = [House of the Witch. Suggestive linguistics]. St. Petersburg: Lan'. 208 p. (In Russ.)
- Dilts, R., 2022. *Fokusy yazyka* = [Tricks of the tongue]. St. Petersburg: Piter. 384 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-49807-1.
- Goncharov, S. S., Ershov, Yu. L., Sviridenko, D. I., 1990. [Semantic foundations of logical programming]. In: I. V. Petrov, ed. *Kontseptualizatsiya i smysl* = [Conceptualization and meaning]. Collection of scientific works. Novosibirsk: Nauka. Sibetian Department. Pp. 6–27. (In Russ.) ISBN: 5-02-029123-4.
- Husserl, E., 2009. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* = [Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy]. Book first. Transl. from Germ. by A. V. Mikhailov; introd. art. by V. A. Kurennoy. Moscow: Akademicheskij proekt. 489 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8291-1042-0.
- Kant, I., 2010. *Kritika chistogo razuma* = [Critique of Pure Reason]. Transl. from Germ. by N. Lossky. Moscow: Eksmo. 734 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-699-14702-1.
- Kelsen, H., 1979. Allgemeine Theorie der Normen. Wien. 362 s. ISBN: 3214068822, 9783214068820.
- Kornev, V. N., 2018. Law as a linguistic phenomenon. *Gosudarstvo i pravo* = State and Law, 6, pp. 5–12. (In Russ.) DOI: 10.7868/S013207691806001X.
- Slinin, Ya. A., 2004. *Fenomenologiya intersub'yektivnosti* = [Phenomenology of intersubjectivity]. St. Petersburg: Nauka. 354 p. (In Russ.)
- Wittgenstein, L., 2003. Philosophical studies. *Yazyki kak obraz mira* = Languages as an image of the world. Moscow: AST; St. Petersburg: Terra Fantastica. Pp. 220–546. (In Russ.) ISBN: 978-5-17-064553-4; 978-5-271-27836-5.
- Wittgenstein, L., 2010. *Logiko-filosofskiy traktat* = Logico-philosophical treatise. Transl. from Eng. by L. Dobrosel'sky. Moscow: AST: Astrel. 177 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Корнев Виктор Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права имени Н. В. Витрука Российской государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69), главный редактор журнала «Правосудие/Justice».

Viktor N. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation), Editor-in-Chief of the Journal "Pravosudie/Justice".

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 29.09.2023; дата одобрения после рецензирования: 07.11.2023; дата принятия статьи к опубликованию: 08.11.2023.

Submitted: 29.09.2023; reviewed: 07.11.2023; revised: 08.11.2023.

Научная статья

УДК 340

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.18-42

Этическое регулирование – «мягкое» регулирование, «мягкая» сила

Михаил Иванович Клеандров

*Институт государства и права, Российская академия наук,
Москва, Российская Федерация
mklean@bk.ru*

Аннотация

Введение. В статье рассматривается проблема соотношения права и этики в их нормативно закрепленных проявлениях. Обосновывается положение о том, что этическое регулирование гораздо шире правового, но всякое правовое регулирование в своей основе имеет этическое начало. То есть право – это минимум этики. В этом их сходство, как и в том, что как этическое, так и правовое регулирование (и ряд иных, например в богословской сфере) являются регулированием социальным.

Методы. Настоящее исследование базируется на использовании общенаучного диалектического метода познания, что определило применение общеправовых (анализ, синтез, аналогия) и формально-логических методов. В свою очередь, специфика исследуемой в статье проблемы обусловила использование частнонаучных методов: историко-правового, сравнительно-правового, формально-юридического, структурно-функционального, системного анализа и толкования правовых норм и др.

Результаты исследования. Исследование позволило выявить и различие: выполнение правовых предписаний, соблюдение норм права обеспечиваются силой принуждения, за которой стоит государство, его соответствующие институты. Поэтому правовое регулирование есть жесткое регулирование, «грубая сила». А этическое регулирование, соблюдение норм этики обеспечивается убеждением, прежде всего самого индивидуума, «включенного» в соответствующий социум, где и формируются этические обязательства, со временем приобретающие нормативное содержание. Поэтому этическое регулирование есть мягкое регулирование, «мягкая сила».

В развитых социальных обществах, естественно и в российском тоже, «мягкое» регулирование, нормативно закрепленное, занимает доминирующее положение: оно более надежно, одновременно, более фундаментально определяет правила поведения субъектов своего воздействия и многократно меньше, чем правовое, подвержено конъюнктурным колебаниям.

Поэтому оно стремительно развивается и на международном уровне, и за рубежом, и в России, где за последние годы разработаны и приняты кодифициро-

ванные акты в сфере нормативного регулирования этических правил поведения: в системе органов исполнительной власти (включая правоохранительные органы), в среде людей свободных профессий, в предпринимательской сфере и т. д. Особое внимание в статье отведено этическому регулированию в сфере профессиональной, личной и иной жизнедеятельности судей.

Обсуждение и заключение. В статье обосновывается, что неперенным атрибутом «мягкой силы», как и в сфере правового регулирования, является (должна являться!) ответственность за несоблюдение соответствующих нормативных предписаний. Но смешение юридической (дисциплинарной прежде всего) и этической ответственности недопустимо. Показаны примеры такого смешения по отношению к российским судьям, обусловленного действующим законодательством, имеющие негативные последствия соответствующего правоприменения.

Ключевые слова: социальное регулирование, правовое регулирование, этическое регулирование, право, нормативное регулирование, кодексы этики, судьи

Для цитирования: Клеандров М. И. Этическое регулирование – «мягкое» регулирование, «мягкая» сила // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 4. С. 18–42. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.18-42.

Original article

Ethical Regulation – “Soft” Regulation, “Soft” Power

Mikhail I. Kleandrov

*Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation*

For correspondence: mklean@bk.ru

Abstract

Introduction. The article examines the problem of the relationship between law and ethics in their normative manifestations. The position is substantiated that ethical regulation is much broader than legal regulation, but any legal regulation is based on an ethical principle. That is, law is the minimum of ethics. This is their similarity, as well as the fact that both ethical and legal regulation (and a number of others, for example, in the theological sphere) are social regulation.

Methods. This research is based on the use of the general scientific dialectical method of cognition, which determined the use of general philosophical (analysis, synthesis, analogy) and formal logical methods. In turn, the specifics of the problem studied in the article determined the use of private scientific methods: historical-legal, comparative-legal, formal-legal, structural-functional, systemic analysis and interpretation of legal norms, etc.

Results. The implementation of legal regulations, compliance with the rules of law is ensured by the force of coercion, behind which stands the state and its relevant institutions. Therefore, legal regulation is strict regulation, “brute force”. And ethical regulation, compliance with ethical standards is ensured by conviction, first of all, on the part of the individual himself, “included” in the corresponding society, where ethical obligations are formed, which over time acquire normative content. Therefore, ethical regulation is soft regulation, “soft power”.

In developed social societies, naturally, and in Russian too, “soft” regulation, normatively enshrined, occupies a dominant position. The article notes that it is more reliable, long-lasting, more fundamentally determines the rules of behavior of the subjects of its influence and is much less subject to market fluctuations than the legal one.

Therefore, it is developing rapidly: both at the international level, and abroad, and in Russia, where in recent years codified acts have been developed and adopted in the field of normative regulation of ethical rules of behavior: in the system of executive authorities (including law enforcement agencies), in the stratum of free people professions, in the business sector, etc. Particular attention in the article is given to ethical regulation in the sphere of professional, personal and other life activities of judges.

Discussion and Conclusion. The article substantiates that an indispensable attribute of “soft power”, as in the field of legal regulation, is responsibility for non-compliance with relevant regulatory requirements. But at the same time, mixing legal (disciplinary, first of all) and ethical responsibility is unacceptable. Using the example of such confusion regarding Russian judges, due to current legislation, the article shows the negative consequences of the corresponding law enforcement.

Keywords: social regulation, legal regulation, ethical regulation, law, regulatory regulation, codes of ethics

For citation: Kleandrov, M. I., 2023. Ethical regulation – “soft” regulation, “soft” power. *Pravosudie/Justice*, 5(4), pp. 18–42. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.18-42.

Введение

Этическое и правовое регулирование общественных отношений являются разновидностями социального регулирования. Будучи облеченным в нормативную основу, в последнее время – в форму этических кодексов, этическое регулирование не основано на принудительном обеспечении его исполнения и поэтому выступает регулированием мягким, «мягкой силой».

В настоящей статье основное внимание направлено на изучение эффективности этического регулирования в профессиональной среде различных общественных групп. В процессе исследования предполагается установление общих и особенных черт в правовом и этическом регулировании в сфере ответственности судей Российской Федерации. В центре внимания – обоснование необходимости разделения юридической (дисциплинарной) ответственности российских судей и их этической ответственности.

Методы

Настоящее исследование базируется на использовании общенаучного диалектического метода познания, что определило применение общеправовых (анализ, синтез, аналогия) и формально-логических методов. В свою очередь, специфика исследуемой в статье проблемы обусловила использование частнонаучных методов: историко-правового, сравнительно-правового, формально-юридического, структурно-функционального, системного анализа и толкования правовых норм и др.

Результаты исследования

Этическое регулирование социальных отношений в качестве «мягкой силы» представляется более долговременным, более надежным, фундаментально определяющим правила поведения субъектов своего воздействия. Оно отли-

чается от правового регулирования через кодифицированные и иные акты, предназначенные для отдельных – профессиональных и иных – групп людей, по форме, по содержанию и по своей внутренней идеологии. В значительной части базовое различие проявляется в институте ответственности за нарушение, неисполнение и т. п. этических предписаний. Зачастую же кодифицированные этические акты вообще никакой ответственности не предусматривают. В некоторых из них содержатся нормы, которые с огромной «натяжкой» можно квалифицировать как нормы об ответственности, при этом не установлен механизм действенного их применения. В третьей группе этих актов за нарушение, несоблюдение, ненадлежащее соблюдение норм этического кодекса предусмотрена не этическая, а дисциплинарная ответственность, т. е. юридическая ответственность. В четвертой группе (в статье этот вариант подробно рассмотрен на примере ответственности судей) за нарушение норм этики установлена дисциплинарная (юридическая) ответственность, но не этическим актом, а нормой закона. И так далее. В статье предлагаются устранение локальных недостатков в совокупном механизме этического регулирования, в том числе – в комплексе мер этической ответственности за нарушение этических предписаний, и упорядочивание массива норм, этически регулирующих поведение людей в социальной сфере.

В толковых словарях этика определяется как «1. Одна из форм идеологии – учение о морали (нравственности), ее развитии, принципах, нормах и роли в обществе. 2. Совокупность норм поведения, морали какой-н. общественной группы, профессии. Партийная, врачебная э.»¹.

В свою очередь, понятие «регулирование» в энциклопедической литературе определяется следующим образом: (лат. *regulare* от *regula* – линейка; правило, норма) – способ осуществления властных функций по нормированию и (или) управлению, состоящий в установлении требований, создании ограничений, определении мер ответственности с целью достижения позитивного или предотвращения негативного результата, а также создания условий для предпочтительного развития. Различают по сферам Р. (социальное, санитарное, техническое), обязывающей природе (правовое, договорное, моральное), субъектам Р. (гос.; негос. – общественное, индивидуальное; совместное), источнику Р. (внешнее, саморегулирование), происхождению Р. (первичное, делегированное), вариантам последовательности (нормативное, прецедентное), механизму установления (директивное, рыночное), предметам Р. (денежное обращение, иностранные инвестиции, ценообразование, оборот алкогольной продукции, менеджмент, труд и др.) и др.²

Философская же наука признает этикой «раздел философии, изучающий человеческое поведение и совместную жизнь людей в аспекте их обусловлен-

¹ См.: Ожегов С. П. Толковый словарь русского языка. Ок. 65 000 слов и фразеологических выражений. 26-е изд., перераб. и доп. М.: Оникс : Мир и Образование, 2008. С. 731. Практически идентичное определение этики приведено в: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН; Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2007. С. 1129.

² См.: Новая Российская энциклопедия : в 18 т. Т. 14 (1) / редкол. В. И. Данилов-Данильян, А. Д. Некипелов и др. М.: Энциклопедия : Инфра-М, 2015. С. 31.

ности законами свободы; наука о морали; как термин и особая систематизированная дисциплина восходит к Аристотелю»³. При этом отмечается, что «существенным своеобразием Э. является ее нормативность. Отделяя Э. как практическую философию от теоретической философии (физики, математики, учения о первопричинах), Аристотель имел в виду, что ее основной задачей является формулирование ценностей, а не знаний. Она задает ценностную основу человеческой деятельности, определяя, на что эта деятельность в конечном счете направлена и в чем состоит ее совершенство. Э. изучают не для того, чтобы знать, что такое добродетель (мораль), а для того, чтобы стать добродетельным (моральным). Э. не только отражает свой предмет, она определяет, в определенной мере его формирует... Будучи нормативной, Э. остается сферой научного знания, она не просто прокламирует определенную нормативную программу, а обосновывает ее, апеллируя к разуму, к логической убедительности и опытной достоверности своих суждений и выводов...»⁴

Из изложенного однозначно следует, что этическое нормативное регулирование поведения людей имеет свой предмет, свою форму выражения. Это уже не сложившаяся совокупность обычаев, а систематизированный свод правил поведения в том или ином сегменте общества.

Правовое регулирование в энциклопедической литературе понимается как процесс воздействия государства на общественные отношения с помощью юридических норм (норм права)⁵; как воздействие норм права и других специально-юридических средств на поведение людей и на общественные отношения в целях их упорядочения и прогрессивного развития⁶. И оно тоже имеет свой предмет, свою форму выражения.

Общим же в этих двух видах регулирования является то, что и этическое, и правовое (в границах правовых дозволений) поведение человека приветствуется, а неэтическое и неправовое (нарушающее нормы этики и (или) права) осуждается.

Различным же является здесь то, что всякая развитая этическая система включает в себя более или менее детализированную программу поведения, которая, в свою очередь, имеет более-менее формализованную, а в последнее время – и более четкую нормативную определенность. Но эта нормативная определенность зиждется в первую голову не на нормах права, а на этике, ее формализованных и не оформленных нормах. Ибо Екатерина II в своем «Наказе» будущим законодателям предостерегала от попыток законами исправлять то, что коренится в нравах. Сегодня же еще более очевидно: занятие это – безнадежно.

Вместе с тем можно быть уверенным в том, что этическое регулирование в целом многократно шире правового регулирования, а само право есть минимум этики, и представить себе любое правонарушение, нарушение норм любой отрасли права, при котором не были бы нарушены нормы

³ См.: Словарь философских терминов / науч. ред. В. Г. Кузнецов. М. : Инфра-М, 2005. С. 708–709.

⁴ Там же. С. 710–711.

⁵ См.: Российская юридическая энциклопедия. М. : Инфра-М, 1999. С. 759.

⁶ См.: Большая юридическая энциклопедия. М. : ЭКСМО, 2005. С. 457.

этики (в равной мере – морали и нравственности), невозможно в принципе. По всей видимости, еще и потому, что сами этические нормы по своей природе шире и глубже, чем любые формы их официализации, а сама этика несравненно ближе к такой нравственной категории (прямо-таки базируется на ней), как совесть, которая является, по образному выражению польского ученого К. Пиасеку, «потайной конституцией сердца» [Цит. по: Пастернак, С. Н., 2006].

Вообще же, как отмечается в юридической литературе, для регулирования общественных отношений используется огромный комплекс норм: правовых, моральных, корпоративных, этических, эстетических, религиозных, социотехнических и других. Действуя во взаимосвязи, переплетаясь и взаимодополняя друг друга, они образуют сложный механизм социального регулирования [Мазуренко, А. П., 2010].

В последнее время «мягкое» регулирование занимает новые ниши. Например, в России на сегодняшний день отсутствует четкое законодательное регулирование рынка криптовалют. Государство пока не определилось, как относиться к этому рынку. В СМИ еще в 2017 г. предлагалось: «Регулирование рынка криптовалют необходимо, но оно должно быть постепенным и мягким, чтобы не задуть эту сферу»⁷.

А особенность регулирования отношений в виртуальном пространстве интернета, по мнению А. П. Мазуренко, в том, что социальное регулирование в этой среде является не чисто правовым, нормативным: оно использует как корпоративные (нормы морали, этики и др.), так и ненормативные регуляторы (ценностный, директивный, информационный, технический) [Мазуренко, А. П., 2010].

Но во всем комплексе социального регулирования общественных отношений доминирующее положение занимают этическое и правовое – в их нормативном закреплении и применении. В то же время отдельные этические категории в литературе признаются не имеющими нормативного урегулирования. Так, указывается, что понятие «гражданский долг» в большинстве случаев рассматривается как морально-этическая категория, которая не имеет нормативного регулирования и предполагает ее реализацию с позиции внутреннего убеждения [Григорьева, Е. А., Злобина, Е. А., 2011].

Вместе с тем невозможно противопоставить этическое и правовое регулирование, даже если этическое оформлено в определенной (пусть и основной) части нормативно: у обоих этих видов регулирования общие корни, оба они являются регулированием социальным. Отмечая, что социальное регулирование посредством моральных дозволений и запретов, правовых дозволений и запретов опирается на различные варианты мотивационных процессов, непременным элементом которых является моральное обязательство, иначе говоря, нравственный долг человека действовать или не действовать определенным образом, Г. В. Мальцев указывал: «Индивид берет на себя это обязательство сознательно, непринужденно и добровольно; никто и никогда не заставит его испытывать нравственный долг по отно-

⁷ Российская газета. 2017. 21 сент.

шению к кому-либо или чему-либо, если сам он для себя не поставит его в качестве “внутреннего закона”. Согласно чистой этике, например, кантовской, нравственный долг есть высшее проявление морального обязательства, при котором субъект сам над собой повелевает, сам себя принуждает к известному поведению, потому и только потому, что оно нравственно. Моральные и правовые требования предъявляются человеку на условиях его нравственной автономии, с учетом способности человека брать на себя моральные обязательства и выполнять их, даже вопреки своим интересам, выгодам, желаниям» [Мальцев, Г. В., 2008, с. 289–290].

Нет сомнений и в том, что законодательный, да и, пожалуй, весь нормотворческий процесс базируется в той или иной степени на этическом регулировании, как и практическое правоприменение. Так, в юридической литературе отмечается, что в качестве основных нравственных средств достижения определенности правоприменительного усмотрения выступают в первую очередь такие категории нравственности, как разумность, справедливость, добросовестность и др. [Власенко, Н. А., 2015, с. 82].

Но и отождествлять этическое и правовое регулирование не следует. Указывая, что синтезированное правопонимание, к которому в литературе иногда относят и неправовые явления, включая моральные нормы, является по меньшей мере дискуссионным, В. В. Ершов считает, что эти социальные явления, регулирующие неправовые общественные отношения, более точно признать видами «неправа» [Ершов, В. В., 2015]. И это верно, хотя даже при наличии предложенных автором критериев разграничения «права» и «неправа» эти два вида социального регулирования далеко не всегда легко разграничить. Особенно когда нормами права, в классическом понимании права, закрепляются (формализуются) нормы «неправа», в частности – этики, а выполнение (соблюдение) норм этики обеспечивается классическими нормами права в виде государственного принуждения. Такая «диффузионность» двух в общем-то разных видов социального регулирования непозволительна, укреплению правопорядка и нравственно-этических критериев в правовом государстве и повышению авторитета власти в общественном сознании не способствует.

И это – несмотря на высказанное в литературе мнение о том, что в отдельных случаях наличествует комплексная юридическая и этическая природа конфликта интересов, который может быть связан с пересечением самых различных интересов [Глазырин, Т. С., и др., 2016]. По мнению этих авторов, этическое регулирование – «мягкое» регулирование. И уж когда оно оказывается неэффективным (а его эффективность для различных социальных групп, без сомнения, сильно различается), тогда должно вступать в действие более «жесткое» регулирование – правовое.

Но если это «мягкое» регулирование в качестве «мягкой силы» достаточно, зачем «подключать» «жесткую силу»? Очевидно ведь, что, будучи по своей природе «мягкой силой», этическое регулирование всех сфер жизнедеятельности в обществе должно – и так наверняка будет в более-менее обозримом будущем – занять доминирующее положение во всей палитре форм, методов и способов регулирования поведения людей. И обеспечиваться оно должно, при необходимости, ответственностью «мягкой силы», не юридической.

Сила права в правовом государстве – это сила «жесткая», сила конкретная (жестко закрепленная в качестве конкретных правовых предписаний – законов и иных нормативных правовых актов), обеспечиваемая государственным принуждением.

Сила этики в правовом государстве – это сила «мягкая», закрепленная в обычаях, моральных установках, нравственных ценностях и ориентирах и т. п., обеспечиваемая общественным мнением, причем не всегда общенациональным, а чаще локальным, узкокорпоративным, узкорегиональным, узкоконфессиональным...

Норму права легко изменить, причем по времени – быстро. Норму этики изменить чрезвычайно сложно, если это делать с целью достижения подлинного результата: ведь это изменение должно затронуть, как минимум, общественное мнение, а как максимум – миропонимание общества, поэтому данный процесс занимает десятилетия. И именно поэтому очевидно: этическое регулирование социальных отношений в качестве «мягкой силы» более надежно, долговременно, гарантированно, можно сказать – более фундаментально определяет правила поведения субъектов своего воздействия. И во много раз меньше, чем правовое регулирование, подвержено конъюнктурным колебаниям, попыткам внешнего – субъективного – воздействия. Как ни странно, при сравнении с правом размытость, неопределенность этических норм являются в ряде случаев благом, поскольку позволяют каждому субъекту этического регулирования в этических нормах видеть (и подвергаться воздействию) то, что он хочет видеть, – в разумных пределах, естественно.

Разумеется, этим не исключается необходимость критического подхода к регулированию «мягкой силой». Ведь «мягкая сила» многократно по своему объему больше не столь уж малого правового регулирования, т. е. «жесткой силы». Само этическое знание далеко от систематизации⁸; образно выражаясь, этика умеет много гитик, и не все они приемлемы для юриста, во всяком случае – в сфере практического правоприменения. Например, как отмечается в литературе, для этики ненасилия даже силовая защита другого человека от чьих-либо агрессивных действий выступает как морально недопустимое деяние; правда, в своей оценке этой ситуации этика ненасилия остается в абсолютном меньшинстве среди других рефлексивных этических позиций [Прокофьев, А. В., 2009, с. 125]. Да и практическая этика, например внедренная премьер-министром Сингапура Ли Куан Ю, основанная в том числе на телесных наказаниях провинившихся, хотя и привела к созданию образцового государства с минимальной коррупцией и почти стерильной чистотой на улицах, далека – в нашем восприятии – от идеала.

Следует добавить, что этический компонент присутствует не только в сфере социального и иного регулирования поведения людей. Он имеет место в сфере определенного вида политики – антикоррупционной, к примеру. Либо при проведении этической экспертизы, например: качества оказанной медицинской помощи; конкретной научно-исследовательской работы; качества конкретных законопроектов; оказанных услуг – в различных сферах и т. д.

⁸ См. подробнее: [Апресян, Р. Г., Артемьева, О. В., Максимов, А. В., 1997].

Следует обратить внимание и на то, что этическое регулирование, особенно в локально-корпоративных формах, в последнее время в России (да и в зарубежных государствах и даже на международном уровне) приобретает все более широкое распространение, что подтверждает сказанное выше о роли «мягкой силы» в регулировании социальных отношений. Но при этом какое-либо корпоративно-этическое (отличное от государственного), пусть и нормативное, регулирование обеспечения принуждением соблюдения этических норм либо отсутствует совсем, либо наличествует в крайне незначительной мере, совершенно несопоставимой с государственным принуждением к соблюдению правовых предписаний, обеспеченным соответствующей правовой ответственностью индивида за несоблюдение и даже за ненадлежащее соблюдение, а подчас – и за лишь некоторое отступление от этих правовых предписаний. Все это полностью относится к судейской этике, к механизму этической ответственности судей.

Вообще всякое предписание – как правовое, так и этическое, – закрепленное нормативно, в определенной мере предполагает в качестве звена механизма, обеспечивающего его соблюдение, ответственность за несоблюдение (неисполнение) либо ненадлежащее соблюдение (ненадлежащее исполнение) этого предписания.

Удивительно, но очень обширная, со времен древнегреческих мыслителей, т. е. уже две с половиной тысячи лет, литература, посвященная проблемам этики, ответа на прагматичный вопрос о формах, видах и механизме моральной (и этической) ответственности по существу не дает. Таких ответов мало и в современной литературе. Например, по последним исследованиям: моральная ответственность нарушителей – общественное осуждение, прекращение контактов других членов общества с нарушителем этих норм [Кучерена, А. Г., ред., 2009]; моральная ответственность выражается в осознании личностью и реальном выполнении ею требований моральных норм, осознании наступления морального осуждения в случае игнорирования этических требований [Витрук, Н. В., 2009]; предметом отношений в морально-этической ответственности могут быть забвение, отклонение, игнорирование, нарушение признаваемых и поддерживаемых некоторыми людьми правил, норм поведения, противоречащих утвержденным в обществе нормам ответственности [Крылова, Е. Г., 2007] и т. д.

Вообще же, как известно, ответственность имеет социальную природу, предопределенную характером общественных отношений. То есть можно говорить о социальной ответственности, дифференцируемой, в зависимости от регулирования социальных отношений, как «жесткая» или «мягкая» сила. Как утверждается в юридической литературе, субъект любого общественного отношения всегда должен иметь возможность выбора варианта своего поведения, в противном случае исключается возможность привлечения его к ответственности за отклонения от требований данных предписаний [Гончаров, В. В., 2010].

Определить понятие «социальная ответственность» исчерпывающим образом посредством одной дифференциации сложно и вряд ли возможно. Е. В. Назарова тем не менее указывает: одни авторы видят суть юридической ответственности в том, что ее объектом выступает правовой статус

личности (признание и следование нормам права), в то время как объектом моральной ответственности является нравственный долг. Из нравственных норм выводится нравственный долг, из юридических – обусловленные друг другом право и обязанность⁹. Трактуют ее и как применение к виновному лицу мер государственного принуждения за совершенное правонарушение (применение мер уголовного наказания за совершенное преступление, назначение штрафа за совершенный административный проступок)¹⁰.

В актах этического (нормативного) регулирования поведения тех или иных категорий работников в России нередко содержатся отдельные главы, именуемые «Ответственность за нарушение положений Кодекса», состоящие из единственного, обычно включающего две части пункта, где предусмотрена единственная мера ответственности «провинившегося» – моральное осуждение, налагаемая вариативно руководителем структурного подразделения либо комиссией по соблюдению требований к служебному поведению служащих и урегулированию конфликта интересов.

Например, в системе органов власти России такого рода разработанное на основе Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, одобренного решением Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г.¹¹ (протокол № 21), этическое регулирование закреплено в: Кодексе этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Федеральной налоговой службы¹², утвержденном приказом ФНС России от 11 апреля 2011 г. № ММВ-7-4/260@; Кодексе этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Федеральной службы по надзору в сфере транспорта, утвержденном приказом Ространснадзора от 11 февраля 2011 г. № АК-100фс; Кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Федерального космического агентства¹³, утвержденном руководителем Роскосмоса 14 февраля 2011 г. (б/н); Кодексе этики и служебного поведения федеральных государственных гражданских служащих Министерства промышленности и торговли Российской Федерации¹⁴, утвержденном ВРИО министра 22 февраля 2011 г. (б/н), и т. д.

Осуществляется нормативное регулирование в системе исполнительной власти не только на федеральном, но и на региональном уровнях. Например, в Новосибирской области действует Кодекс этики служебного поведения государственных гражданских служащих Новосибирской области, утвержденный постановлением губернатора Новосибирской области от

⁹ См.: [Назарова, Е. В., 2008] (со ссылкой на раб.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 51–62).

¹⁰ См.: [Назарова, Е. В., 2008] (со ссылкой на раб.: Алексеев С. С. Право – азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999).

¹¹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

13 мая 2011 г. № 119¹⁵, – с тем же по содержанию звеном этической ответственности.

Правда, в Этическом кодексе государственных гражданских служащих Федеральной антимонопольной службы¹⁶, утвержденном приказом ФАС России от 25 февраля 2011 г. № 139, в ст. 10 «Ответственность за нарушение Кодекса» не названа эта мера этической ответственности, зато содержится предупреждение (в п. 1 ст. 10): «Государственный служащий, принимающий на себя обязанности по соблюдению Кодекса, должен осознавать, что его систематическое нарушение не может быть совместимо с его службой в ФАС России», что можно расценить равнозначно – и как меру этической, и как меру (превентивную) дисциплинарной ответственности.

Немало в нашей стране есть и формализованных (нормативно закрепленных) актов, посвященных профессиональной этике тех или иных групп людей¹⁷. Это этические кодексы сотрудников правоохранительных органов: Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации¹⁸, утвержденный приказом МВД России от 24 декабря 2008 г. № 1138; Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации¹⁹, утвержденный приказом Генеральной прокуратуры от 17 марта 2010 г. № 114 (симптоматично, что этим же приказом, в качестве приложения № 2 к нему, утверждена Концепция воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации); Кодекс этики и служебного поведения федерального государственного гражданского служащего Федеральной службы судебных приставов²⁰, утвержденный приказом ФССП России от 12 апреля 2011 г. № 124²¹. Это и этические кодексы профессионалов, которых условно можно отнести к людям свободных профессий, например Кодекс профессиональной этики российского журналиста (одобрен Конгрессом журналистов России 23 мая 1994 г.), и т. д.

Это и этические кодексы поведения людей, которых можно отнести к работникам в сфере предпринимательства: Кодекс этики профессиональных бухгалтеров – членов ИПБ (Института профессиональных бухгалтеров) России (утвержден решением Президентского совета Института профессиональных бухгалтеров и аудиторов России, протокол № 09/07 от 26 сентября 2007 г.) (есть этические стандарты специалистов этой профессии и на международном уровне) [Гурова, И. П., Махонько, О. П., 2004]; Кодекс этики аудиторов России²² (одобрен Минфином России 31 мая 2007 г., протокол № 56); Кодекс (Свод правил) корпоративного поведения²³ (утвержден и рекомендован ак-

¹⁵ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ Обоснование их целесообразности см.: [Коновалов, В., 2006].

¹⁸ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹ См. подробнее: [Бакурова, Н. Н., 2015].

²² Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²³ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

ционерным обществам, созданным на территории Российской Федерации, распоряжением Федеральной Комиссии по рынку ценных бумаг от 4 апреля 2002 г. № 421/р); и даже Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании²⁴, принятый на итоговом Пленарном заседании VIII Всемирного Русского народного собора 4 февраля 2004 г. и предложенный для добровольного принятия руководителям предприятий и коммерческих структур, предпринимателям и их сообществам, работникам, профсоюзам и всем другим участникам экономических процессов, в том числе государственным органам и общественным объединениям, вовлеченным в хозяйствование²⁵.

Это и Кодекс этики членов Общественной палаты России, принятый на втором пленарном заседании Палаты 14 апреля 2006 г. (в числе мер ответственности за нарушение которого значатся: предупреждение; лишение права выступления на текущем пленарном заседании (в течение всего дня голосования); прекращение полномочий [Грудцын, Л. Ю., 2007]. В литературе отмечается, что на повестку дня все более настойчиво встает необходимость разработки и принятия специального кодекса депутатской этики [Окулич, И. П., 2010]. Поставлена даже проблема моральной (?) ответственности компьютерных систем [Лопатина, Т. М., 2005].

Не менее широко развито нормативное регулирование этических отношений и *за рубежом*. Здесь следует отметить, например, канадский Кодекс ценностей и этических принципов сотрудников государственной службы; Кодекс этики поведения предполагаемой работы государственных служащих Федеральной Республики Нигерия от 25 октября 2014 г.; Правила по сохранению честной политической деятельности руководителей – членов Компартии Китая, содержащие 52 табу, в том числе запрет устраивать родственникам пышные похороны, запрет «бросать вызов семейной морали», запрет играть в гольф, предаваться чревоугодию, изменять женам, иметь «второстепенных жен» – любовниц²⁶; Нормы научной этики, принятые Сенатом Общества Макса Планка (ФРГ) 24 ноября 2000 г. и содержащие (закрепляющие) в том числе меры этической ответственности, присущие исключительно научной среде: лишение докторской степени; лишение права преподавания – как последняя для академической карьеры; отзыв научных публикаций, информации, предназначенной для публики, печати, и пр. Ряд зарубежных актов в этой сфере рассмотрен в отечественной литературе [Оболожский, А. Н., 2007; Ирхин, Ю. В., 2011].

Для любого государства в числе государственных устоев значимое место занимают правоохранительные и правозащитные органы. Где, естественно, помимо жесткого правового регулирования действует и «мягкая сила». Не является исключением и Российская Федерация.

В отношении работников органов прокуратуры действуют:

а) Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации, утвержденный приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 марта

²⁴ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵ Официальный сайт Московского Патриарха. URL: <http://www.mospat.ru/archive/church-and-society/30427>.

²⁶ Российская газета. 2015. 23 окт.

2010 г. № 114. Важным здесь является то обстоятельство, что в его п. 5 «Ответственность прокурорского работника за нарушение требований настоящего Кодекса» устанавливается (подп. 5.1): за нарушение положений настоящего Кодекса руководителем органа прокуратуры лично или при необходимости в присутствии трудового коллектива к прокурорскому работнику могут быть применены следующие меры воздействия: устное замечание; предупреждение о недопустимости неэтичного поведения; требование о публичном извинении. А подпункт 5.2 того же пункта предусматривает: нарушение прокурорским работником норм Кодекса, выразившееся в совершении проступка, порочащего честь прокурорского работника, является основанием для привлечения его к дисциплинарной ответственности. Важно здесь, что (а это – редкий случай в практике кодифицированного этического регулирования) установлена реальная, отделенная от дисциплинарной, этическая ответственность, причем дифференцированная в зависимости (что подразумевается) от степени тяжести этического проступка;

б) Кодекс этики служебного поведения федерального государственного гражданского служащего органов прокуратуры Российской Федерации (это уже другая категория работников органов прокуратуры), утвержденный приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 25 марта 2011 г. № 79, установил (п. 27): «За нарушение положений Кодекса к гражданскому служащему могут быть применены меры морального воздействия в виде устного замечания, предупреждения о недопустимости неэтичного поведения, требования о публичном извинении и другие, а в случаях, предусмотренных федеральными законами, – меры юридической ответственности». Незакрытость перечня видов этической ответственности подтверждает, даже на примере этого акта «мягкого» регулирования, необходимость разработки очень широкой гаммы видов такой ответственности, по возможности адекватной широчайшему – в реальной жизни – спектру этических нарушений.

В иной правовой сфере – нотариальной – действует принятый 19 ноября 2015 г. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации²⁷, вступивший в силу с 1 января 2016 г. В СМИ в качестве достоинства этого Кодекса называется то, что если раньше нотариальным палатам для того, чтобы наказать нарушителей, зачастую приходилось обращаться в суд, то теперь Кодекс прописывает и нарушения, и процедуру привлечения нотариусов к дисциплинарной ответственности²⁸. Причем это делается в жесткой императивной форме: дисциплинарная ответственность нотариусов наступает именно и только «за виновное совершение дисциплинарного проступка, предусмотренного настоящим Кодексом» (п. 9.1 Кодекса). Кодекс этики перечисляет 33 вида дисциплинарных проступков нотариусов (подп. 9.2.1–9.2.33); сам механизм дисциплинарной ответственности весьма детально закреплен в трех главах Кодекса (9–11). Показательно, что Кодексом (в 12-й главе) предусмотрены меры поощрения нотариуса (их 8). Но какие-либо меры именно этической ответственности нотариуса за невыполнение или ненадлежащее выполнение положений Кодекса профессиональной этики этот Кодекс не предусматривает. Таким образом, по факту этическим Кодексом для нотариусов отождествлена дисциплинарная и этическая ответственность. Нотариусов же в России немало – более 8 тыс.

²⁷ URL: <http://нотариат.рф/>.

²⁸ Российская газета. Столичный выпуск. 2015. 19 нояб.

В отношении адвокатов действует Кодекс профессиональной этики адвоката, принятый Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22 апреля 2015 г.). Этот Кодекс также не содержит специальных норм об этической ответственности и прямо, в п. 1 ст. 18, указывает: нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса (!), совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной (!) ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящим Кодексом. При этом п. 3 ст. 18 содержит интересную и важную оговорку: адвокат, действовавший в соответствии с разъяснениями Совета (соответствующей адвокатской палаты субъекта Российской Федерации) относительно применения положений настоящего Кодекса, не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности. Сами же меры дисциплинарной ответственности – в силу п. 4 этой статьи – применяются только в рамках дисциплинарного производства, которому посвящен весь второй раздел (вторая половина Кодекса), именуемый «Процедурные основы дисциплинарного производства» (ст. 19–26, каждая из которых содержит несколько, до 8 пунктов). Можно даже предположить, что это не Этический, а Дисциплинарный кодекс. А «Разъяснения» некоторых региональных адвокатских палат по поводу применения отдельных положений Кодекса профессиональной этики адвоката иногда весьма неоднозначны.

Например, Совет Адвокатской палаты Республики Адыгея в Разъяснениях применения п. 4 ст. 15 названного Кодекса указал, что адвокат обязан уведомить Совет Палаты о принятии поручения на ведение дела против другого адвоката, и если адвокат принимает поручение на представление доверителя в споре с другим адвокатом, он должен сообщить об этом коллеге и при соблюдении интересов доверителя предложить окончить спор миром. Соглашаясь с разъяснением первого положения, представитель адвокатского сообщества (из другого региона²⁹) категорически не согласился со вторым: «Это не может быть вменено в обязанности адвоката, так как при подаче искового заявления суд уведомляет о подаче искового заявления в суд, а при возбуждении уголовного дела уведомляет орган следствия. Поэтому упреждающие действия адвоката по уведомлению процессуального противника я считаю неверными, а порой и вредными, которые могут быть расценены как воспрепятствование следствию»³⁰.

Такое разноречивое толкование федерального корпоративного акта означает, что при отсутствии механизма этической ответственности адвокатов в одних субъектах Российской Федерации обозначенные действия адвоката будут приветствоваться, а в других – караться юридически, в дисциплинарном порядке³¹.

²⁹ Марк Барак-Чайка (адвокат, председатель Коллегии адвокатов «Чайка и Коллеги», член Палаты адвокатов Нижегородской области, г. Нижний Новгород).

³⁰ ЭЖ-Юрист. 2015. № 47.

³¹ Отдельные проблемы в этой сфере находятся в поле зрения Комиссии Федеральной палаты адвокатов по этике и стандартам. Например, в Разъяснении Ко-

Еще более сложным является положение с нормативным регулированием этического поведения в системе органов судебной власти, а ведь для любого государства все, что касается судебной власти, чрезвычайно важно. При этом необходимо отметить, что в современной специальной научной литературе иногда не просматривается размежевание понятий «судебная этика» и «судейская этика». Есть работы и по «судебной этике» [Закомлистов, А. Ф., 2009; Коновалов, А., 2009; Яковенко, В., 2008; Горский, Г. Ф., Кокорев, А. Д., Котов, Д. П., 1973], и по «судейской этике» [Пашин, С. А., 2001; Вель, Г. де, и др., 2002; Иванцов, М., 2008]. Тем не менее это различные понятия, и представляется необходимым провести их дифференциацию. Судебная этика – понятие, ограниченное непосредственной профессиональной деятельностью судьи по осуществлению правосудия. Так, А. С. Капто считает, что судебная этика – «наука о применении норм морали, нравственности в специфических условиях расследования и разрешения уголовных дел» [Капто, А. С., 2007, с. 29]. Я. А. Ключникова, считая, что не вполне справедливо ограничивать предмет судебной этики исключительно рамками уголовного прогресса, под судебной этикой предлагает понимать «совокупность правил поведения и других профессиональных участников уголовного, гражданского и арбитражного судопроизводства, обеспечивающих нравственный характер их профессиональной деятельности и внеслужебного поведения, а также научную дисциплину, изучающую специфику проявления требований морали в этой области» [Ключникова, Я. А., 2008, с. 140]. Здесь вызывает сомнение обоснованность включения в понятие судебной этики других, помимо судей, профессиональных участников процесса; но следует обратить внимание на распространение понятия судебной этики и на внеслужебное поведение. В свое время еще А. Ф. Кони ограничивал это понятие именно профессиональной деятельностью судей, он судебную этику рассматривал как учение о приложении общих понятий о нравственности к той или иной отрасли специальной судебной деятельности [Кони, А. Ф., 2008, с. 20]. Впрочем, иногда судейскую этику отождествляют с судебной деонтологией [Морхат, П. М., 2007].

В судебной системе России вопросы этики, но не судей, а государственных служащих судебных органов закреплены, в частности, в следующих актах:

– в Кодексе этики и служебного поведения государственных служащих аппарата Конституционного Суда Российской Федерации³², утвержденном приказом Председателя Конституционного Суда Российской Федерации от 1 апреля 2011 г. № 12, который, в частности, содержит главу III «Ответственность за нарушение положений Кодекса», в соответствии с которой это нарушение «подлежит моральному осуждению на заседании комиссии

миссии (утвержденном Советом ФПА РФ, протокол № 3 от 28 января 2016 г.) по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката отмечено, что наличие признаков уголовно-правового деяния или административного правонарушения в поведении адвоката, установленного компетентными органами, само по себе не является обстоятельством, исключающим возможность дисциплинарного производства.

³² Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных гражданских служащих аппарата Конституционного Суда Российской Федерации и урегулированию конфликта интересов...». Об ответственности там всего лишь сказано: «Соблюдение государственным служащим положений Кодекса учитывается при проведении аттестаций, а также при наложении дисциплинарных взысканий»;

– в Кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Ленинградской области и аппаратов мировых судей Ленинградской области³³, утвержденном постановлением Правительства (почему Правительство области – исполнительная власть – нормативно регулирует отношения в механизме власти судебной, вопрос вполне правомерный. Статья 10 Конституции Российской Федерации эти органы власти однозначно разделяет) Ленинградской области от 24 февраля 2011 г. № 29, где об этической ответственности вообще ничего не сказано, и т. д.

Но в сфере судебной власти вопросы этического регулирования «мягкой силой» с наибольшей глубиной (и, соответственно, с такой же проблемностью) сконцентрированы в Кодексе судейской этики. Здесь острота проблемы заключается в том, что этическое регулирование поведения (да и всей жизнедеятельности) судей является несравнимо более пластичным, более размытым нормативно и менее определенным, чем правовое.

По всей видимости, именно поэтому за короткое время – в течение постсоветского исторического периода – этическое поведение судей сегодня регулируется уже третьим по счету кодексом. Первым был Кодекс чести судьи³⁴, утвержденный постановлением Совета судей Российской Федерации от 21 октября 1993 г. (не Всероссийским съездом судей, т. е. не высшим органом судейского сообщества страны). Этот Кодекс В. Н. Ткачев метко охарактеризовал так: если Закон о статусе судей определил правовой статус российских судей, то Кодекс чести определил их нравственный статус [Ткачев, В. Н., 2003]. Вторым по счету был Кодекс судейской этики, утвержденный VI Всероссийским съездом судей 2 декабря 2004 г. В нем глава 4 «Ответственность судьи за нарушение требований настоящего Кодекса» состояла только из ст. II «Дисциплинарная ответственность судей», текстуально воспроизводившей ст. 12.1 «Дисциплинарная ответственность судей» Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»³⁵ (далее – Закон о статусе судей), т. е. этим Кодексом этическая ответственность отождествлялась с дисциплинарной. Третьим по счету стал действующий Кодекс судейской этики, утвержденный VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. В него из-за неопределенности отдельных положений и жесткости отдельных формулировок IX Всероссийским съездом судей 8 декабря 2016 г. были внесены отдельные изменения, а три пункта ст. 9 были исключены. Вопрос же об этической ответственности судей этим Кодексом вообще не затрагивается.

³³ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁴ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁵ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Съезда Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1792.

Зато он затрагивается, точнее – в императивной форме регулируется ч. 1 ст. 12.1 «Дисциплинарная ответственность судей» (в редакции от 29 июля 2018 г. № 243-ФЗ) Закона о статусе судей: «За совершение дисциплинарного проступка, то есть виновного действия (бездействия) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебной деятельности, в результате которого были нарушены положения настоящего Закона и (или) кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, на судью, за исключением судей Конституционного Суда Российской Федерации, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде: 1) замечания; 2) предупреждения; 3) понижения в квалификационном классе; 4) досрочного прекращения полномочий судьи».

А это означает, что с 2013 г. само по себе нарушение лишь положений (даже одного положения) Кодекса судейской этики, без связки с нарушением нормы Закона о статусе судей, является законченным дисциплинарным проступком (при наличии иных названных в Законе квалифицирующих признаков). То есть с 2013 г. за нарушение этической нормы может наступить дисциплинарное наказание судьи вплоть до досрочного прекращения его полномочий. Однако всякое правонарушение, т. е. нарушение правовой нормы, есть одновременно нарушение этической нормы. Но отнюдь не всякое нарушение этической нормы есть правонарушение, прежде всего – нарушение нормы закона. Нарушение правовой нормы влечет юридическую ответственность; это действие «жесткой силы», и здесь не исключено действие этики «мягкой силы».

Нарушение же этической нормы должно влечь лишь этическую ответственность, применение «мягкой силы». А применение «жесткой силы» за нарушение нормы этики недопустимо в принципе. На это в столь же императивной форме указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 23 февраля 2008 г. № 3-П: «Между тем корпоративные акты судейского сообщества, каковыми являются названные кодексы (речь там шла о Кодексе чести судьи 1994 г. и Кодексе судейской этики 2004 г. – М. К.), формулируя правила поведения судьи, не могут исходить из расширительного толкования составов дисциплинарных проступков, как они определены Федеральным законом “О статусе судей в Российской Федерации”. Соответственно, неисполнение приведенных корпоративных норм само по себе не может служить основанием досрочного прекращения полномочий судьи, если только при этом им не были совершены действия, которые законом (! – М. К.) рассматриваются как не совместимые по своему характеру с высоким званием судьи»³⁶.

Таким образом, Конституционный Суд исключил из формулы дисциплинарного проступка судьи все относящееся к этическому проступку, к этическому регулированию, к «мягкой силе». За исключением того сегмента, который, оставаясь формально этическим проступком, одновременно является проступком дисциплинарным (равно в случае, когда этический про-

³⁶ См.: Сборник актов о суде и статусе судей Российской Федерации. Вып. 51 : в 3 кн. М. : ТПК «Центробланк», 2012. Кн. 3. С. 28.

ступок в то же время – преступление, караемое уже уголовной ответственностью). Вообще же нормы об ответственности должны содержать формулу право- или нормонарушения, за которое и должна наступить эта ответственность. И эта формула должна охватывать понятие нарушения, а не должна быть отсылочной, как случилось со ст. 12.1 Закона Российской Федерации о статусе судей.

Например, в части III Закона Республики Словения «О судьях и высших судьях» в перечне дисциплинарных правонарушений судьи названо «...поведение, которое вызывает разумное сомнение относительно независимости и беспристрастности судьи в процессе принятия решений, отсутствие у судьи интереса к сторонам и стремления довести судебное разбирательство справедливо и без задержки». Здесь тоже не исключено субъективное правопонимание относительно разумных сомнений и т. п., но это лучше, чем отсылочная норма, содержащая к тому же довольно нечеткие формулировки.

И естественно, в России правоприменительная практика нередко считает нарушение судьей положений Кодекса судейской этики дисциплинарным проступком.

Например, в решении Квалификационной коллегии судей Иркутской области от 28 апреля 2016 г. сказано: «Таким образом, судьей Бодайбинского городского суда Иркутской области... нарушены требования Кодекса судейской этики, в соответствии со ст. 6, 11, 14 которого судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи, должен соблюдать высокую культуру поведения в процессе, поддерживать порядок в судебном заседании, вести себя достойно, терпеливо, вежливо в отношении участников процесса и других лиц, присутствующих в судебном заседании. Приведенными в представлении нарушениями Кодекса судейской этики судья Бодайбинского городского суда Иркутской области умалила авторитет судебной власти и причинила ущерб репутации судьи, то есть совершила дисциплинарный проступок»³⁷.

В докладе Председателя Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации на семинаре-совещании с председателями квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации (25–26 мая 2017 г.) прозвучало:

«Пример об обратном. Одна из ККС образовала комиссию для проверки жалобы гражданина о том, что сотрудниками ГИБДД задержан с признаками опьянения судья А., который отказался от прохождения медосвидетельствования. Комиссия признала жалобу обоснованной, пришла к выводу о наличии в действиях судьи А. признаков дисциплинарного проступка в связи с нарушением Кодекса судейской этики, а именно – правил поведения судьи во внесудебной деятельности»³⁸.

³⁷ Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2017. № 4 (54). С. 17.

³⁸ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Разумеется, редакцию ст. 12.1 Закона Российской Федерации о статусе судей следует серьезно откорректировать и привести ее в соответствие с изложенной выше позицией Конституционного Суда Российской Федерации (Постановление № 3-П от 23 февраля 2008 г.). Острота этого вопроса усиливается в связи с конституционными нововведениями 2020 г. Одним из таких нововведений (по мнению автора данных строк – неоднозначным, поскольку им Совет Федерации наделяется функцией квазисудебного органа) является ч. 1 ст. 102 (где перечисляется, что относится к ведению Совета Федерации), дополненная п. «Л» следующего содержания: «Прекращение по представлению Президента Российской Федерации в соответствии с федеральным конституционным законом полномочий Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий».

А в ст. 14.1 Закона о статусе судей (введенной Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 426-ФЗ) уточнены категории судей, полномочия которых прекращаются Советом Федерации. Это: Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, заместитель Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, судья Конституционного Суда Российской Федерации, Председатель Верховного Суда Российской Федерации, заместители Председателя Верховного Суда Российской Федерации, судьи Верховного Суда Российской Федерации, председатели, заместители председателей и судьи кассационных судов общей юрисдикции, апелляционных судов общей юрисдикции, кассационного военного суда, апелляционного военного суда, арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов, Суда по интеллектуальным правам. И здесь же перечислены случаи, когда в отношении названных категорий судей Совет Федерации прекращает их полномочия. Это: 1) совершение поступка, порочащего честь и достоинство судьи; 2) несоблюдение требований, ограничений и запретов, установленных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»; 3) прекращение гражданства Российской Федерации, приобретение гражданства (подданства) иностранного государства либо получение вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства; 4) нарушение судьей, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами; 5) занятие деятельностью, несовместимой с должностью судьи; 6) в иных случаях, предусмотренных федеральными конституционными законами.

Есть основания полагать, что «отделить» этический проступок судьи от дисциплинарного проступка судьи, как вообще всех судей, так и в отношении названных категорий судей, проще и надежнее членам Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, где две трети – судьи (высокопрофессиональные юристы), чем членам Совета Федерации. Может быть, именно поэтому Совет Федерации названными дополнительными полномочиями пока не воспользовался.

Но еще более значимой является проблема упорядочивания массива норм, этически регулирующего поведение людей в социальной сфере³⁹ и самым жестким образом закрепляющего принципиальную невозможность применения мер юридической (любого вида, но в первую голову – дисциплинарной) ответственности за совершение этического проступка. Выработка комплекса мер этической ответственности, как и всего комплекса норм, с этим связанных, – отдельная и крайне важная задача.

Список источников

- Апресян Р. Г., Артемьева О. В., Максимов Л. В. О систематизации этического знания // *Философские науки*. 1997. № 1. С. 64–77.
- Бакурова Н. Н. Этика судебного пристава // *Административное право и процесс*. 2015. № 7. С. 56–58.
- Вель Г. де и др. Этика судьи. Пособие для судей. М. : РАП, 2002. 211 с. ISBN: 5-93916-012-3.
- Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд. М. : Норма, 2009. 432 с. ISBN: 978-5-91768-033-0.
- Власенко Н. А. Проблемы правовой неопределенности : курс лекций. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации : Инфра-М, 2015. 176 с. ISBN: 978-5-16-011136-0.
- Глазырин Т. С., Козлов Т. А., Колосова Н. М. и др. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе, в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование : науч.-практ. пособие / отв. ред. А. Ф. Ноздрачев ; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации. М. : Инфра-М, 2016. 224 с. ISBN: 978-5-16-012101-7.
- Гончаров В. В. Роль ответственности в формировании и функционировании государственного аппарата // *Российский следователь*. 2010. № 11. С. 28–31.

³⁹ В Европейском союзе создана и действует общеевропейская организация «Европейская сеть советов юстиции», учрежденная в 2004 г., которая уделяет значительное внимание вопросам установления единых базовых этических требований к судьям. Эта организация объединяет национальные учреждения в государствах – членах ЕС, которые не зависят от исполнительной и законодательной власти и отвечают за поддержку судебных органов в независимом отправления ими правосудия. См. подробнее: [Соловьев, А. А., 2015, с. 91].

Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика: некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1973. 271 с.

Григорьева Е. А., Злобина Е. А. Постатейный комментарий к Федеральному закону от 30 мая 2001 г. № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» / под ред. С. Н. Братановского. 2011. Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

Грудцын А. Ю. Кодекс этики членов Общественной палаты России // Адвокат. 2007. № 8. С. 75–79.

Гурова И. П., Махонько О. П. Международные стандарты этики учетных профессий // Финансовые и бухгалтерские консультации. 2004. № 10.

Ершов В. В. Международное и внутригосударственное право и неправо: юридическая природа, классификация и дифференциация // Российское правосудие. 2015. № 9 (113). С. 3–17. DOI: 10.17238/issn2072-909X.2015.9.3.

Закомлистов А. Ф. Судебная этика. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2009. 272 с. ISBN: 5-94201-078-1.

Иванцов М. Судейская этика. Саратов, 2008.

Ирхин Ю. В. Возрастающая роль этических кодексов государственной службы в управленческих парадигмах и практиках: сравнительный анализ // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. Вып. 6. С. 95–99.

Капто А. С. Размышления над проблемами судебной этики // Юрист спешит на помощь. 2007. № 4. С. 28–33.

Ключникова Я. А. Профессиональная юридическая этика: теоретический аспект // Мораль и догма юриста: профессиональная юридическая этика : сб. науч. ст. М. : Экспо, 2008. С. 130–150. ISBN: 978-5-699-27461-1.

Кони А. Ф. Уголовный процесс: нравственные начала. 3-е изд. М. : Изд-во СГУ, 2008. 147 с. ISBN: 978-5-8323-0496-0.

Коновалов А. Судебная этика. М., 2009.

Коновалов В. Зачем организации этический кодекс? // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2006. № 7. Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

Крылова Е. Г. Профессионализм как основной принцип организации функционирования государственной службы // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 3. С. 16–19.

Лопатина Т. М. Некоторые аспекты проблемы моральной ответственности компьютерных систем // Правовые вопросы связи. 2005. № 1. С. 12–13.

Мазуренко А. П. Российская правотворческая политика: концепция и реальность. М. : Юрист, 2010. 392 с. ISBN: 978-5-91835-018-8.

Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М. : Изд-во СГУ, 2008. 550 с. ISBN: 978-5-8323-0473-1.

Морхат П. М. К вопросу о взаимодополнении правового и нравственного содержания судей // Научные труды РАЮН. Вып. 7, т. 2. М. : Изд. группа «Юрист», 2007. С. 743–746.

Назарова Е. В. Понятие ответственности как социального феномена // История государства и права. 2008. № 5. С. 12–15.

Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» / под ред. А. Г. Кучерены. М. : Деловой Двор, 2009. 248 с. ISBN: 978-5-91-550060-9.

Оболожский А. Н. Административная мораль на английском газоне (предисловие к публикации Морального кодекса гражданского служащего Великобритании) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2007. № 1. С. 107–116.

Окулич И. П. Актуальные проблемы юридической регламентации этических норм депутатской этики: различные мнения и подходы к решению // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 3. С. 51–56.

Пастернак С. Н. Особенности правового регулирования и принципы статуса судьи Конституционного трибунала Польской Республики // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 7. С. 12–16.

Пашин С. А. Судейская этика. М. : Комплекс-Прогресс, 2001. 55 с. ISBN: 5-89342-027-6.

Прокофьев А. В. Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль. Вып. 9. М. : Ин-т философии РАН, 2009. С. 122–145.

Соловьев А. А. Этические обязательства судей: европейский подход к регулированию // Законы России. 2015. № 3. С. 89–95.

Ткачев В. Н. От Кодекса чести судьи к Кодексу судейской этики // Российская юстиция. 2003. № 4. С. 68–70.

Яковенко В. Судебная этика. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008. 311 с.

References

Apresyan, R. G., Artem'eva, O. V., Maksimov, L. V., 1997. [On the systematization of ethical knowledge]. *Filosofskie nauki* = [Philosophical Sciences], 1, pp. 64–77. (In Russ.)

Bakurova, N. N., 2015. [Ethics of a bailiff]. *Administrativnoe pravo i process* = [Administrative Law and Process], 7, pp. 56–58. (In Russ.)

Ershov, V. V., 2015. International and Domestic Law and Not Law: Legal Nature, Classification and Differentiation. *Rossiiskoe pravosudie* = [Russian Justice], 9, pp. 3–17. (In Russ.) DOI: 10.17238/issn2072-909X.2015.9.3.

Glazyrin, T. S., Kozlov, T. L., Kolosova, N. M., et al., 2016. *Konflikt interesov na gosudarstvennoy i munitsipal'noy sluzhbe, v deyatel'nosti organizatsiy: prichiny, predotvrashcheniye, uregulirovaniye* = [Conflicts of interest at the state and municipal service and in organizations: causes, prevention, management]. Scientific and practical guide. Ed. A. F. Nozdrachev. Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation. Moscow: Infra-M. 224 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-16-012101-7.

Goncharov, V. V., 2010. [The role of responsibility in the formation and functioning of the state apparatus]. *Rossijskij sledovatel'* = [A Russian Investigator], 11, pp. 28–31. (In Russ.)

Gorsky, G. F., Kokorev, L. D., Kotov, D. P., 1973. *Sudebnaya etika: Nekotoryye problemy npravstvennykh nachal sovetskogo ugolovnogogo protsesa* = [Judicial ethics: Some problems of the moral principles of the Soviet criminal process]. Voronezh: Publishing House of the Voronezh State University. 271 p. (In Russ.)

Grigor'eva, E. A., Zlobina, E. A., 2011. *Postatejnyj kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 30 maya 2001 g. № 70-FZ "Ob arbitrazhnykh zasedatelyah arbitrazhnykh sudov sub"ektov Rossijskoj Federacii"* = [Article-by-article commentary to Federal Law No. 70-FZ of May 30, 2001 "On Arbitration Assessors of Arbitration courts of the subjects of the Russian Federation"]. Ed. S. N. Bratanovsky. Available from reference legal system "Garant". (In Russ.)

Grudtsyn, L. Yu., 2007. [Code of Ethics of members of the Public Chamber of Russia]. *Advokat* = [Lawyer], 8, pp. 75–79. (In Russ.)

Gurova, I. P., Makhon'ko, O. P., 2004. [International standards of ethics of accounting professions]. *Finansovye i buhgalterskie konsul'tacii* = [Financial and Accounting Consultations], 10. (In Russ.)

Irkhin, Yu. V., 2011. [The increasing role of ethical codes of public service in managerial paradigms and practices: comparative analysis]. *Problemyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* = [Problem Analysis and State-Management Design], 6, pp. 95–99. (In Russ.)

Ivantsov, M., 2008. *Sudejskaya etika* = [Judicial ethics]. Saratov. (In Russ.)

Kapto, A. S., 2007. [Reflections on the problems of judicial ethics]. *Yurist speshit na pomoshch'* = [Lawyer Rushes to the Rescue], 4, pp. 28–33. (In Russ.)

Klyuchnikova, Ya. A., 2008. [Professional legal ethics: theoretical aspect]. *Moral' i dogma yurista: professional'naya yuridicheskaya etika* = [Morality and dogma of a lawyer: professional legal ethics]. Collection of scientific articles. Moscow: Ekspo. Pp. 130–150. (In Russ.) ISBN: 978-5-699-27461-1.

Koni, A. F., 2008. *Ugolovnyj process: npravstvennye nachala* = [Criminal process: moral principles]. 3rd ed. Moscow: Modern Humanitarian University Publishing House. 147 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8323-0496-0.

- Kononov, A., 2009. *Sudebnaya etika* = [Judicial ethics]. Moscow. (In Russ.)
- Kononov, V., 2006. [Why does an organization need an ethical code?]. *Kadrovik. Kadrovyy menedzhment* = [HR Officer. HR Management], 7. (In Russ.)
- Krylova, E. G., 2007. [Professionalism as the basic principle of the organization of the functioning of the civil service]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process* = [Arbitration and Civil Procedure], 3, pp. 16–19. (In Russ.)
- Kucherena, A. G., ed., 2009. *Nauchno-prakticheskij kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 31 maya 2002 g. № 63-FZ "Ob advokatskoj deyatelnosti i advokature v Rossijskoj Federacii"* = [Scientific and Practical commentary on Federal Law No. 63-FZ of May 31, 2002 "On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation"]. Moscow: Delovoy Dvor. 248 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-91-550060-9.
- Lopatina, T. M., 2005. [Some aspects of the problem of moral responsibility of computer systems]. *Pravovye voprosy svyazi* = [Legal Issues of Communication], 1, pp. 12–13. (In Russ.)
- Mal'tsev, G. V., 2008. *Nravstvennye osnovaniya prava* = [Moral foundations of law]. Moscow: Modern Humanitarian University Publishing House. 550 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8323-0473-1.
- Morkhat, P. M., 2007. [On the issue of complementarity of the legal and moral content of judges]. *Nauchnye trudy RAYuN* = [Scientific works of Russian Academy of Legal Sciences]. Issue 7, vol. 2. Moscow: Publishing House of the group "Yurist". (In Russ.)
- Mazurenko, A. P., 2010. *Rossijskaya pravotvorcheskaya politika: koncepciya i real'nost'* = [Russian law-making policy: concept and reality]. Moscow: Lawyer. 392 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-91835-018-8.
- Nazarova, E. V., 2008. [The concept of responsibility as a social phenomenon]. *Istoriya gosudarstva i prava* = [History of the State and Law], 5, pp. 12–15. (In Russ.)
- Obolozhsky, A. N., 2007. [Administrative morality on the English lawn (preface to the publication of the Moral Code of the Civil servant of Great Britain)]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* = [Questions of State and Municipal Administration], 1, pp. 107–116. (In Russ.)
- Okulich, I. P., 2010. [Actual problems of legal regulation of ethical norms of deputy ethics: various opinions and approaches to the solution]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* = [Constitutional and Municipal Law], 3, pp. 51–56. (In Russ.)
- Pashin, S. A., 2001. *Sudejskaya etika* = [Judicial ethics]. Moscow: Kompleks-Progress. 55 p. (In Russ.) ISBN: 5-89342-027-6.
- Pasternak, S. N., 2006. [Peculiarities of legal regulation and principles of the status of a judge of the Constitutional Tribunal of the Polish Republic]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* = [State Power and Local Self-Government], 7, pp. 12–16. (In Russ.)

Prokofev, A. V., 2009. [The choice in favor of lesser evil and the problem of the boundaries of the morally permissible]. *Eticheskaya mysl'* = [Ethical thought]. Issue 9. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Pp. 122–145. (In Russ.)

Solov'ev, A. A., 2015. [Ethical obligations of judges: a European approach to regulation]. *Zakony Rossii* = [Laws of Russia], 3, pp. 89–95. (In Russ.)

Tkachev, V. N., 2003. [From the Code of Honor of a judge to the Code of Judicial Ethics]. *Rossijskaya yusticiya* = [Russian Justice], 4, pp. 68–70. (In Russ.)

Ville, G. de, et al., 2002. *Etika sud'i. Posobie dlya sudej* = [Ethics of the judge. Manual for judge]. Moscow: Russian Academy of Justice. 211 p. (In Russ.) ISBN: 5-93916-012-3.

Vitruk, N. V., 2009. *Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti* = [General theory of legal responsibility]. 2nd ed. Moscow: Norma. 432 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-91768-033-0.

Vlasenko, N. A., 2015. *Problemy pravovoj neopredelennosti* = [Problems of legal uncertainty]. Course of lectures. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation; Infra-M. 176 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-16-011136-0.

Yakovenko, V., 2008. *Sudebnaya etika* = [Judicial ethics]. Voronezh: Publishing House of the Voronezh State University. 311 p. (In Russ.)

Zakomlistov, A. F., 2009. *Sudebnaya etika* = [Judicial ethics]. St. Petersburg: Yuridichesky tsentr Press. 256 p. (In Russ.) ISBN: 5-94201-078-1.

Информация об авторе / Information about the author

Клеандров Михаил Иванович, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Знаменка, д. 10).

Mikhail I. Kleandrov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (10 Znamenka St., Moscow, 119019, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 14.09.2023; дата одобрения после рецензирования: 10.10.2023; дата принятия статьи к опубликованию: 12.10.2023.

Submitted: 14.09.2023; reviewed: 10.10.2023; revised: 12.10.2023.

Научная статья

УДК 342.553: 340.11

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.43-58

Правовые основы местного сообщества в Российской Федерации: понятие, структура, формы взаимодействия с органами местного самоуправления

Александр Николаевич Писарев

*Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация
a.n.pisarev@mail.ru*

Аннотация

Введение. В свете поправок к Конституции 2020 г., касающихся правовой регламентации как в целом гражданского общества, так и отдельных его публично-правовых институтов, а также правовой позиции Конституционного Суда относительно признания местного сообщества в качестве источника и субъекта осуществления местного самоуправления, сформулированной в ряде его постановлений и определений, представляется актуальным закрепление в действующем законодательстве понятия, структуры местного сообщества и основных форм его взаимодействия с органами местного самоуправления.

Теоретические основы. Методы. Методология исследования в значительной мере определяется его целями, главная из которых состоит в том, чтобы на основе системно-правового анализа норм конституционного законодательства, различных точек зрения исследователей по данной проблематике, правовых позиций Конституционного Суда относительно места и роли местного сообщества в системе местного самоуправления как одной из форм осуществления народо-властия сформулировать комплекс научно обоснованных выводов об основных публично-правовых характеристиках местного сообщества и на их основе разработать практические рекомендации по совершенствованию законодательства в данной области. В работе использованы общенаучные методы (системного анализа, диалектический, формально-логический) и специальные методы исследования (системно-правовой, сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический).

Результаты исследования. Применены теоретико-методологические и научно-практические подходы к определению понятия и структуры местного сообщества и образующих ее элементов (институтов). Разработана методология определения оснований для классификации форм взаимодействия местного сообщества с органами местного самоуправления в зависимости от определя-

емых в законодательстве форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления, форм участия населения в осуществлении местного самоуправления и форм осуществления общественного контроля. Проанализированы критерии определения единства форм взаимодействия местного сообщества и органов местного самоуправления, закрепляемых в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» в решении вопросов местного значения.

Обсуждение и заключение. Формирование местного сообщества в качестве публично-правового института гражданского общества, субъекта и источника осуществления местного самоуправления является необходимым условием на пути его развития в качестве основы конституционного строя Российской Федерации и одной из форм осуществления народовластия, что обуславливает целесообразность введения юридического термина «местное сообщество» в действующее федеральное законодательство.

Ключевые слова: местное сообщество, структура местного сообщества, формы взаимодействия местного сообщества с органами местного самоуправления, местное сообщество – институт гражданского общества, субъект местного самоуправления, субъект общественного контроля, филиалы, представительства некоммерческих, благотворительных организаций, местные первичные отделения политических партий

Для цитирования: Писарев А. Н. Правовые основы местного сообщества в Российской Федерации: понятие, структура, формы взаимодействия с органами местного самоуправления // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 4. С. 43–58. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.43-58.

Original article

Legal Foundations of the Local Community in the Russian Federation: Concept, Structure, Forms of Interaction with Local Self-Government Bodies

Aleksandr N. Pisarev

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

For correspondence: a.n.pisarev@mail.ru

Abstract

Introduction. In the light of the constitutional innovations of 2020 regarding the legal regulation of civil society as a whole, and in particular of its individual public law institutions, as well as the legal position of the Constitutional Court, formulated in a number of its resolutions and definitions, regarding the recognition of the local community as a source and subject of local self-government, the problem of legalization seems urgent the legal definition of “local community” in the current legislation.

Theoretical Basis. Methods. The methodology of the study is largely determined by its goals, the main of which is to formulate a set of scientifically based conclusions about the concept based on a systematic legal analysis of various points of view of researchers, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the place and role of the local community in the system of local self-

government as its source and subject of implementation, the structure of the local community and the forms of its interaction with local self-government bodies and on their basis to develop practical recommendations for improving legislation in this area. The work uses general scientific methods (system analysis, dialectical, formal-logical) and special research methods (system-legal, comparative-legal, historical-legal, formal-legal). The application of these methods of scientific research makes it possible to determine the structure of the local community as an institution of civil society and a subject of local self-government, to identify intra-system connections, forms of interaction of the local community with local self-government bodies, patterns and trends corresponding to this process.

Results. The theoretical, methodological, scientific and practical issues of defining the concept and structure of the local community, as well as the requirements imposed in the legislation to its elements in the face of organized associations of the population of the municipality are disclosed. A methodology has been developed for determining the grounds for classifying the forms of interaction of the local community with local self-government bodies depending on the forms of direct implementation of local self-government by the population, forms of participation of the population in the implementation of local self-government and forms of public control defined in the legislation. The criteria for determining the unity of the forms of interaction between the local community and local self-government bodies, enshrined in the Federal Law "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" and the Federal Law "On the Basics of Public Control in the Russian Federation" in solving issues of local importance, are analyzed.

Discussion and Conclusion. The formation of a local community as a public legal institution of civil society, a subject and source of local self-government is a necessary condition on the path of its development as the basis of the constitutional system of the Russian Federation and one of the forms of democracy, which determines the advisability of introducing the legal term "local community" in current federal legislation.

Keywords: local community, structure of local community, forms of interaction of local community with local self-government bodies, local community – institution of civil society, subject of local self-government, subject of public control, branches, representative offices of non-profit, charitable organizations, local primary branches of political parties

For citation: Pisarev, A. N., 2023. Legal foundations of the local community in the Russian federation: concept, structure, forms of interaction with local self-government bodies. *Pravosudie/Justice*, 5(4), pp. 43–58. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.43-58.

Введение

До настоящего времени понятие «местное сообщество» не нашло своего отражения в Конституции Российской Федерации и федеральном законодательстве. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» при определении источников и субъектов осуществления местного самоуправления использует юридический термин «население» применительно к правовой регламентации его организации в отдельных муниципальных образованиях (ст. 2)¹.

¹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Во многом пробелы в правовой регламентации местного сообщества в современном российском законодательстве объясняются господствовавшей до последнего времени в отечественной науке точкой зрения о том, что гражданское общество в целом и такой его институт, как местное сообщество, в частности не имеют правовой природы и являются предметом исследования политологии, социологии, философии, истории и других гуманитарных наук [Писарев, А. Н., 2017, с. 15–16].

Несмотря на отсутствие в законодательстве Российской Федерации правовой регламентации как в целом гражданского сообщества, так и, в частности, отдельных его институтов, следует отметить стремление государства к их становлению и развитию. Например, в Указе Президента Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 120 «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека» основными задачами деятельности данного консультативного органа при Президенте названы: содействие процессам гуманизации и модернизации российского общества; подготовка предложений Президенту по созданию благоприятных условий для развития институтов гражданского общества и расширения участия граждан в модернизации страны, в том числе путем передачи отдельных функций государственных органов институтам гражданского общества и др.²

Первым шагом в направлении их правовой регламентации в конституционном законодательстве можно считать положения п. «е. 1», ч. 1 ст. 114 Конституции, которые появились в результате конституционной реформы 2020 г. Речь идет о закрепленных в данной конституционной норме полномочиях Правительства в области взаимодействия государства и гражданского общества. Закрепление в Конституции такого рода новаций было инициировано в послании главы российского государства Федеральному Собранию от 15 января 2020 г.³, где он, в частности, акцентировал внимание на наличии в настоящее время в России зрелых политических, партийных объединений и авторитетного гражданского общества.

Конституционный Суд в своих постановлениях и определениях неоднократно определял местное сообщество в качестве института гражданского общества, источника муниципальной власти и субъекта осуществления местного самоуправления. В частности, в своем Постановлении от 1 февраля 1996 г. № 3-П (п. 11) Конституционный Суд разъяснил, что в соответствии с требованиями ч. 5 ст. 76 Конституции именно местные сообщества обладают правом на создание иных, кроме выборных, органов местного самоуправления⁴.

В постановлениях от 2 апреля 2002 г. № 7-П (п. 3)⁵ и от 11 ноября 2003 г. № 16-П (п. 3)⁶ Конституционного Суда содержится вывод о том, что муниципальная власть является властью местного сообщества.

² Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Российская газета. 2020. 16 янв. Столичный выпуск.

⁴ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

В Постановлении Конституционного Суда от 18 мая 2011 г. № 9-П (п. 9) разъяснено, что в по смыслу положений ст. 12, ч. 2 ст. 130 и ч. 1 ст. 131 Конституции в силу многообразия организационных моделей построения и реализации муниципальной власти законодательное регулирование в этой сфере общественных отношений должно гарантировать местным сообществам реальную возможность определять конкретные требования, касающиеся организации и осуществления местного самоуправления⁷.

В Постановлении Конституционного Суда от 1 декабря 2015 г. № 30-П (п. 6) органы местного самоуправления названы организационно-правовым выражением власти местного сообщества как первичного субъекта права на местное самоуправление⁸.

В Определении Конституционного Суда от 21 февраля 2002 г. № 26-О (п. 3) содержится толкование п. 3 ст. 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в том смысле, что местные сообщества решают вопрос возможности наделения избранного населением главы муниципального образования правом входить в состав представительного органа местного самоуправления, председательствовать на его заседаниях⁹.

В соответствии с позицией Конституционного Суда относительно места и роли местного сообщества в системе осуществления местного самоуправления в законодательстве отдельных субъектов Российской Федерации, например города федерального значения Москвы, города федерального значения Севастополя, Московской области и др., юридическая категория «местное сообщество» закрепляется в контексте определения его тождественности с юридической категорией «население муниципального образования» и в целях более точной публично-правовой характеристики субъекта и источника осуществления местного самоуправления¹⁰.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу настоящего исследования составляют работы ученых-конституционалистов, посвященные различным правовым аспектам становления и развития в Российской Федерации гражданского общества, его структуре, отдельным правовым институтам и формам взаимодействия с органами публичной власти (С. А. Авакьяна, В. С. Грачева, В. В. Гребенникова, Е. В. Киричека, А. Р. Лаврентьева, А. С. Прудникова, А. И. Тетуева и др.), а также научные труды ученых в области муниципального права, предметом которых являются различные публично-правовые аспекты местного сообщества как института гражданского общества и субъек-

⁷ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: Устав города Москвы, утвержденный Московской городской Думой 28 июня 1995 г.; Устав города Севастополя, принятый Законодательным Собранием города Севастополя 11 апреля 2014 г.; Устав Московской области от 11 декабря 1996 г. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

та местного самоуправления (И. А. Алексеева, Е. И. Бычковой, А. А. Гордиенко, М. А. Кокотовой, Т. Н. Михеевой, С. В. Нарутто, Л. А. Нудненко, Д. С. Панова, А. Н. Рыкова, Е. И. Хлуднева, Е. С. Шугриной и др.).

Методологической основой исследования является системно-правовой анализ, который предполагает изучение тех или иных публично-правовых явлений сквозь призму объекта, субъекта, сущности и содержания анализируемых правоотношений. В данной научной статье такой метод используется при исследовании единой системы народовластия Российской Федерации, одной из форм которой согласно ст. 3 Конституции России является местное самоуправление, которое осуществляется гражданами посредством закрепленных в Конституции и законодательстве институтов непосредственной и представительной демократии.

Кроме этого, в свете конституционных новаций 2020 г. в части закрепления в ч. 3 ст. 132 Конституции положений о вхождении органов местного самоуправления в единую систему публичной власти и, соответственно, рассмотрении муниципальной власти и власти государственной в качестве двух форм власти народа представляется логичным избранный автором алгоритм проведения настоящего исследования, предусматривающий рассмотрение местного сообщества в качестве публично-правового института гражданского общества, а тем самым – производного характера структурных элементов первого от структурных элементов второго.

Применение системно-правового метода научного исследования позволяет определить структуру местного сообщества не только как публично-правового института гражданского общества, но и как источника и субъекта осуществления местного самоуправления, выявить внутрисистемные связи, формы взаимодействия местного сообщества с органами местного самоуправления, определяющие закономерности и тенденции развития всей системы народовластия на местном (муниципальном) уровне публичной власти, глубже понять механизмы воздействия права на общественные отношения, возникающие внутри этой системы; охватить все объективно необходимые внутрисистемные связи, влияющие на содержание и эффективное функционирование местного сообщества.

Проблематика местного сообщества, особенно в последнее время, востребована в науке муниципального права. Большая часть исследований в данной области направлены на уяснение того, как понятие местного сообщества соотносится с легализованной в Конституции и федеральном законодательстве юридической категорией «население», которая, как известно, закрепляется там в качестве основного источника и субъекта осуществления местного самоуправления.

Автор солидаризируется с точкой зрения Д. С. Панова о том, что в настоящее время в юридической науке существует два основных подхода по поводу соотношения юридических категорий «местное сообщество» и «население муниципального образования»: первый объединяет ученых, отождествляющих две эти категории и полагающих, что указанному населению потенциально присущи признаки местного сообщества, а второй отрицает такое тождество, поскольку население может считаться местным

сообществом, но при условии обладания определенными признаками [Панов, Д. С., 2019, с. 120].

В первую группу ученых следует включить, например, А. Н. Рыкова, который не разделяет понятия «местное сообщество» и «население муниципального образования», поскольку считает, что деятельность последнего, с одной стороны, направлена на «достижение общего местного интереса (обеспечение социального согласия, достойного уровня жизнеобеспечения)», с другой стороны, «носит управленческий, обязательный характер и по определению не может быть проявлением гражданского общества» [Рыков, А. Н., 2017, с. 31].

Е. И. Бычкова придерживается такой же точки зрения и полагает, что «нормативный акт, издаваемый органом местного самоуправления или принимаемый непосредственно гражданами, фиксирует тем самым волю местного сообщества в качестве совокупной воли населения муниципального образования» [Бычкова, Е. И., 2014, с. 43].

Другие ученые, которых в настоящее время большинство, считают необходимым закрепление в законодательстве *местного сообщества в качестве самостоятельного источника и субъекта осуществления местного самоуправления* на основании выделяемых ими характеристик такого сообщества, отличающих его от легализованной юридической категории «население муниципального образования».

Например, Л. А. Нудненко считает более предпочтительным использование в действующем законодательстве термина «местное сообщество», поскольку он в большей степени, чем юридическая категория «население муниципального образования», подчеркивает «наличие у них общих интересов, осознания своих прав и возможностей влиять на ход жизни в нем и ответственности за него» [Нудненко, Л. А., 2003, с. 173].

А. А. Гордиенко отмечает такой важный факт, что в местное сообщество «включается та часть населения муниципального образования, которая занимает активную жизненную позицию и нацелена на участие в решении различных социальных проблем и реализации инициатив граждан» [Гордиенко, А. А., 2005, с. 12].

И. А. Алексеев выступает за правовую регламентацию в действующем федеральном законодательстве юридической категории «местное сообщество» в силу того, что оно является основой для развития демократии на местном (муниципальном) уровне публичной власти, что проявляется в том, что институты местного сообщества обеспечивают реализацию населением своего конституционного права на осуществление местного самоуправления в установленных в законодательстве формах непосредственной демократии [Алексеев, И. А., 2018, с. 5–9].

С. В. Нарутто и Е. С. Шутрина также признают, что местное самоуправление – это «не только публично-властный институт, но и сообщество самоорганизованных, инициативных граждан» [Нарутто, С. В., Шутрина, Е. С., 2020, с. 12].

При этом следует признать, что процесс формирования местного сообщества в большинстве муниципальных образований проходит довольно сложно: во-первых, значительная часть населения в силу занятости

по основному месту работы и отсутствия соответствующей правовой грамотности не готова участвовать в решении вопросов местного значения, иметь общие публичные (общественно полезные интересы), быть активным участником взаимодействия общественности с органами местного самоуправления; во-вторых, у населения отсутствует уверенность в возможности местного сообщества оказывать серьезное влияние на деятельность органов местного самоуправления [Хлуднев, Е. И., 2020, с. 29–32].

Результаты исследования

Представляется, что для уяснения понятия «местное сообщество» в качестве субъекта осуществления местного самоуправления и формулирования предложений по его правовой регламентации в действующем законодательстве в целях устранения существующих в этой части пробелов необходимо определить структуру местного сообщества (*основные элементы или институты*) и *формы его взаимодействия с органами местного самоуправления*.

В силу того, что местное сообщество является институтом гражданского общества и имеет производный от него характер, по мнению автора, при выделении элементов его структуры следует исходить из структуры гражданского общества, в которую традиционно отечественные ученые включают общественные объединения, негосударственные, некоммерческие, благотворительные организации, религиозные организации, независимые средства массовой информации, правозащитные организации, общины коренных малочисленных народов Российской Федерации, казачьи общества; социальные, благотворительные и иные фонды, ассоциации и союзы; организации, осуществляющие добровольческую (волонтерскую) деятельность [Грачев, В. С., 2019; Гребенников, В. В., 2021; Киричек, Е. В., 2018; Тетуев, А. И., 2018].

Основываясь на сложившихся в юридической науке представлениях об основных элементах гражданского общества, автор полагает, что основными институтами местного сообщества следует считать организованные объединения населения муниципального образования, которые, во-первых, как правило, имеют правовой статус филиалов, территориальных подразделений, представительств, структурных подразделений негосударственных, некоммерческих, благотворительных, общественных организаций, объединений и политических партий, а также субъектов общественного контроля; во-вторых, осуществляют предусмотренные в законодательстве отдельные виды публичной (общественно полезной) деятельности, направленной на охрану, защиту, реализацию прав и законных интересов граждан, их социальную поддержку и оказание помощи, минимизацию социальных проблем, возникающих в процессе решения вопросов местного значения, и др.

В силу отмеченного выше производного характера местного сообщества от гражданского общества логично предположить, что в соответствии с положениями п. «е. 2» ч. 1 ст. 114 Конституции, относящими некоммерческие организации к числу институтов гражданского общества, в структуру местного сообщества могут быть включены созданные на территории муниципального образования *филиалы некоммерческих организаций*.

В части 2 ст. 2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»¹¹ закреплены такие их общественно полезные функции, как деятельность в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ. В соответствии с положениями ч. 3 ст. 2 указанного Закона филиалы, территориальные подразделения некоммерческих организаций, входящие в структуру местного сообщества, могут создаваться на территории муниципальных образований в *форме*: общественных или религиозных организаций (объединений); общин коренных малочисленных народов Российской Федерации; казачьих обществ; некоммерческих партнерств; учреждений; автономных некоммерческих организаций; социальных, благотворительных и иных фондов; ассоциаций и союзов и др.¹²

В соответствии с положениями п. «е.2» ч. 1 ст. 114 Конституции к числу институтов местного сообщества могут быть также отнесены создаваемые на территории муниципального образования *филиалы и представительства благотворительных организаций*, которые согласно ст. 13 Федерального закона от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»¹³ не являются юридическими лицами, наделяются имуществом создавшей их благотворительной организации и действуют на основании утвержденных ею положений. Такие филиалы и представительства должны осуществлять благотворительную деятельность, которая согласно требованиям ст. 1 Федерального закона «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» связана с бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передачей гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстным, безвозмездным выполнением работ и (или) оказанием услуг, осуществлением деятельности в публичных (общественно полезных) целях. Согласно ст. 7 Федерального закона «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» филиалы и представительства благотворительных организаций создаются, в том числе на территории муниципальных образований, в формах общественных организаций (объединений), фондов, учреждений и в иных формах, предусмотренных федеральными законами для благотворительных организаций¹⁴.

В структуру местного сообщества могут быть включены структурные подразделения политических партий (их *местные и первичные отделения*), которые согласно требованиям ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» могут создаваться в случаях и порядке, предусмотренных ее уставом¹⁵.

¹¹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Автор солидаризируется с учеными, которые обоснованно считают, что институты гражданского общества создаются для решения общих для всех групп граждан социальных проблем, к числу которых, несомненно, относятся и существующие проблемы в области противодействия коррупции, в том числе на уровне муниципальной власти [Лаврентьев, А. Р., 2017].

В структуру местного сообщества могут также включаться субъекты общественного контроля, к которым следует отнести общественные палаты (советы) муниципальных образований, общественные инспекции и группы общественного контроля и общественные советы при органах местного самоуправления, которые в соответствии с требованиями Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»¹⁶ призваны его осуществлять, в том числе в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, учета общественных интересов во взаимодействии с органами местного самоуправления.

По точному замечанию Т. Н. Михеевой, включение указанных субъектов общественного контроля в структуру местного сообщества объясняется тем, что предусмотренные в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» формы участия населения в осуществлении местного самоуправления «...одновременно выступают инструментами общественного контроля» [Михеева, Т. Н., 2019, с. 35].

При выделении форм взаимодействия местного сообщества с органами местного самоуправления следует отталкиваться от положений Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», закрепляющих в главе 5 такие формы непосредственной демократии, как: во-первых, непосредственное осуществление населением местного самоуправления; во-вторых, участие в его осуществлении. По мнению автора, первые можно отнести к числу императивных форм взаимодействия местного сообщества с органами местного самоуправления, а вторые – к числу консультативных.

При выборе таких формулировок следует руководствоваться логикой, заложенной в рассуждениях С. А. Авакьяна о том, что императивные формы непосредственной демократии позволяют выявить волю народа, которая носит окончательный и обязательный характер, а консультативные носят рекомендательный для органов публичной власти характер и нуждаются в утверждении компетентным органом государства или органом местного самоуправления [Авакьян, С. А., 2021, с. 82].

Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» закрепляет аналогичные по названию консультативные формы взаимодействия местного сообщества и органов местного самоуправления, направленные на осуществление общественного контроля за деятельностью органов власти.

Выделения в отдельную группу форм взаимодействия местного сообщества и органов местного самоуправления заслуживают формы, позволяющие гражданам *обращаться в органы и к должностным лицам му-*

¹⁶ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

ниципальной власти в порядке и по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», а также оспаривать их решения, действия (бездействие) путем предъявления административного искового заявления в порядке, предусмотренном в главе 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации¹⁷.

Территориальное общественное самоуправление, деятельность которого регламентируется в ст. 27 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», должна быть выделена в отдельную самостоятельную группу форм взаимодействия местного сообщества и органов местного самоуправления в силу таких особенностей его правового положения, как: во-первых, самостоятельный и под свою ответственность характер деятельности по реализации собственных инициатив по вопросам местного значения; во-вторых, осуществление публичной (общественно полезной) деятельности на части территории муниципальных образований в пределах четко определяемых в указанном Законе видов территорий проживания граждан; в-третьих, многообразие организационных форм осуществления посредством как проведения собраний и конференций граждан, так и создания органов территориального общественного самоуправления; в-четвертых, возможность государственной регистрации в качестве юридического лица и осуществления хозяйственной деятельности, в том числе на основании договора с органами местного самоуправления с использованием средств местного бюджета.

Обсуждение и заключение

1. С учетом востребованности в настоящее время в российском государстве и обществе проблематики становления и развития гражданского общества и отдельных его институтов, правовой позиции Конституционного Суда по поводу признания местного сообщества в качестве источника и субъекта права на осуществление местного самоуправления, а также сформировавшейся на этой основе в науке муниципального права соответствующей точки зрения ученых следует признать актуальной проблему легализации в действующем законодательстве юридической дефиниции «местное сообщество».

2. Основываясь на положениях ст. 3 Конституции, определяющих местное самоуправление в качестве одной из форм народовластия в Российской Федерации, и положениях ч. 3 ст. 132 Конституции, закрепивших вхождение органов местного самоуправления в единую систему публичной власти в Российской Федерации, автор приходит к обоснованному выводу о том, что муниципальная власть и власть государственная являются двумя формами единой публичной власти.

3. В соответствии с признанным мнением о вхождении муниципальной власти в единую публичную власть представляется логичным рассмотрение местного сообщества в качестве института гражданского общества, а значит, производного характера элементов первого от элементов второго. Таким образом,

¹⁷ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

можно утверждать, что в структуру местного сообщества следует включить организованные объединения населения муниципального образования, которые, во-первых, как правило, имеют правовой статус филиалов, территориальных подразделений, представительств, структурных подразделений, местных, первичных отделений негосударственных, некоммерческих, благотворительных, общественных организаций, объединений и политических партий, а также субъектов общественного контроля (общественных палат, общественных инспекций и группы общественного контроля); во-вторых, которые осуществляют на территории муниципального образования предусмотренные в законодательстве отдельные виды публичной (общественно полезной) деятельности, направленной на охрану, защиту, реализацию прав и законных интересов граждан, их социальную поддержку и оказание помощи, минимизацию социальных проблем, возникающих в процессе решения вопросов местного значения, обеспечение общественного контроля за деятельностью органов и должностных лиц местного самоуправления, в том числе в области противодействия коррупции, и др.

4. В силу отмеченного статуса местного сообщества как института гражданского общества и, соответственно, единства закрепленных в Конституции форм непосредственной и представительной демократии, посредством которых гражданское общество и местное сообщество взаимодействуют с органами, входящими в единую систему публичной власти, автор приходит к выводу о том, что при определении оснований для классификации форм взаимодействия местного сообщества и органов местного самоуправления следует учитывать положения федерального законодательства, закрепляющие формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и формы участия населения в осуществлении местного самоуправления. Первые можно отнести к числу императивных форм взаимодействия местного сообщества с органами местного самоуправления, а вторые – консультативных.

5. Консультативные формы взаимодействия местного сообщества и органов местного самоуправления находят свое отражение как в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» при регламентации форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, так и в Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» при регламентации форм общественного контроля за деятельностью органов власти, что свидетельствует о единстве указанных форм в решении вопросов местного значения.

6. Избранные автором алгоритмы исследования местного сообщества в качестве института гражданского общества, субъекта и источника местного самоуправления позволили выделить такие виды форм взаимодействия местного сообщества и органов местного самоуправления, как: формы непосредственного осуществления местного самоуправления; формы участия в осуществлении местного самоуправления; формы, позволяющие гражданам обращаться в органы и к должностным лицам муниципальной власти и оспаривать их решения, действия (бездействие); территориальное общественное самоуправление.

Список источников

- Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. Т. 1. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2021. 864 с. ISBN: 978-5-16-108814-2.
- Алексеев И. А., Шипулин Н. С. Местное сообщество – основа муниципальной демократии // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2018. № 1. С. 5–9.
- Бычкова Е. И. Некоторые проблемы правовой регламентации муниципального правотворчества в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 4. С. 43–45.
- Гордиенко А. А. Территориальное общественное самоуправление в местном сообществе : моногр. Новосибирск : Мэрия г. Новосибирска, 2005. 228 с. ISBN: 5-94560-092-X.
- Грачев В. С. Структура гражданского общества, его субъекты и правовые институты // Закон и право. 2019. № 1. С. 41–42. DOI: 10.24411/2073-3313-2019-10006.
- Гребенников В. В. Гражданское общество и конвергенции частно-правовых и публично-правовых начал права // Право и управление. 2021. № 1. С. 14–18.
- Киричек Е. В. Институты гражданского общества в решениях Конституционного Суда Российской Федерации и научной интерпретации // Политика и общество. 2018. № 7. С. 40–49.
- Кокотова М. А. Местные общественные палаты (советы) в России и региональные экономические, социальные и экологические советы во Франции как субъекты общественного контроля // Российский юридический журнал. 2021. № 4 (139). С. 32–41. DOI: 10.34076/20713797_2021_4_32.
- Лаврентьев А. Р. Институты гражданского общества в противодействии коррупции // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы XIV междунар. науч.-теор. конф., Санкт-Петербург, 27–28 апр. 2017 г. Т. 2. / под ред. Н. С. Нижник. СПб. : С.-Петербург. ун-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации, 2017. С. 166–168.
- Михеева Т. Н. Институты гражданского общества на муниципальном уровне как потенциал для расширения субъектов общественного контроля // Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 35–39.
- Нарутто С. В., Шугрина Е. С. Муниципальная демократия: от теории к практике / Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина. М. : Юрлитинформ, 2020. 272 с. ISBN: 978-5-4396-1927-6.
- Нудненко Л. А. Институты непосредственной демократии в системе местного самоуправления: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 342 с.

Панов Д. С. Население муниципального образования и местное общество: соотношение и использование понятий (правовые аспекты) // Государство и право. 2019. № 8. С. 116–121. DOI: 10.31857/S013207690006252-9.

Писарев А. Н. Формы взаимодействия государства и гражданского общества в Российской Федерации : учеб. пособие. М. : РГУП, 2017. 220 с. ISBN: 978-5-93916-568-6.

Прудников А. С. Институты гражданского общества и общественный контроль: понятие, правовое регулирование // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 50–53. DOI: 10.24412/2414-3995-2021-3-50-53.

Рыков А. Н. К вопросу о соответствии конституционного принципа самостоятельности интересам местной публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 8. С. 31–40.

Тетуев А. И. Региональные особенности становления и развития социально-политических институтов гражданского общества в современной России // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа : материалы VI Междунар. конф., Магас, 10–13 мая 2018 г. / Ингуш. гос. ун-т ; под ред. А. М. Мартазанова, З. Х. Султыговой, А. А. Албогачиева, А. Х. Танкиева. Вып. VI. Магас : КЕП, 2018. С. 138–148.

Хлуднев Е. И. Местное сообщество: сущность понятия и роль в осуществлении местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 12. С. 29–32. DOI: 10.18572/1813-1247-2020-12-29-32.

References

Alekseev, I. A., Shipulin, N. S., 2018. [Local community – the basis of municipal democracy]. *Municipal'naya sluzhba: pravovye voprosy* = [Municipal Service: Legal Issues], 1, pp. 5–9. (In Russ.)

Avakian, S. A., 2021. *Konstitucionnoe pravo Rossii* = [Constitutional Law of Russia]. Training course. The textbook. In 2 vols. Vol. 1. 7th ed., repr. and add. Moscow: Norma, Infra-M. 864 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-16-108814-2.

Bychkova, E. I., 2014. [Some problems of legal regulation of municipal lawmaking in the Russian Federation]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* = [State Power and Local Self-Government], 4, pp. 43–45. (In Russ.)

Gordienko, A. A., 2005. *Territorial'noe obshchestvennoe samoupravlenie v mestnom soobshchestve* = [Territorial public self-government in a local community]. Monograph. Novosibirsk: Novosibirsk City Hall. 228 p. (In Russ.) ISBN: 5-94560-092-X.

Grachev, V. S., 2019. The structure of civil society, its subjects and legal institutions. *Zakon i pravo* = [Act and Law], 1, pp. 41–42. (In Russ.) DOI: 10.24411/2073-3313-2019-10006.

Grebennikov, V. V., 2021. [Civil society and convergence of private and public law principles of law]. *Pravo i upravlenie* = [Law and Management], 1, pp. 14–18. (In Russ.)

Khludnev, E. I., 2020. [Local community: the essence of the concept and the role in the implementation of local self-government]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* = [State Power and Local Self-Management], 12, pp. 29–32. (In Russ.) DOI: 10.18572/1813-1247-2020-12-29-32.

Kirichek, E. V., 2018. [Institutions of civil society in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and scientific interpretation]. *Politika i obshchestvo* = [Politics and Society], 7, pp. 40–49. (In Russ.)

Kokotova, M. A., 2021. [Local public chambers (councils) in Russia and regional economic, social and environmental councils in France as subjects of public control]. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal* = [Russian Law Journal], 4, pp. 32–41. (In Russ.) DOI: 10.34076/20713797_2021_4_32.

Lavrent'ev, A. R., 2017. [Institutions of civil society in combating corruption]. In: N. S. Nizhnik, ed. *Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossijskoj policii)* = [State and Law: evolution, current state, development prospects (towards the 300th anniversary of the Russian Police)]. Proceedings of the XIV International Scientific and Theoretical Conference, St. Petersburg, April 27–28, 2017. Vol. 2. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Pp. 166–168. (In Russ.)

Mikheeva, T. N., 2019. [Institutions of civil society at the municipal level as a potential for expanding subjects of public control]. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom* = [Civil Society in Russia and Abroad], 3, pp. 35–39. (In Russ.)

Narutto, S. V., Shugrina, E. S., 2020. *Municipal'naya demokratiya: ot teorii k praktike* = [Municipal democracy: from theory to practice]. Kutafin Moscow State Law University. Moscow: Yurlitinform. 272 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-4396-1927-6.

Nudnenko, L. A., 2003. *Instituty neposredstvennoj demokratii v sisteme mestnogo samoupravleniya: problemy teorii i praktiki* = [Institutions of direct democracy in the system of local self-government: problems of theory and practice]. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 342 p. (In Russ.)

Panov, D. S., 2019. [The population of the municipality and the local community: correlation and use of concepts (legal aspects)]. *Gosudarstvo i pravo* = [State and Law], 8, pp. 116–121. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013207690006252-9.

Pisarev, A. N., 2017. *Formy vzaimodejstviya gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v Rossijskoj Federacii* = [Forms of interaction between the state and civil society in the Russian Federation]. Textbook.

Moscow: Russian State University of Justice. 220 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-93916-568-6.

Prudnikov, A. S., 2021. [Institutions of civil society and public control: concept, legal regulation]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti* = [Bulletin of Economic Security], 3, pp. 50–53. (In Russ.) DOI: 10.24412/2414-3995-2021-3-50-53.

Rykov, A. N., 2017. [On the question of compliance of the constitutional principle of self-activity with the interests of local public authorities]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* = [State Power and Local Self-Government], 8, pp. 31–40. (In Russ.)

Tetuev, A. I., 2018. [Regional features of the formation and development of socio-political institutions of civil society in modern Russia]. In: A. M. Martazanov, Z. Kh. Sultygova, A. A. Albogachiev, A. Kh. Tankiev, eds. *Gumanitarnye i social'no-politicheskie problemy modernizacii Kavkaza* = [Humanitarian and socio-political problems of modernization of the Caucasus]. Materials of the VI International Conference, Magas, May 10–13, 2018. Ingush State University. Issue VI. Magas: KEP. Pp. 138–148. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Писарев Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Aleksandr N. Pisarev, Dr. Sci. (Law), Professor of the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 27.09.2023; дата одобрения после рецензирования: 10.10.2023; дата принятия статьи к опубликованию: 11.10.2023.

Submitted: 27.09.2023; reviewed: 10.10.2023; revised: 11.10.2023.

Научная статья

УДК 347.6

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.59-75

Принцип равенства прав супругов и основания для отступления при разделе имущества супругов

Марина Вячеславовна Ульянова

*Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация
maryulianova14@gmail.com*

Аннотация

Введение. В Семейном кодексе Российской Федерации законодателем закреплен принцип равенства прав супругов, установлен режим совместной собственности супругов. Обстоятельства, возникающие в семейной жизни, многогранны, не всегда удается сохранить семейные отношения. В результате раздел имущества супругов происходит в судебном порядке с требованием стороны отступить от начал равенства долей. Автор предпринял попытку выявить правовую природу и критерии «отступления от начал равенства долей», основания для возможного признания имущества собственностью каждого при раздельном проживании супругов.

Методы. В ходе исследования использовались анализ и синтез, индукция и дедукция, аргументация, обобщение, исторический, сравнительно-правовой анализ.

Результаты исследования. Проведен анализ и определена правовая природа отступления от начал равенства долей, предложены критерии, позволяющие применять в судебном порядке супругам и бывшим супругам норму «об отступлении от равенства долей», защищать свои имущественные права при разделе имущества и прекращении семейной жизни.

Обсуждение и заключение. Внесены предложения по развитию российского правового регулирования, позволяющие осуществлять имущественные права супругов при разделе имущества на основе принципа равенства.

Ключевые слова: режим имущества супругов, раздел имущества, равенство прав супругов, отступление от равенства долей, раздельное проживание, собственность каждого из супругов

Для цитирования: Ульянова М. В. Принцип равенства прав супругов и основания для отступления при разделе имущества супругов // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 4. С. 59–75. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.59-75.

Original article

The Principle of Equality of Rights of Spouses and Grounds for Derogation when Dividing Property of Spouses

Marina V. Ulianova

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
For correspondence: maryulianova14@gmail.com

Abstract

Introduction. In the Family Code of the Russian Federation, the legislator enshrines the principle of equal rights of spouses and establishes a regime of joint property of spouses. The circumstances that arise in family life are multifaceted, and it is not always possible to maintain family relationships. As a result, the division of the spouses' property occurs in court with the requirement of the party to deviate from the principles of equality of shares. The author has made an attempt to identify the legal nature and criteria of "deviation from the principles of equality of shares", the basis for the possible recognition of property as the property of everyone in the event of separation of spouses. *Methods.* The study used analysis and synthesis, induction and deduction, argumentation, generalization, historical and comparative legal analysis.

Results. An analysis was carried out and the legal nature of the deviation from the principles of equality of shares was determined, criteria were proposed that allow spouses and former spouses to apply the rule "on deviation from equality of shares" in court, to protect their property rights during the division of property and the termination of family life.

Discussion and Conclusion. Proposals have been made for the development of Russian legal regulation, allowing for the exercise of property rights of spouses when dividing property on the basis of the principle of equality.

Keywords: regime of property of spouses, division of property, equality of rights of spouses, deviation from equality of shares, separation, property of each spouse

For citation: Ulianova, M. V., 2023. The principle of equality of rights of spouses and grounds for derogation when dividing property of spouses. *Pravosudie/Justice*, 5(4), pp. 59–75. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.59-75.

Введение

Принятие Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹ и их осуществление в целях укрепления института семьи свидетельствуют о необходимости исследования важной составляющей семейных отношений – имущественных отношений, а также имущественных прав супругов. Для целей семейных отношений – продолжения рода, воспитания поколения,

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

рекреационной функции семьи – важны не только личные отношения в семье, но и обеспечение жизнедеятельности семьи. Значимыми моментами осуществления имущественных прав супругов являются совершение сделок в отношении совместно нажитого имущества одним из супругов, а также раздел супружеского имущества. Неотъемлемой частью супружеских отношений выступает принятие решений по взаимному согласию на основании принципа равенства прав супругов, в том числе по владению, пользованию и распоряжению супружеским имуществом. Проявлением принципа равенства, сочетанием охраны частных и публичных интересов, с сохранением позитивного наследия дореволюционного периода можно назвать режим совместной собственности супругов, основы которого заложены советским правовым регулированием².

Методы

Совокупность научных методов исследования, использованных в процессе работы, была определена целью исследования, заключающейся в выявлении сущности режима совместной собственности на нажитое супругами имущество и ее правового характера, оснований отступления от равенства долей. Исследование базируется на таких фундаментальных общенаучных методах, как диалектический, системный, логический, структурно-функциональный. Применялись частнонаучные методы исследования: историко-правовой, сравнительного-правовой, формально-юридический.

Результаты исследования

Содержание дискуссии о режиме совместной собственности

Один из важнейших компонентов благополучной семейной жизни, способствующий в будущем «укреплению семьи» и «заботе о благосостоянии и развитии детей» согласно п. 3 ст. 31 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ³), – это имущественные отношения, складывающиеся между супругами. Средством, обеспечивающим со стороны государства осуществление субъективных семейных прав супругов в отношении имущества, является правовое регулирование, закрепляющее законный режим имущества супругов – режим совместной собственности, а также индивидуальное регулирование [Ершов, В. В., 2022], посредством которого создаются акты индивидуального применения – «соглашения сторон» (ст. 5 СК РФ).

М. В. Антокольская более десяти лет назад выразила мнение, что «имущественные отношения супругов поддаются правовому регулированию гораздо легче, чем личные неимущественные» [Антокольская, М. В., 2010, с. 187]. Однако следует отметить, что осуществление имущественных прав супругов весьма непросто в связи с тем, что презюмируется согласие и какого-либо подтверждения при совершении сделок одним из супругов не

² Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

требуется. Не каждой супружеской паре удастся сохранить семейные отношения на протяжении всей жизни. Раздел имущества возможен как в период состояния в браке (например, в любой момент по взаимному согласию супругов или при признании одного из супругов несостоятельным (банкротом) в силу экономических отношений по требованиям кредиторов), так и после расторжения брака, а также важен выдел супружеской доли при наследовании. Поэтому как в период брака, так и после его прекращения общее имущество может быть разделено.

В отечественной науке выделено несколько видов режимов имущества супругов [Победоносцев, К., 1896, с. 126; Хазова, О. А., 1988, с. 78–96; Слепакова, А. В., 2005]. О. А. Хазова выделяет в наиболее общем виде три вида имущественных режимов на основании различий правовых систем: режим общности, раздельности и смешанный, обладающий отдельными признаками предыдущих [Хазова, О. А., 1988, с. 78–96]. Общность супружеского имущества установлена правом Франции, Испании, Италии, некоторых штатов США⁴. Согласно ст. 1401, 1402 французского Гражданского кодекса 1804 г. любое имущество, движимое и все недвижимое, которым супруги владели как до, так и после заключения брака, а также приобретенное во время брака, имущество, приобретенное от личного труда супругов, сбережения, образовавшиеся за счет доходов и плодов их личного имущества, включаются в общность имущества супругов⁵.

Режим раздельности супружеского имущества предусматривает, что все имущество, когда и каким путем оно ни было бы приобретено, считается раздельной собственностью супругов в Англии и других странах «общего права»⁶.

Смешанный режим соединяет признаки как общности, так и раздельности, О. А. Хазова к нему относит режим «условной», или «отложенной общности». Такой режим распространен в Германии⁷, Швеции⁸, Дании⁹, Норвегии¹⁰,

⁴ Royal Decree of July 24, 1889, issuing the Civil Code // Gaceta de Madrid. No. 206. 25/07/1889. URL: [https://www.boe.es/eli/es/rd/1889/07/24/\(1\)/con](https://www.boe.es/eli/es/rd/1889/07/24/(1)/con) (дата обращения: 03.05.2023).

⁵ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). М., 2012. С. 388.

⁶ URL: <https://www.legislation.gov.uk/>.

⁷ URL: <https://bgb.kommentar.de/>; Гражданское уложение Германии (ГУ) от 18 августа 1896 г. (ред. от 2 января 2002 г.) (с изм. и доп. на 31 марта 2013 г.). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.06.2023).

⁸ Новый Кодекс о браке (Äktenskapsbalk, (1987-230) вступил в силу в Швеции с 1 января 1988 г., с существенными изменениями от 1 мая 2009 г. URL: <https://www.landsmann.no/pdf/2015-2.pdf> (дата обращения: 02.06.2023).

⁹ Приводится по: <https://pravo.hse.ru/data/2019/01/29/1200225279/%D0%94%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%20%D0%BE%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4.%20%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%B0.pdf>.

¹⁰ URL: <https://lovdata.no/dokument/NLE/lov/1991-07-04-47>.

Финляндии¹¹. Все имущество супругов считается принадлежащим каждому из них отдельно, но при расторжении брака все виды имущества объединяются и делятся, в некоторых случаях – пропорционально внесенному вкладу [Хазова, О. А., 1988, с. 78–96]. Раздел имущества при таком подходе после долгих лет брака бывает длительным и затруднительным, так как стороны учитывают не только прирост имущества, но и вину каждого из них, влияющую как на расторжение брака, так и на уменьшение имущества на момент его раздела [Вударски, А., 2022, с. 190].

В правовом регулировании советского периода впервые появляется режим совместной собственности, который был воспринят рядом зарубежных государств. Режим совместной собственности имеет свои преимущества. Так, Е. А. Чефранова признает положительные черты режима совместной собственности супругов и подчеркивает, что «именно режим совместной собственности наиболее полно позволяет отразить особо высокую степень презумпции равенства прав супругов на имущество, нажитое в период брака» [Чефранова, Е. А., 2007, с. 10].

Следует обратить внимание на то, что режим совместной собственности супругов сложился в период, когда имущественные отношения носили иной характер, жилье находилось в пользовании граждан, имущественный оборот не был столь разнообразен. В современный период законодатель в СК РФ закрепил возможность от начал равенства долей в судебном порядке отступить.

А. В. Егоров указывает, что современное регулирование режима совместной собственности супругов имеет признаки режима отложенной общности, присущего Германии [Егоров, А. В., 2020]. Однако А. Вударски отмечает, что «немецкая модель не является идеальной», и выделяет ее недостатки: «Определение вины в расстройстве супружеских взаимоотношений требует проведения подробного анализа жизненных ситуаций супругов, вынуждает обнажать болезненные и интимные переживания, что несет с собой большую психическую нагрузку» [Вударски, А., 2022, с. 190]. В Российской Федерации предусмотрена возможность (право суда) отступить от начала равенства долей (п. 2 ст. 39 СК РФ), но длительное время норма не применялась судами. Кроме того, следует учесть «период раздельного проживания» (п. 4 ст. 38 СК РФ) при разделе имущества. Поэтому нужен анализ принципа равенства прав супругов, в том числе в имущественных отношениях по владению, пользованию и распоряжению совместным имуществом.

Принцип равенства имущественных прав супругов в семье

Современное правовое регулирование основано на принципе равенства прав супругов в семье (п. 3 ст. 1 СК РФ). Н. С. Шерстнева считала, что «нет полного тождества между равенством прав и равенством супругов» [Шерстнева, Н. С., 2004, с. 100–102]. Согласно ст. 19 Конституции Российской

¹¹ Закон Финляндии о браке Sec. 130–132 Marriage Act (234/1929; amendments up to 1226/2001 included). URL: <http://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1929/en19290234.pdf>.

Федерации государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина. Статья 1 СК РФ закрепляет равенство прав супругов в семье, а ст. 31 – равенство супругов в семье (без указания на права) при решении вопросов жизни семьи¹². Таким образом, правовое регулирование направлено на юридическое равенство сторон [Ульянова, М. В., 2022а, с. 20–25].

Обращаясь к истории правового регулирования, следует отметить, что в 1918 г. в Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве в ст. 105 было закреплено, что «брак не создает общности имущества супругов»¹³. В 1926 году в ст. 10 КЗоБСО законодатель закрепляет смешанный режим, сохраняя «раздельным» (личным) добрачное имущество. Вводится понятие «общее имущество супругов» – т. е. нажитое совместно в браке, что было направлено на выполнение семьей ее функций. В первых декретах о браке¹⁴ появились нормы, уравнивающие права супругов: законодатель не выделяет отдельно имущественные и личные неимущественные права мужа или жены. В 1969 году в ст. 20–22 КоБС РСФСР законодатель закрепил общую совместную собственность и личную собственность каждого из супругов. Супруги имеют равные правомочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом, нажитым в браке. В главе 1 сформулированы основные положения, в ст. 3 закреплено равноправие мужчин и женщин в семейных отношениях. Согласно ст. 4 установлено равноправие граждан в семейных отношениях, т. е. был сформулирован принцип равенства прав супругов.

Начиная с 1918 г. правовое регулирование в нашем государстве направлено на установление равенства супругов, на недопущение «господства одного над другим» [Крашенинников, П. В., 2019, с. 13], использования зависимого положения, на уравнивание в правах женщин и мужчин, в том числе в сфере имущественных отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом. В действующем СК РФ законодатель предусмотрел охрану и защиту прав супруга, который ведет домашнее хозяйство, находится в отпуске по уходу за ребенком (т. е. закреплены причины, объективно снижающие доход этого лица), и установил равенство прав на имущество, нажитое супругами во время брака.

М. В. Антокольская пишет, что «супруг, заключающий сделку, не обязан представлять доказательства того, что другой супруг выразил согласие на ее совершение. Такое решение вопроса связано с тем, что необходи-

¹² Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Заключена 18 декабря 1979 г.) (с изм. от 22 мая 1995 г.). Ст. 16 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 25. Ст. 464.

¹³ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (Принят ВЦИК 16 сентября 1918 г.) // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818 (в настоящее время не действует).

¹⁴ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, детях и о ведении книг актов гражданского состояния» // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160 (в настоящее время не действует); Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 19 декабря 1917 г. «О расторжении брака» // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152 (в настоящее время не действует).

мость представления доказательств согласия другого супруга привела бы к чрезвычайному затруднению гражданского оборота... в отношении значительных сделок оно должно быть непосредственно выражено» [Антокольская, М. В., 2010, с. 187].

Проблемы защиты прав супруга, чье согласие на сделку не получено, и проблемы квалификации такой сделки являются предметом давней дискуссии [Масевич, М. Г., 1958; Слепакова, А. В., 2005]. Супруг, чье согласие на сделку не получено, вправе требовать признания ее недействительной в судебном порядке по правилам ст. 173.1 ГК РФ (абз. 2 п. 3 ст. 35 СК РФ) либо отступления от начал равенства долей (п. 2 ст. 39 СК РФ). Согласие может отсутствовать также в силу прекращения супружеских отношений (п. 3 ст. 38 СК РФ).

Отсутствие самостоятельного дохода у лица не в каждой супружеской паре позволяет одному из супругов принимать решения относительно расходования средств. В качестве примеров можно привести приобретение супругом, имеющим самостоятельный доход, предметов роскоши для себя лично и своих родственников, родителей; приобретение недвижимого имущества для перечисленных и других лиц; расходование денежных средств, иного имущества при законном режиме имущества супругов на лиц вне своей семьи и иные расходы, которые сложно выявить и тем более доказать¹⁵, оспорить презумпцию согласия второго супруга.

В интересах семьи и функций, которые семья выполняет в обществе (продолжение рода и воспитание детей), законодатель уравнивает фактически неравное положение, складывающееся между супругами в силу естественного хода жизни, предоставляя равное право собственности на имущество, нажитое в браке (п. 3 ст. 34 СК РФ). Основанием возникновения режима совместной собственности является заключение брака. Право собственности на общее имущество принадлежит и супругу, который не имел самостоятельного дохода, но «осуществлял ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного дохода». Данный перечень имеет расширительный характер: категория «уважительные причины» является оценочной, однако отсутствие уважительной причины является основанием для отступления (п. 2 ст. 39 СК РФ) от равенства долей.

В настоящее время желание, явно высказанное одним из супругов, чтобы второй вел домашнее хозяйство и не трудоустроивался, реализуется на основе уважения и взаимного согласия супругов. Недопустимо вмешательство в дела семьи кого-либо, что соответствует существу семейных отношений и «основным началам семейного законодательства» (ст. 1 и ст. 5 СК РФ). Однако в некоторых случаях отношения супругов изменяются, доходят до расторжения брака и раздела имущества, так как один из них считает, что поведение другого (в частности, «по неуважительным» причинам не получал доходов) не соответствует его представлению о поведении в браке, а значит, нарушает его права.

¹⁵ См., например: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2023 г. № 34-КГ23-1-К3; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 июня 2023 г. № 69-КГ23-4-К7 о разделе совместно нажитого имущества и др.

Основания отступления от равенства долей

Время возникновения режима совместной собственности – регистрация брака, что предусмотрено законом, но этот момент может быть установлен и по усмотрению супругов. Прекращение брака в силу закона изменяет режим вновь приобретаемого имущества и получаемых доходов. Однако режим ранее приобретенного имущества остается тот же – режим совместной собственности до момента определения долей и ее раздела.

Важным является момент, с которого вновь приобретаемое имущество является собственностью одного из супругов (в ситуации законного режима, не измененного брачным договором).

Согласно п. 1 ст. 25 СК РФ после расторжения брака в судебном порядке моментом прекращения брака признается день вступления судебного решения в законную силу. Соответственно, с этого дня вновь приобретаемое бывшими супругами имущество является имуществом каждого. Однако в п. 4 ст. 38 СК РФ законодатель предусмотрел право суда признать имущество, нажитое каждым из супругов в период их раздельного проживания при прекращении семейных отношений, собственностью каждого. Следует обратить внимание на то, что «период раздельного проживания» в соответствии с п. 1 ст. 31 СК РФ относится к свободе каждого из супругов в выборе места пребывания и жительства.

Согласно Германскому гражданскому уложению (ГГУ) если супруги живут раздельно, не ведут совместного хозяйства и один из них не хочет его создавать, то разрывается супружеская связь (параграф 1567 абз. 1 предл. 1 ГГУ). Для российской юрисдикции, как отмечают авторы, раздельное проживание может привести к прекращению брака в будущем, но «не всегда разлука приводит к разводу» [Нечаева, А. М., 2016, с. 75–76].

Полагаем, что в п. 4 ст. 38 о «прекращении семейных отношений» речь идет о фактическом прекращении отношений при сохранении юридического правоотношения.

Так, супруги могли в силу объективных обстоятельств (командировка одного из супругов, выбор места пребывания, близкого к месту работы) проживать раздельно, что допускается законом. Например, в этот период один из супругов приобретает квартиру и впоследствии, ссылаясь на п. 4 ст. 38 СК РФ, просит признать ее личным имуществом, так как семейные отношения, по его мнению, между супругами прекратились до того. Другой супруг полагает, что супружеские отношения в период раздельного проживания сохранялись, и приводит свои доводы (общение и совместные прогулки, совместное решение вопросов, относящихся к делам семьи). Прекращение семейных отношений, по мнению этого супруга, произошло непосредственно перед тем, как он обратился в суд с требованием о расторжении брака. Проживавший отдельно не давал повода усомниться, что семейные отношения прекращены в период раздельного проживания: в это время у него были новые назначения по службе и состояние в браке отражалось в служебной характеристике.

Суды в современный период не устанавливают причин расторжения брака, а также того, что явилось основанием «расстройства супружеских отношений». А. Вударски называет подобные действия «виновностью в су-

пруджеском разладе» [Вударски, А., 2022, с. 174]. Однако по смыслу п. 4 ст. 38 СК РФ правоприменителю необходим критерий, позволяющий применять данную норму. Полагаю, что для прекращения брака достаточно воли одного из супругов, не желающего состоять в браке, его требование рассматривает суд. Поэтому супруг, который заявляет о прекращении супружеских отношений задолго до расторжения брака по его требованию в суде, должен принять меры, свидетельствующие о его волеизъявлении на прекращение брака, например подать заявление в ЗАГС. Если второй супруг уклонялся от расторжения брака, в силу п. 2 ст. 21 СК РФ суд вправе признать факт прекращения семейных отношений именно с момента подачи заявления первым супругом как основания, предусмотренного в п. 4 ст. 38 СК РФ.

Так, в одном из дел, рассмотренных высшим судебным органом, разъяснена необходимость наличия волеизъявления¹⁶.

В другом деле приобретение имущества в преддверии расторжения брака повлекло снятие военнослужащего и членов его семьи (в том числе несовершеннолетнего ребенка) с учета нуждающихся в жилых помещениях¹⁷.

Полагаю, для осуществления и защиты имущественных прав супруг, выбравший иное место проживания, может расторгнуть брак с момента, когда он считал, что семейные отношения прекращены (в соответствии с принципом свободы состояния в браке); либо до приобретения имущества заключить соглашение с другим супругом, изменив режим приобретаемого имущества, или получить согласие на сделку.

В пункте 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» разъяснено, что «владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов должно осуществляться по их обоюдному согласию, в случае когда при рассмотрении требования о разделе совместной собственности супругов будет установлено, что один из них произвел

¹⁶ В Определении от 25 июня 2020 г. № 20-КГ19-13 по иску Курбановой к Идрисову о разделе общего имущества супругов Верховный Суд Российской Федерации указал, что «в соответствии с нормами семейного законодательства изменение правового режима общего имущества супругов возможно на основании заключенного между ними брачного договора (статьи 41, 42 Семейного кодекса Российской Федерации), соглашения о разделе имущества (пункт 2 статьи 38 Семейного кодекса Российской Федерации), соглашения о признании имущества одного из супругов общей совместной или общей долевой собственностью (статья 37 Семейного кодекса Российской Федерации). При этом ни договор купли-продажи земельного участка с жилым домом, ни регистрация права общей долевой собственности на указанное недвижимое имущество за Идрисовым М. К., Идрисовой А. М. и Идрисовой А. М. таким соглашением о разделе общего имущества супругов не являются». URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/acts> (дата обращения: 20.06.2023).

¹⁷ Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 21 июня 2022 г. № 228-КАД22-4-К10. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/acts> (дата обращения: 20.06.2023).

отчуждение общего имущества или израсходовал его по своему усмотрению вопреки воле другого супруга и не в интересах семьи, либо скрыл имущество, то при разделе учитывается это имущество или его стоимость. Если после фактического прекращения семейных отношений и ведения общего хозяйства супруги совместно имущество не приобретали, суд в соответствии с п. 4 ст. 38 СК РФ может произвести раздел лишь того имущества, которое являлось их общей совместной собственностью ко времени прекращения ведения общего хозяйства»¹⁸. Таким образом, значимым обстоятельством для рассмотрения судом является факт прекращения супружеских отношений. Прекращение семейных отношений должно быть подтверждено юридическим фактом – расторжением брака, иным достигнутым соглашением. Иных способов фиксации волеизъявления не предусмотрено.

При многообразии семейных жизненных обстоятельств фактические отношения супругов могут прекратиться за некоторый период до подачи иска о расторжении брака. Законодатель установил, что правовые последствия расторжения брака наступают со дня вступления решения суда в законную силу и со дня внесения сведений о расторжении брака в книгу регистрации актов гражданского состояния. Законодатель предусмотрел момент, когда любая из сторон может вступить в новый брак, но применительно к имуществу не установлен момент, с которого признается режим раздельности имущества, изменяется законный режим имущества супругов. Таким образом, правоприменение основывается на сохранении равенства имущественных прав и взаимном согласии при владении, пользовании и распоряжении имуществом в период раздельного проживания. Логично сделать вывод, что основание, предусмотренное в п. 4 ст. 38 СК РФ, требует конкретизации.

Законодатель допускает право суда отступить от равенства долей (но не обязанность) с учетом обстоятельств каждого конкретного дела (ст. 39 СК РФ). Законодателем предусмотрено два случая, в которых возможно отступление от равенства долей: 1) в интересах несовершеннолетних детей, 2) заслуживающие внимания интересы одного из супругов как самостоятельное основание или в совокупности с первым обстоятельством.

*Отступление от равенства долей
в интересах несовершеннолетних детей*

Подобные требования неоднократно заявляются при использовании средств материнского капитала на улучшение жилищных условий семьи¹⁹,

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» (ред. от 6 февраля 2007 г.) // Российская газета. 1998. 18 нояб.

¹⁹ Юридически значимые обстоятельства: какие конкретно права и интересы ребенка нарушены неотступлением от равенства долей при разделе имущества. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2019 г. № 36-КГ19-1, иск Щер-вой к Щер-ву; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 июля 2018 г. № 18-КГ18-78; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2021 г. № 49-КГ21-13-К6. Дело вошло в Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский

когда один из родителей просит при разделе общего имущества в результате развода отступить от принципа равенства долей и обещает впоследствии выделить долю другому. Однако Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что в интересах ребенка выдел ему доли в силу закона предшествует разделу имущества между супругами.

В пункте 2 ст. 39 СК РФ предусмотрено, что отступление от равенства долей супругов в общем имуществе возможно «исходя из интересов несовершеннолетних детей». Понятие «интересы несовершеннолетних детей» до настоящего времени не имеет какого-либо законодательного определения, и вряд ли оно возможно, поскольку относится к оценочной категории и дискреции властного органа [Коркунов, Н. М., 2004, с. 163]. Однако некоторые судебные дела показали, в каких значимых случаях суд предусмотрел соблюдение интересов детей как основание для отступления от равенства.

Так, в одном из дел суд указал на статус и физическое состояние ребенка (ребенок-инвалид), нуждающегося в постоянном уходе со стороны матери, что не позволяет ей иметь самостоятельный доход или является затруднительным, а также на низкую кадастровую стоимость жилого помещения, где она проживала с ребенком. Истица пояснила суду, что в случае раздела жилого помещения денежные средства, которые составят ее долю, недостаточны для приобретения иного жилья для себя и совместного с ответчиком ребенка²⁰, в то время как ее супруг работает и получает самостоятельный доход²¹.

И второй довод, который привела истица, – это постоянная потребность в дополнительных расходах на развитие и реабилитацию ребенка²².

Безусловно, Федеральный закон «Об образовании»²³ предусматривает дополнительные возможности для детей-инвалидов в части получения ими

(семейный) капитал, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июня 2016 г., разъяснено, что определение долей в праве собственности на квартиру должно производиться исходя из равенства долей родителей и детей на средства материнского (семейного) капитала, потраченные на приобретение этой квартиры; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 марта 2023 г. № 78-КГ23-2-КЗ и ряд других. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/acts> (дата обращения: 20.06.2023).

²⁰ Конвенция о правах инвалидов (Заклучена в г. Нью-Йорке 13 декабря 2006 г.) // Бюллетень международных договоров. 2013. № 7. С. 45–67.

²¹ Определение от 14 января 2020 г. № 18-КГ19-184 иску Макаровой Н. Г. к Макарову В. Ю. об определении доли в совместно нажитом имуществе, прекращении права общей совместной собственности, с истцом проживает ребенок-инвалид. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/acts> (дата обращения: 20.06.2023).

²² Тяжелое положение инвалидов признается, например, в Конвенции о правах инвалидов, в преамбуле которой подчеркивается, что «инвалидности зачастую сопутствует бедность».

²³ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 17 февраля 2023 г.) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28 февраля 2023 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

образования, однако в полном объеме меры социальной поддержки не могут обеспечить многообразие потребностей ребенка со статусом инвалида.

Таким образом, описанные в деле обстоятельства с позиции морально-нравственных норм являются основанием для учета интересов ребенка. Каких-либо иных критериев судебная практика в настоящее время не выработала.

*Отступление от равенства долей
при заслуживающих внимание интересах супруга*

Основания отступления от равенства долей при заслуживающих внимание интересах одного из супругов следующие: другой супруг не получал доходов в период брака по неуважительным причинам; совершение другим супругом недобросовестных действий, которое выступает как альтернативное или самостоятельное основание. Как было изложено ранее, «неуважительные причины» – оценочная категория. Во втором случае законодатель детализирует такие действия и указывает, что они привели к уменьшению общего имущества супругов. В качестве таковых могут быть расценены сделки по отчуждению общего имущества супругов без согласия другого супруга на невыгодных условиях. Логично сделать вывод, что в подобных ситуациях отход от равенства является способом защиты имущественных прав другого супруга.

Действующая редакция нормы СК РФ²⁴ более конкретна относительно утратившей силу. В ней указывается на неприменение иного способа защиты и невозможность его применить в связи с особенностью субъектного состава сделки (на одной стороне выступают супруги, согласие второго супруга при этом презюмируется, и отсутствие согласия не очевидно для покупателя или контрагента по сделке). Изменение формулировки нормы направлено на защиту как имущественных прав второго супруга, если о совершении сделки ему стало известно позже, так и прав контрагентов по сделке. В этой ситуации важно обратить внимание и на следующие обстоятельства: супруг может не знать о совершенной сделке (если на ее совершение не требуется нотариального согласия супруга). При разделе имущества ему становится известно об отчуждении имущества, и появляется требование об отступлении от начал равенства долей²⁵.

Законодатель внес в п. 2 ст. 39 СК РФ как основание «совершение недобросовестных действий, которые привели к уменьшению общего имущества». В имущественных отношениях между субъектами, в том числе и

²⁴ В редакции Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 310-ФЗ.

²⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2020 г. № 33-КГ20-5-К3 (№ 2-1963/2019) по иску Качанович Л. В. к Качанович А. К. о признании недействительным договора подряда и применении последствий недействительной сделки. Перед расторжением брака бывшим супругом заключен договор подряда на реконструкцию дома стоимостью 25 000 000 руб. без согласия супруги, выступившей в качестве истца. При рассмотрении дела было установлено, что подрядные работы не производились, а исполнитель не имеет права на такой разрешенный вид деятельности.

супругами, добросовестность является критерием оценки поведения [Ульянова, М. В., 2022b].

Раздел имущества супругов в условиях цифровизации реестров

Важный момент для раздела имущества супругов – это информированность иных лиц о принадлежности имущества либо о наличии семейно-правового статуса лица, поскольку состояние в браке отражается на режиме имущества.

Одним из сложнейших вопросов в регулировании семейных отношений является наследование пережившим супругом наряду с иными наследниками первой очереди, первоначальным этапом которого выступает выдел супружеской доли. Другим важным моментом является право кредитора требовать выдела доли супруга-должника, которая причиталась бы супругу-должнику при разделе общего имущества супругов, для обращения на нее в соответствующих случаях взыскания.

Для целей раздела имущества законодательство позволяет другому супругу на основании свидетельства о браке внести сведения о собственности²⁶ недвижимого имущества в реестр. Момент прекращения брака не изменяет автоматически совместный режим имущества супругов, он продолжается до момента определения долей и раздела имущества. На этот счет в доктрине выражена позиция, согласно которой в силу природы совместной собственности «в принципе не имеет значения, на чье имя зарегистрировано имущество, требующее регистрации», однако высказывается мнение, что в реестре «в графе “правообладатель” должны быть указаны оба супруга» [Антокольская, М. В., 2010, с. 192].

В настоящее время в Росреестре содержатся сведения о титульном собственнике²⁷, хотя сведений о его состоянии в браке на момент приобретения имущества либо о заключенном в отношении имущества брачном договоре не имеется, при этом обязанность по их представлению не предусмотрена. Поэтому для всех иных лиц при совершении сделок с имуществом с позиций разумности и осмотрительности необходимо запросить у продав-

²⁶ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 14 апреля 2023 г.) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28 апреля 2023 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

²⁷ Пункты 54, 109, 110 приказа Росреестра от 1 июня 2021 г. № П/0241 (ред. от 7 ноября 2022 г.) «Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости, формы специальной регистрационной надписи на документе, выражающей содержание сделки, состава сведений, включаемых в специальную регистрационную надпись на документе, выражающей содержание сделки, и требований к ее заполнению, а также требований к формату специальной регистрационной надписи на документе, выражающей содержание сделки, в электронной форме, порядка изменения в Едином государственном реестре недвижимости сведений о местоположении границ земельного участка при исправлении реестровой ошибки». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

ца такого имущества сведения о его семейном статусе и наличии договора, изменяющего режим совместной собственности.

Представляется верным, что в электронном Росреестре указываются оба супруга как правообладатели имущества, подлежащего регистрации, а также содержатся сведения о семейном статусе и режиме имущества супругов.

Согласно изменениям в ст. 14 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 6 февраля 2023 г.) «О персональных данных» «информация предоставляется субъекту или его представителю» на основании доверенности. К сожалению, супруг не является надлежащим субъектом, которому должна предоставляться информация. Являясь сособственником имущества, он лишен возможности получить сведения о принадлежности объекта недвижимости, находящегося в совместной собственности. Поэтому супруги, ранее зарегистрировавшие свое право собственности, находятся не в равном положении²⁸.

Обсуждение и заключение

Российское правовое регулирование характеризуется принципом невмешательства в дела семьи, однако предусмотрены основания, направленные на восстановление имущественного положения супруга, чьи права были нарушены при распоряжении имуществом, принадлежащим супругам на праве совместной собственности.

Критериев, позволяющих суду применить норму п. 4 ст. 38 СК РФ, в настоящий момент не имеется. Изменение режима совместной собственности возможно на основании выраженной воли хотя бы одного из супругов (заявление о расторжении брака с момента, указанного в п. 1 ст. 25 СК РФ), либо при наличии совместного волеизъявления (с момента заключения брачного договора, соглашения об изменении режима имущества супругов), либо иным способом, позволяющим выявить волю лица на прекращение супружеских отношений.

Исследование позволило выявить противоречивость п. 4 ст. 38 СК РФ, что порождает имущественную неопределенность для сторон, а также не позволяет осуществлять имущественные права супругов, у которых период времени между прекращением семейных отношений и днем вступления судебного решения в законную силу значительно расходится. Для применения нормы п. 4 ст. 38 СК РФ необходимы критерии, позволяющие определить момент изменения режима имущества, которое супруги в этот период могли приобрести. Возможно, следует внести в норму положение, что момент возникновения раздельного режима является дата подачи заявления в орган записи актов гражданского состояния или в суд о расторжении брака, дополнив соответственно п. 4 ст. 38 СК РФ.

Относительно изменений, внесенных в п. 2 ст. 39 СК РФ в 2022 г., отмечу, что эта норма направлена как на осуществление имущественных прав

²⁸ Полагаю необходимым внести изменения в ст. 14 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных», дополнив ее следующим содержанием: «супруги на основании свидетельства о браке».

супругов с позиции равенства прав, так и на защиту гражданских прав контрагентов по сделкам, заключенным одним из супругов.

Отступление от начал равенства, предусмотренное в п. 4 ст. 38 и п. 2 ст. 39 СК РФ, направлено на осуществление имущественного равенства прав супругов. Их применение ведет к фактическому уравниванию в имущественных отношениях и реализации принципа равенства прав.

Список источников

Антокольская М. В. Семейное право. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-М, 2010. 432 с. ISBN: 978-5-91768-069-9.

Вударски А. Установление вины в решении суда – необходимость или анахронизм? – подход с точки зрения немецкого права // Правосудие/Justice. 2022. Т. 4, № 2. С. 171–192. DOI: 10.37399/2686-9241.2022.2.171-192.

Егоров А. В. Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства : сб. ст., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. А. А. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. М. : Статут, 2020. С. 232–294. ISBN: 978-5-8354-1695-0.

Ершов В. В. Правоотношения: возникновение и регулирование // Правосудие/Justice. 2022. Т. 4, № 1. С. 8–27. DOI: 10.37399/2686-9241.2022.1.8-27.

Коркунов Н. М. Лекции по общей части теории права. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2004. 439 с. ISBN: 5-94201-152-4.

Крашенинников П. В. Старая новая семья. Семейное законодательство : собр. соч. : в 10 т. Т. 6. Семейное право. М. : Статут, 2019. 336 с. ISBN: 978-5-8354-1559-5.

Масевич М. Г. Основные права и обязанности родителей и детей в советском государстве. Алма-Ата, 1958. 40 с.

Нечаева А. М. Семейное право. М. : Юрайт, 2016. 303 с. ISBN: 978-5-534-17235-5.

Победоносцев К. П. Курс гражданского права : в 3 ч. Ч. 2. СПб. : Тип. А. А. Краевского, 1896. 676 с.

Слепакова А. В. Правоотношения собственности супругов. М. : Статут, 2005. 444 с. ISBN: 5-8354-0298-8.

Ульянова М. В. Осуществление и защита прав нетрудоспособных и нуждающихся членов семьи // Семейное и жилищное право. 2022a. № 3. С. 20–25. DOI: 10.18572/1999-477X-2022-3-20-25.

Ульянова М. В. Пределы осуществления семейных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022b. № 58. С. 658–682. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-58-658-682.

Хазова О. А. Брак и развод в буржуазном семейном праве. М. : Наука, 1988. 172 с. ISBN: 5-02-012854-6.

- Чефранова Е. А. Механизм семейно-правового регулирования имущественных отношений супругов : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 630 с.
- Шерстнева Н. С. Принципы семейного права. М. : ТК Велби : Проспект. 2004. 112 с. ISBN: 5-98032-431-3.

References

- Antokol'skaya, M. V., 2010. *Semejnoe pravo* = [Family Law]. 3rd ed., repr. and add. Moscow: Infra-M. 432 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-91768-069-9.
- Antokol'skaya, M. V., Korolev, Yu. A., Kuznetsova, I. M., et. al., 1996. *Kommentarij k Semejnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj)* = [Commentary on the Family Code of the Russian Federation (article by article)]. Ed. I. M. Kuznetsova. Moscow: BECK. 512 p. (In Russ.) ISBN: 5-7975-0241-0.
- Chefranova, E. A., 2007. *Mekhanizm semejno-pravovogo regulirovaniya imushchestvennyh otnoshenij suprugov* = [The mechanism of family-legal regulation of property relations of spouses]. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 630 p. (In Russ.)
- Egorov, A. V., 2020. [Joint property of spouses: at a crossroads]. In: V. V. Vitryansky, E. A. Sukhanov, eds. *Grazhdanskoe pravo social'nogo gosudarstva* = [Civil law of the social state]. Collection of articles dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor A. L. Makovsky (1930–2020). Moscow: Statut. Pp. 232–294. (In Russ.) ISBN: 978-5-8354-1695-0.
- Ershov, V. V., 2022. Legal relations: Occurrence and regulation. *Pravosudie/Justice*, 4(1), pp. 8–27. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2022.1.8-27.
- Khazova, O. A., 1988. *Brak i razvod v burzhuaznom semejnom prave* = [Marriage and divorce in Bourgeois family law]. Moscow: Nauka. 172 p. (In Russ.) ISBN: 5-02-012854-6.
- Korkunov, N. M., 2004. *Lekcii po obshchej chasti teorii prava* = [Lectures on the general part of the theory of law]. St. Petersburg: Yuridichesky tsentr "Press". 439 p. (In Russ.)
- Krashenninnikov, P. V., 2019. *Staraya novaya sem'ya. Semejnoe zakonodatel'stvo. T. 6. Semejnoe pravo* = [Old new family. Family law. Vol. 6. Family Law]. Collected works. In 10 vols. Moscow: Statut. 336 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8354-1559-5.
- Masevich M. G. *Osnovnye prava i obyazannosti roditeley i detey v sovetskom gosudarstve* = [Basic rights and responsibilities of parents and children in the Soviet state]. Alma-Ata, 1958. 40 p.
- Nechaeva, A. M., 2016. *Semejnoe pravo* = [Family law]. Moscow: Yurayt. 303 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-534-17235-5.
- Pobedonostsev, K. P., 1896. *Kurs grazhdanskogo prava* = [Course of civil law]. In 3 pt. Pt. 2. St. Petersburg: A. A. Krayevsky Typography. 676 p. (In Russ.)

Sherstneva, N. S., 2004. *Principy semejnogo prava* = [Principles of family law]. Moscow: TK Velbi, Prospekt. 112 p. (In Russ.) ISBN: 5-98032-431-3.

Slepakova, A. V., 2005. *Pravootnosheniya sobstvennosti suprugov* = [Legal relations of property of spouses]. Moscow: Statut. 444 p. (In Russ.) ISBN: 5-8354-0298-8.

Ulianova, M. V., 2022a. [Implementation and protection of the rights of disabled and needy family members]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo* = [Family and Housing Law], 3, pp. 20–25. (In Russ.) DOI: 10.18572/1999-477X-2022-3-20-25.

Ulianova, M. V., 2022b. [Limits of the exercise of family rights]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* = [Bulletin of the Perm University. Legal Sciences], 58, pp. 658–682. (In Russ.) DOI: 10.17072/1995-4190-2022-58-658-682.

Wudarski, A., 2022. Adjudication of Guilt in the Divorce Statement: Necessity or Anachronism? Remarks from the Perspective of German Law. *Pravosudie/Justice*, 4(2), pp. 171–192. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2022.2.171-192.

Информация об авторе / Information about the author

Ульянова Марина Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Marina V. Ulianova, Cand. Sci. (Law), Association Professor, Deputy Head of the Civil Law Department, Russian State University of Justice (69 Novochemushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 28.06.2023; одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 02.10.2023.

Submitted: 28.06.2023; reviewed: 01.09.2023; revised: 02.10.2023.

Научная статья

УДК 343.535

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.76-95

История развития законодательства о банкротстве в Российской Федерации и зарубежных странах

Екатерина Дмитриевна Бозрикова^{1, 2}

¹ ООО «МостоТрест 136», Москва, Российская Федерация

² Российский государственный университет правосудия, Москва, Российская Федерация
bozrikovaED@yandex.ru

Аннотация

Введение. В настоящей статье исследуется вопрос особенностей развития законодательства о банкротстве в России, Китае, США и Англии. Автором проведено исследование эволюции права во времени в вышеперечисленных странах и влияния изменения законодательства одних стран на национальное законодательство других.

Теоретические основы. Методы. В ходе исследования автором были применены следующие методы: сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический, синтез, анализ. Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области права, а также нормативные акты, применяемые в национальном законодательстве исследуемых стран в процессе эволюции законодательства о банкротстве.

Результаты исследования. Автором на основании проведенного исследования были сделаны выводы о прямой взаимосвязи в исторической ретроспективе между развитием экономики в стране и законодательства о банкротстве. Так, английское и американское законодательства о банкротстве, несмотря на общую правовую семью, единые исторические корни законодательства, в настоящее время развиваются диаметрально противоположно, так же как и взявшие за основу вышеуказанные национальные законодательства Россия и Китай определили для себя собственные пути развития права.

Обсуждение и заключение. Банкротство способствует здоровому экономическому росту страны и очищению рынка от его недобросовестных участников, а также защищает как граждан, юридических лиц – резидентов страны, так и внешнеэкономических участников от нарушения их законных прав и интересов при ведении коммерческой деятельности.

Представляется, что на настоящий момент не существует «идеальной» модели законодательства о банкротстве, которая работала бы применимо к любым правовым реалиям стран и способствовала стабильному развитию экономики страны. Таким образом, каждое государство самостоятельно, путем проб и ошибок, а также основываясь на опыте других стран формирует собственный рецепт банкротства, отвечающий требованиям государства и общества.

Ключевые слова: развитие законодательства о банкротстве, законодательство о банкротстве, несостоятельность, законодательство о банкротстве Китая, законодательство о банкротстве США, законодательство о банкротстве Англии

Для цитирования: Бозрикова Е. Д. История развития законодательства о банкротстве в Российской Федерации и зарубежных странах // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 4. С. 76–95. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.76-95.

Original article

The History of the Development of Bankruptcy Law in the Russian Federation and Foreign Countries

Ekaterina D. Bozrikova^{1, 2}

¹ *MostoTrest 136 LLC, Moscow, Russian Federation*

² *Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation*

For correspondence: bozrikovaED@yandex.ru

Abstract

Introduction. This article studies the peculiarities of bankruptcy law development in Russia, China, the USA and England. The author has conducted a study of the evolution of law over time in the above countries and the impact of changes in the legislation of some countries on the national legislation of others.

Theoretical Basis. Methods. In the course of the research the author applied the following methods: comparative-legal, historical-legal, formal-legal, synthesis, analysis. The theoretical basis of the study was the works of domestic and foreign scientists in the field of law, as well as normative acts applied in the national legislation of the countries under study in the process of evolution of bankruptcy legislation.

Results. On the basis of the research the author made conclusions about the direct relationship between the development of the economy in the country and bankruptcy legislation. Thus, the English and American bankruptcy laws, despite the common legal family, common historical roots of legislation, are currently developing directly diametrically, as well as Russia and China, which have taken the above national legislation as a basis, have defined their own strategies for the development of law.

Discussion and Conclusion. Bankruptcy promotes healthy economic growth of the country and cleansing of the market from its unscrupulous participants, as well as protects both citizens, legal entities – residents of the country, and foreign economic participants from violation of their legal rights and interests in conducting commercial activities. It seems that at the moment there is no “ideal” model of bankruptcy legislation, which would work applicable to any legal realities of countries and contribute to the stable development of the country’s economy. Thus, each state independently, through trial and error, as well as based on the experience of other countries, forms its own recipe for bankruptcy that meets the requirements of the state and society.

Keywords: bankruptcy law development, bankruptcy law, insolvency, Chinese bankruptcy law, U. S. bankruptcy law, English bankruptcy law

For citation: Bozrikova, E. D., 2023. The history of the development of bankruptcy law in the Russian Federation and foreign countries. *Pravosudie/Justice*, 5(4), pp. 76–95. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.76-95.

Введение

Экономическое развитие и экономическая безопасность любой страны – одни из самых важных векторов для успешного существования государства. Экономическая безопасность должна быть обеспечена эффективными нормативно-правовыми регуляторами для стабильного развития бизнеса в стране. Одним из таких инструментов обеспечения безопасности экономической деятельности является институт банкротства.

В Российской Федерации актуальный Федеральный закон № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ был принят в 2002 г. и претерпел немало изменений за последние двадцать лет. Сейчас, по истечении чуть более чем 20 лет со дня принятия указанного Закона, доктринальное и нормативно-правовое правопонимание процедуры несостоятельности (банкротства) в России значительно расширилось и пришло к относительному равновесию.

Исходя из изложенного представляется, что ретроспективный сравнительный анализ правового регулирования несостоятельности (банкротства) юридических лиц по российскому и зарубежному законодательству относится к числу наиболее актуальных вопросов.

Торговые взаимоотношения между участниками рынка и проблемы кредитора и должника – прямо связанные общественно-правовые явления. Так, конкурсные правоотношения между кредитором и должником впервые упоминаются в России еще в Русской правде² [Гольмстен, А. Х., 2018, с. 16]. Банкротство в Русской правде подразделялось на три категории: безвинная несостоятельность (непреднамеренное банкротство), злостная несостоятельность (например, потеря товара вследствие проигрыша пари) и особо злостная несостоятельность (обман, скрытие от кредиторов) [Сперанская, Ю. С., 2009, с. 18]. Вместе с тем в положениях Русской правды предусматривалась определенная очередность удовлетворения кредиторов: в первую очередь удовлетворялись требования князя, во вторую – иностранных кредиторов и затем – требования всех остальных кредиторов [Сперанская, Ю. С., 2009, с. 20].

Вследствие развития рыночных отношений после Русской правды отношения между кредитором и должником все чаще упоминались в таких правовых источниках, как Договор Смоленска с Ригой (1229), Соборное уложение 1649 г., Вексельный устав 1729 г., Устав благочиния 1782 г. и др. [Свириденко, О. М., 2010, с. 30].

В 1800 году в принятом Уставе о банкротах³ институт несостоятельности впервые был отражен в кодифицированном источнике. Важно отметить основные понятия, установленные в указанном выше акте. Данный

¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2023 г.)

² Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. Т. 4: XII век / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под. ред. Д. С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1997. 685, [2] с.

³ Устав о банкротах 1800 г. URL: <https://scibook.net/gosudarstva-prava-istoriya/dekabrya-ustav-bankrotah-53403.html> (дата обращения: 28.10.2023).

Устав регулировал как торговые, так и неторговые отношения. Банкротом признавалось лицо, не способное оплатить свои долги. Несостоятельность лица наступала по решению суда или требованию кредиторов. Данному событию придавали публичность, обеспечивая максимальную гласность через газеты, объявления. У кредиторов был определенный срок – от 3 до 18 месяцев – для заявления о своих правах на имущество должника, по истечении которого такое право кредитора прекращалось. В качестве управляющего процедурой банкротства назначался куратор, который избирался из числа кредиторов и не мог быть в звании духовных, мещан, крестьян и крепостных людей [Сперанская, Ю. С., 2009, с. 18].

Г. Ф. Шершеневич отмечал три типа несостоятельности, выделенных в Уставе: 1) от несчастия; 2) от небрежения и своих пороков; 3) от подлога. Так, должник первого вида признавался упавшим, а второго и третьего видов – банкротом неосторожным или злым [Шершеневич, Г. Ф., 1898, с. 54].

25 июня 1832 г. был издан Устав о торговой несостоятельности, положения которого уже не относились к неторговому банкротству. Здесь было дано более широкое понятие несостоятельности: торговая несостоятельность – это «когда кто-то из торгующего состояния по торговле, гильдиям и торговым разрядам установленными свидетельствами присвоенной, придет в такое дел положение, что не только не имеет наличных денег на удовлетворение в срок его долгов в важных суммах более 5000 рублей. Когда кто-либо по торговле и промыслам, предоставленным мещанскому состоянию без свидетельств, впадет в такую же неоплатность в важных суммах выше 5000 рублей. Неоплатность долгов во всех других состояниях, кроме двух вышеозначенных, не принадлежит к торговой несостоятельности»⁴.

Указанный устав определял три типа несостоятельности: 1) несчастная (по стечению обстоятельств или при форс-мажоре); 2) неосторожная (по непреднамеренной вине должника); 3) подложная⁵.

Определялись более конкретизированный порядок публикации извещений о начале банкротства, а также срок на предъявление требований кредиторов, который был значительно сокращен и устанавливался в зависимости от разных обстоятельств от 2 недель (для кредиторов, проживающих в одном городе с должником) до года (для иностранцев) [Шершеневич, Г. Ф., 2019].

Устав 1832 г. действовал вплоть до 1913 г., хотя и в указанный период был издан ряд правовых актов, затрагивающих конкурсное право: Указ о порядке удовлетворения долгов несостоятельных купцов-золотопромышленников 1858 г., Правила о порядке производства дел о несостоятельности как торговой, так и неторговой в новых судебных установлениях 1868 г. и др. [Свириденко, О. М., 2010, с. 35].

⁴ Именной Указ, данный Сенату «Высочайше утвержденный Устав о торговой несостоятельности» от 25 июня 1832 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е изд. (далее – ПСЗ 2). Т. VII. № 5463.

⁵ Там же.

Следующие нормативные акты, затрагивающие развитие института несостоятельности, – Гражданский кодекс РСФСР 1922 г., Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. В указанных документах, помимо всего прочего, содержались главы, регулирующие некоторые вопросы несостоятельности.

Однако с 1930-х гг. вплоть до 1992 г. институт банкротства не получил развитие в нормативных правовых актах, так как официальная доктрина не признавала институт банкротства как таковой, а в плановой социалистической экономике не было места банкротству (так, в 1960-х гг. нормы о несостоятельности были исключены из законодательства СССР) [Карелина, С. А., 2006].

Новым этапом развития института банкротства в России стало принятие 19 ноября 1992 г. Закона Российской Федерации «О несостоятельности (банкротстве) предприятий»⁶ (далее – Закон 1992 г.) с отражением его положений в ст. 61, 65 Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако в первые годы после введения Закона 1992 г. данный инструмент не получил широкого применения. Например, в 1994 г. в России было рассмотрено не более 100 арбитражных дел о признании предприятий несостоятельными [Карелина, С. А., 2006].

Доктрина отмечала недоработку указанного Закона, в частности, в отношении выявления признаков преднамеренного банкротства крупных, градообразующих предприятий, а также привлечения к ответственности лиц, действующих недобросовестно в целях нарушения интересов как крупных кредиторов, так и государства [Карелина, С. А., 2006].

Вследствие многочисленных недостатков этого Закона о банкротстве в 1998 г. был принят Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», который ввел новое определение понятия несостоятельности. Закон 1992 г. определял несостоятельность как неспособность удовлетворить требования кредиторов по оплате товаров (работ, услуг), включая неспособность обеспечить обязательные платежи в бюджет и внебюджетные фонды, в связи с превышением обязательств должника над его имуществом или в связи с неудовлетворительной структурой баланса должника. Закон 1998 г. дал более общее определение несостоятельности, а именно: «признанная арбитражным судом или объявленная должником неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей» [Черникова, А. В., 2013, с. 124].

Нельзя также не отметить более детальную проработку в новом Законе норм о порядке рассмотрения дел о банкротстве, а также этапов банкротства – наблюдения, внешнего управления, конкурсного производства [Степанов, В. В., 1999, с. 50].

---

⁶ Закон Российской Федерации от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» (в ред. от 19 ноября 1992 г., утратил силу в связи с введением Федерального закона от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Ввиду явной направленности Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» 1998 г. исключительно на защиту прав кредитора в доктрине он получил характеристику «прокредиторский» [Свириденко, О. М., 2010, с. 21].

В целях разрешения пробелов в праве и для приведения в соответствие экономического и правовым реалиям законодательства о банкротстве в 2002 г. был принят новый Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)». Так, упомянутый Закон вводит следующие новеллы: 1) изменение процедуры возбуждения дела о несостоятельности (банкротстве); 2) предоставление участникам инструментов для влияния на стоимость конкурсного имущества; 3) детализация процедуры заключения мирового соглашения в рамках дела о несостоятельности (банкротстве); 4) введение института саморегулируемых организаций. Также нельзя не отметить, что законодателем была предусмотрена процедура финансового оздоровления, которая предоставила возможность восстановления предприятия-должника и фактического выхода из состояния банкротства [Карелина, С. А., 2006, с. 65].

Как пояснила С. А. Карелина, задачами нового законодательства о банкротстве стали не только исключение из гражданского оборота неплатежеспособных субъектов, но и предоставление возможности предпринимателям улучшить и стабилизировать свою финансовую состоятельность под контролем арбитражного суда и кредиторов [Карелина, С. А., 2006, с. 38].

Кроме того, важным элементом в правоприменении и развитии законодательства о банкротстве является деятельность Верховного Суда Российской Федерации (в том числе бывшего Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации), которая обеспечивает единообразие судебной практики и дает разъяснения о надлежащем правоприменении тех или иных норм законодательства [Нигаматзянов, Т. Т., 2009, с. 75]. Так, основная тенденция развития законодательства о несостоятельности определяется следующей последовательностью: общий закон (Гражданский кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации) – специальный закон (Закон о банкротстве 2002 г., Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» и пр.) – иные нормативные акты [Нигаматзянов, Т. Т., 2009, с. 81].

В. В. Степанов полагает, что в ходе разработки законопроектов приоритетной задачей для одних является повышение возврата средств кредиторам (модель Манфреда Бальца), для других – спасение бизнеса и сохранение рабочих мест, что вызывает рост цены кредита в ущерб интересам кредиторов (английская концепция). Третья модель (американская, французская, российская системы) ставит в качестве основной задачи эффективное распределение имущества и выполнение макроэкономических функций [Степанов, В. В., 1999, с. 227].

Английское законодательство о несостоятельности (банкротстве)

Историческими предпосылками развития института банкротства в Англии были крестовые походы в XI в. и последующее стремительное развитие торговли, что стало причиной потребности предпринимателей в креди-

те. В контексте указанных обстоятельств отсутствие какого-либо законодательно установленного процесса взыскания долгов вызывало растущую обеспокоенность общества и отсутствие развития внешнеэкономической торговли [Степанов, В. В., 1999, с. 145].

Так, в 1283 и 1285 гг. в Англии были приняты законодательные акты, предусматривающие лишение свободы должника в случае наличия у него подтвержденной неуплаченной задолженности [Domowitz, I., Tamer, E., 1997, p. 35].

В 1311 году законодатель уточнил формулировку нормы закона в части его применения только к торговцам. А с 1350 г. кредитор был вправе получить распоряжение «*carias ad responsedendum*» в отношении иска о долге, согласно которому шерифу предписывалось заключить в тюрьму должника до момента окончания судебного разбирательства о долге, а после получения судебного решения был также создан законодательный инструмент «*carias ad satacaciendum*», который позволял удержать должника в тюрьме до полного погашения задолженности [Gratzer, K., Stiefel, D., 2008, p. 57].

Хотя такой механизм регулирования деятельности должника выглядит слишком строгим, это было необходимо в отсутствие определенного порядка взыскания долгов с должника в пользу нескольких кредиторов пропорционально. Так, при взыскании задолженности несколькими кредиторами с одного должника такие судебные процессы рассматривались отдельно друг от друга, а судебные решения исполнялись также без учета наличия нескольких кредиторов, претендующих на имущество должника. В условиях таких правовых реалий кредиторы ставили в невыгодное положение друг друга, при том что действовали добросовестно и в соответствии с законом. Таким образом, тюремное заключение должника рассматривалось как эффективный способ вынудить должника оперативно сотрудничать со всеми своими кредиторами [Gratzer, K., Stiefel, D., 2008, p. 57].

Одним из ключевых этапов в истории законодательства о несостоятельности стало возникновение концепции коллективного управления и разумного распределения. Так, в 1542 г. был принят An Act against Such Persons as Do Make Bankrupt (далее – Закон 1542 г.). Акт был направлен на лиц, которые, получая в свое владение имущество иных лиц, «*suddenly flee to parts unknown or keep their houses*» (внезапно бежали в неизвестные места или сохраняли свои дома), и называл таких лиц «*persons as do make bankrupt*» (лица, которые делают банкротами). В Законе также указывалось, что распределение активов должно быть одинаковым в размере и пропорции в зависимости от количества долгов перед кредиторами [Johnson, P., 1996, p. 80].

С административной точки зрения Закон 1542 г. также имел важное значение, поскольку давал право вызывать и допрашивать лиц, связанных с предполагаемым сокрытием имущества [Johnson, P., 1996, p. 86].

За Законом 1542 г. в 1571 г. последовали два акта: The Statute of Elizabeth и The Fraudulent Conveyances Act (далее вместе – Законы 1571 г.). Первый из Законов определенно ограничивал действие норм о банкротстве, установленных Законом 1542 г. для торговцев. Кроме того, им было официально введено понятие банкротства как правового статуса, и в тек-

сте Закона были перечислены «акты банкротства» [Johnson, P., 1996, p. 85]. The Fraudulent Conveyances Act касался правовых определенностей сделок. Так, им было определено, что сделки, совершенные с целью обмана или задержки исполнения обязательства перед кредитором, считались недействительными, если должник действовал недобросовестно. По сути указанное положение Акта 1571 г. является первоначальной версией раздела 121 в Законе о банкротстве [Lester, V. M., 1995, p. 45].

Законами 1571 г. были также предоставлены полномочия кредиторам управлять имуществом должника. А впоследствии суды подтвердили, что полномочия кредиторов распространялись и на арест имущества, приобретенного должником после начала банкротства, а сделки, в которых объявленный банкрот отдавал одному кредитору преимущество перед другими, признавались недействительными [Norppit, J., 2002, p. 56]. Введение указанных положений стало началом развития доктрины несправедливых предпочтений, которая применялась в соответствии с общим правом и была законодательно утверждена только в 1869 г.

В течение XIX и XX вв. экономическое развитие, изменения в культуре европейского общества и нововведения в основах права имели большое влияние на структуру и развитие права о несостоятельности (банкротстве), его процедуры. С середины XIX в. в Великобритании право о банкротстве прошло через этап глобальной реновации. Несмотря на сходство в основных курсах правовой трансформации в Англии, Франции, Германии, Италии и Соединенных Штатах Америки, в итоге каждая из стран вывела свою «формулу» права о банкротстве. Более того, два важнейших аспекта в правовом понимании банкротства – баланс прав между дебитором и кредиторами и разрешение вопроса о ликвидации или финансовом оздоровлении должника – приняли абсолютно разные формы [Hansen, B., 1998].

Так, современное английское законодательство о банкротстве берет свою основу в строгих средневековых законах, поддерживающих преимущественно кредиторов. Вместе с тем исключительно карательный характер соответствующего законодательства в начале XVIII в. был утрачен. Экономический рост, вызванный быстрым развитием торговли и финансовой активности в целом, изменил взгляд английского законодателя на банкротство как процедуру, предназначенную в наказание должнику-мошеннику, ибо такой подход не связан с реальной действительностью в бизнес-секторе государства [Norppit, J., 2002, p. 55].

В результате данного изменения в правовом подходе к банкротству английскими законодателями уже в начале XVIII в. был введен революционный инструмент погашения долга, который оказал влияние на правовую доктрину и законодательство страны в течение XIX в. [Johnson, P., 1996, p. 45]. Так, свободные от ограничивающего влияния Кодекса Наполеона английские законодатели значительно продвинулись в направлении смягчения законодательства о банкротстве для должника, введения отдельных правовых режимов для небольших и мелких долгов, отмены строгого законодательства о несостоятельности для некоммерческих организаций, а также отмены тюремного заключения за наличие задолженности [McCormack, G., 2012].

В последующем кредиторы постепенно утрачивали свои полномочия по отношению к должникам и государственным органам вплоть до 1880 г., когда управление правовыми актами и процедурами о банкротстве было передано Совету по торговле [McCormack, G., 2012].

Важно отметить, что данные изменения имели место в результате не только формального изменения правового подхода с точки зрения законодательства, но и нового судебного толкования права. Так, можно отметить, например, признание судами «плавающего платежа» (floating charge), т. е. договорного соглашения, на основании которого самый крупный кредитор фактически монополизировал процедуру своими преимущественными правами над другими кредиторами, в качестве фундаментального компонента корпоративной несостоятельности, введенного в 1890 г. [McCormack, G., 2012].

С начала XVIII в. принцип погашения задолженности стал опорой английского права о банкротстве, а также ярким свидетельством того, что законодатели изменили свое отношение к долгам и несостоятельности, и эти факторы перестали быть преступлением в понимании английского права и доктрины [Johnson, P., 1996, p. 57].

Управление процедурами банкротства – еще одна сторона законодательства Англии, которая достойна внимания. Так, первоначально кредиторы играли огромную роль в практическом проведении процедур банкротства, в том числе в управлении и сборе информации о должниках, обеспечении одобрения решений судов, а также в организации и проведении ликвидации активов. В конце XIX в. в процедуре банкротства юридических лиц в Англии очень большую роль играли соглашения между кредиторами и должником. Такие методы урегулирования процедуры рассматривались как выгодные для обеих сторон меры, при которых должники имели возможность избежать банкротства и экономических последствий, связанных с ним. Так, с 1830-х гг. «the deeds of arrangements» были устойчивой частью процедуры банкротства в Англии. В ходе развития законодательства о банкротстве полномочия кредиторов навязывать условия для заключения соглашений с должником были практически упразднены и заменены судебным надзором (court supervision). Такие изменения означали, что суды постепенно теряли интерес к введению предварительных условий для должника, таких как, например, гарантия, обеспеченная определенной суммой денежных средств, подлежащих уплате предварительно, в целях одобрения судом соглашения с кредиторами [Fletcher, I. F., 2002, p. 103].

Последние основательно изменяющие подход к банкротству в Англии события произошли в 1914 г., после чего в законодательство о банкротстве вносились лишь незначительные преобразования.

Подводя итоги исторической эволюции законодательства о банкротстве в Англии, мы можем сделать вывод, что данный процесс получил свое логическое завершение принятием Закона 1883 г. [Franks, J., Sussman, O., 1999, p. 286]. Считаем необходимым выделить три наиболее важных элемента, повлиявших на разработку законов о банкротстве и несостоятельности в Англии.

Во-первых, таким элементом является культурная модель. Иными словами, это то, как общество в целом и законодатели в частности понимали проблему факта образования задолженности и неспособности погасить такую задолженность [Finn, M. C., 2003, p. 28].

Вторым элементом, на наш взгляд, является кодификация законодательства о банкротстве в стране.

И третьей категорией назовем влияние экономических и финансовых кризисов на развитие законодательства о банкротстве.

Можно отметить, что в Англии в течение XIX в. социальное восприятие банкротства изменилось, но все еще оставалось преимущественно негативным. Общественному мнению становилось все труднее принять идею о том, что за наличие неоплаченной задолженности возможно понести наказание вплоть до заключения в тюрьме. Такое изменение менталитета и волнения в обществе привели к крупным реформам института, и частично – его упразднению. Однако признание того, что в большинстве случаев преступное поведение руководителей должника могло быть причиной невыплаты долгов, все еще оставалось одним из факторов понимания причин банкротства. Вместе с тем развитие законодательства и судебной практики ушло вперед, за рамки понимания причин банкротства как исключительно результата преступного поведения, что привело к возникновению разрыва между «общественной мудростью» и подходом законодателей, для которых «правовой» взгляд на банкротство стал допустимым [Finn, M. C., 2003, p. 35].

Что касается кодификации законодательства о банкротстве, то на этапе развития данного института в XIX в. многие процедурные вопросы в английских правовых реалиях решались между сторонами договоров, в ходе чего устанавливалась в последующем задолженность одного лица перед другим. Однако данный подход был достаточно узким, так как регулируемые контрактом отношения являлись частными и не могли должным образом обеспечить публичные интересы, интересы третьих лиц и других кредиторов должника [Finn, M. C., 2003, p. 46].

Экономическое развитие страны и неизбежно сопровождающие его кризисы оказывают существенное влияние на формирование законодательства о банкротстве. Закономерно, что во время любого экономического кризиса отношения между должниками и кредиторами значительно ухудшаются. Примечательно, что даже во время Великой депрессии 30-х гг. XX в. в Англии не происходили серьезные изменения законодательства о банкротстве, что можно расценивать как «зрелость» английского права, которое развивалось уже два столетия к моменту кризиса 1930-х гг.

Законодательство о несостоятельности (банкротстве) Соединенных Штатов Америки

Введение и изменение федерального законодательства о банкротстве в США были обусловлены не постепенным развитием торговли в стране, а резкими кризисными событиями: паника 1797 г. (принятие первого Федерального закона о банкротстве в 1800 г.), экономический кризис 1837 г. (принятие Закона о банкротстве в 1841 г.), кризис 1857 г. и Гражданская

война послужили толчком к принятию Закона о банкротстве в 1867 г., и последний Закон, в последующем ставший постоянно действующим, был принят в 1898 г. после паники 1893 г. [Skeel, D. A., 2003, p. 87]. Отличительной чертой пути развития законодательства о банкротстве в США было то, что на протяжении XIX в. в общей сложности банкротство регулировалось на федеральном уровне только около 16 лет, несмотря на то что еще в 1789 г., с принятием Конституции, Конгрессу были даны исключительные полномочия на установление единообразных законов о банкротстве на территории всех Соединенных Штатов Америки [Tabb, C., 1995, p. 76].

Нельзя не отметить, что первый Федеральный закон о банкротстве, принятый в 1800 г. в США, был схож с законодательством о банкротстве Англии, а именно действовавшим в тот период Законом о банкротстве 1732 г. Основные принципы прокредиторской направленности одинаково весомо были отражены в обоих актах и нацелены на уменьшение или списание долгов тем должникам, которые шли на сотрудничество, и предусматривали смертную казнь за банкротство в целях мошенничества [Radin, M., 1931, p. 42].

В Акте о банкротстве 1841 г. (Bankruptcy Act of 1841) впервые появляется наряду с принудительным добровольное банкротство. При этом принудительное банкротство относилось только к лицам, осуществляющим коммерческую деятельность. Особенностью данного акта была возможность должника при передаче кредиторам добровольно всего своего имущества получить освобождение от всех предъявляемых ему требований. Такие условия вызывали значительное недовольство кредиторов, так как закон дал возможность должникам избежать уплаты долгов, предоставляя кредиторам имущество на минимальную сумму, которая иной раз едва могла покрыть большие расходы на административную процедуру [Radin, M., 1931, p. 56].

После принятия и отмены двух актов о банкротстве в 1867 и 1874 гг. в 1898 г. был введен закон, ставший основополагающим для современного законодательства о банкротстве в США. Bankruptcy Act 1898 [Bush, J. A., 1899, p. 651] (далее – Закон 1898 г.), в отличие от своих предшественников, действовал 80 лет вплоть до 1978 г. На данном этапе развитие законодательства о банкротстве в США отошло от английских принципов банкротства. Была изменена сама основа – банкротство стало рассматриваться как возможность освободить от долгов должника, а не кредитора. Вместе с тем основная часть Закона была посвящена пропорциональному удовлетворению требований кредиторов и эффективному распоряжению имуществом должника.

Дела о банкротстве по-прежнему рассматривались районными судами, но значительная часть полномочий (как административных, так и судебных) была отдана так называемым рефери в банкротстве. Данные участники судебного дела о банкротстве в последующем были наделены статусом судей по банкротству [Warren, C., 1935, p. 5].

Важной особенностью Закона 1898 г. был тот факт, что он не устанавливал минимальную сумму долга, позволяющую инициировать процедуру банкротства, так же как и необходимость доказывания должником факта невозможности погасить образовавшуюся задолженность.

Следующей реформой законодательства о банкротстве стало введение в 1978 г. Кодекса о банкротстве⁷ (Bankruptcy Reform Act of 1978 или Bankruptcy Code), который действует по настоящее время⁸.

Единая система арбитражных управляющих была введена в США на федеральном уровне в 1986 г., соответствующий законодательный акт (Bankruptcy Judges, States Trustees, and Family Farmers Bankruptcy Act of 1986) стал частью Кодекса о банкротстве. Некоторые судебные функции (такие, как административные, надзорные полномочия по проведению процедуры банкротства) были переданы арбитражным управляющим [Berglof, E., Rosenthal, H., 2000, p. 56].

Законодательство о несостоятельности (банкротстве) в Китае

История древней китайской системы регулирования процедур банкротства в настоящее время фактически недоступна для исследования ввиду отсутствия необходимых источников. Однако доподлинно известно о периоде, относящемся к династии Цин, когда был принят первый унифицированный закон о банкротстве – Закон Китайской империи «О несостоятельности» 1906 г., действовавший до 1908 г. Данный Закон регулировал банкротство лиц, осуществляющих коммерческую деятельность, в том числе индивидуальных предпринимателей. Вместе с тем этот Закон, а точнее, его часть, относящаяся к добровольному банкротству, применялся и к физическим лицам [Суй, И., 2006а].

В результате революции 1911 г. китайское право пережило период европеизации и вошло в семью правовых систем, берущих основу в римском праве [Давид, Р., Жоффре-Спинози, К., 2019, с. 400].

В 30-е годы XX в. в Китае была создана «Полная книга шести законов», включавшая в себя конституционное право, гражданское право, гражданское процессуальное право, уголовное и уголовно-процессуальное право и административное право. Вступивший в силу в мае 1931 г. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики⁹ включал в себя гражданское и торговое право и регулировал общие имущественные правоотношения, что все еще требовало разработки отдельных законов [Суй, И., 2006b, с. 87].

Указанные факторы привели к принятию нового Закона о несостоятельности в 1935 г.

Многими исследователями признается факт существенного влияния политики и законодательства СССР на развитие китайского права, особенно в период сталинского правления в связи с тем, что на период расцвета сталинизма в СССР пришелся этап победы коммунистической власти в Китае [Чжихуа, В., 2010, с. 71].

⁷ The Bankruptcy Reform Act of 1978. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-92/pdf/STATUTE-92-Pg2549.pdf> (дата обращения: 20.05.2023).

⁸ United States Bankruptcy Code. 1989. Title 11. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11> (дата обращения: 20.05.2023).

⁹ Гражданский кодекс Китайской республики : пер. с кит. Кн. 1–5. Харбин : Тип. Кит. Вост. жел. дор., 1931. 221 с.

Вместе с указанными событиями в стране, по аналогии с происходившим в СССР, стал стремительно изменяться вектор развития права и доктрины: были отменены «Полная книга шести законов», Закон «О банкротстве» и ряд других нормативных актов [Lee, E. H., 2015].

Теоретический и практический интерес к теме банкротства вернулся в Китай в 1980-х гг. в связи с глобальным изменением экономической политики [Литвинова, С. Ф., 2014]. После принятия Конституции КНР в 1982 г. правительство Китая изменило взгляд на экономическое развитие страны, считая возможным способствовать развитию частного сектора в экономике Китая при сохранении социалистических принципов и государственной централизации в экономической сфере.

В соответствии с Общими положениями гражданского права КНР от 1986 г.¹⁰ банкротство предприятий было включено в ряд оснований для прекращения действия организации как юридического лица. Данная норма, несомненно, дала толчок развитию права и доктрины о банкротстве в Китае [Gao, S., Wang, Z., 2017].

Целями Закона КНР «О банкротстве предприятий», принятого в 1986 г., были способствование развитию плановой социалистической экономики, реформирование экономической структуры, усиление системы экономической ответственности и демократического управления, рост экономической эффективности и защита прав и интересов кредиторов и должников. Вместе с тем данный Закон регулировал только предприятия общенародной собственности, аналог российских унитарных предприятий [Трощинский, П. В., 2015, с. 645].

Ввиду относительно небольшого количества негосударственных предприятий в Китае на момент принятия Закона законодателем было принято решение стимулировать предприятия государственного сектора посредством развития законодательства о банкротстве [Сюй, И., 2006а].

Законом был установлен особый порядок защиты граждан, потерявших работу вследствие банкротства предприятия. Так, кроме материальной поддержки государства, содействия в поиске новой работы Закон устанавливал обязательство должника в первую очередь возместить задолженность по заработной плате и страхованию труда, а затем уже шла очередь налогов и требования кредиторов [Кузнецова, О., Раждаева, Т., 2012].

Однако с развитием экономики в Китае законодатель пересмотрел свое видение о соответствующем законодательстве: в 1992 г. был провозглашен курс на построение «социалистической рыночной экономики», в 1999 г. в Конституцию КНР были внесены поправки, определяющие индивидуальные и частные хозяйства важной составляющей рыночной экономики [Туманова, А. К., 2006].

Уже в 2006 г. был принят новый Закон КНР «О банкротстве предприятий» (далее – Закон 2006 г.), который упорядочил процедуру банкротства предприятий, ввел принципы справедливого осуществления расчетов по

¹⁰ Общие положения гражданского права КНР : пер. с кит. URL: https://chinalaw.center/civil_law/china_general_principles_of_civil_law_revised_2009_russian/ (дата обращения: 20.05.2023).

долговым обязательствам, принципы защиты законных прав и интересов должников и кредиторов и защиты системы социалистической рыночной экономики [Jiang, Y., 2014]. Новый Закон несколько изменил подход к порядку погашения задолженности перед кредиторами и иными лицами: установлено первостепенное удовлетворение требований кредиторов, а из оставшихся средств – удовлетворение задолженности по заработной плате и социальное пособие работникам. Закон 2006 г. прямо закрепил в качестве приоритета защиту прав и интересов кредиторов [Jiang, Y., 2014].

Закон 2006 г. во многом повторяет современное регулирование банкротства в Соединенных Штатах Америки. К примеру, полномочия лица, управляющего процедурой банкротства, в США и Китае практически идентичны, так же как и механизм инициирования процедуры финансового оздоровления или ликвидации в деле о банкротстве [Стрелкова, И. И., 2017]. Кроме того, одним из самых значимых нововведений в Законе 2006 г. стала возможность банкротства корпораций и иных юридических лиц [Трощинский, П. В., 2015].

Так, за период длиной в 100 лет законодательство Китая прошло путь от строго социалистического к поддерживающему рыночную экономику и перенимающему более богатый опыт демократических стран.

Заключение

Примеры истории развития законодательства о банкротстве в таких ведущих странах, как Российская Федерация, Англия, США, Китай, показывают, что введение такого правового явления, как банкротство, в законодательство страны обусловлено экономическим и политическим развитием, наличием общих норм законодательства, позволяющих принять и применить нововведение.

Банкротство способствует здоровому экономическому росту страны и очищению рынка от его недобросовестных участников, а также защищает как граждан, юридических лиц – резидентов страны, так и внешнеэкономических участников от нарушения их законных прав и интересов при ведении коммерческой деятельности.

Для эффективного развития важно, чтобы институт банкротства работал как идеально отлаженная и прозрачная система, в которой нет места двусмысленности толкования закона.

Исходя из изложенного, очевидно, что страны, которые ввели институт банкротства в период XX–XXI вв., учитывают опыт стран с уже развитой и относительно отлаженной системой процедуры банкротства.

Вместе с тем, несмотря на общую принадлежность к англосаксонской правовой семье, единые исторические корни законодательства о несостоятельности, процедуры банкротства в Англии и США в настоящее время развиваются в прямо противоположном направлении.

Кодекс о банкротстве США определяет реорганизационную направленность должника, а Закон о банкротстве Англии поддерживает его ликвидацию. Кроме того, законодательство США предоставляет предприятию-банкроту право контроля над своим имуществом, а признание предприятия банкротом не отстраняет его управляющего от управления компанией.

В то же время в Англии, как и в Российской Федерации и Китае, признание банкротом в обязательном порядке предопределяет отстранение прежнего руководства и назначение судом управляющего.

Представляется, что на настоящий момент не существует «идеальной» модели законодательства о банкротстве, которая работала бы применимо к любым правовым реалиям стран и способствовала стабильному развитию экономики страны. Таким образом, каждое государство самостоятельно, путем проб и ошибок, а также основываясь на опыте других стран формирует собственный рецепт банкротства, отвечающий требованиям государства и общества.

Список источников

- Гольмстен А. Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. М. : Издание книг.ком, 2018. 284 с. ISBN: 978-5-6040849-6-0.
- Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М. : Междунар. отнош., 2019. 453 с. ISBN: 978-5-7133-1340-1.
- Карелина С. А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) : учеб.-практ. пособие. М. : Волтерс Клувер, 2006. 360 с. ISBN: 5-466-00130-9.
- Кузнецова О., Раждаева Т. Особенности регулирования банкротства Китая // Успехи современного естествознания. 2012. № 4. С. 111–112. URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=29914> (дата обращения: 08.05.2023).
- Литвинова С. Ф. Формирование правовых традиций в КНР как результат последовательной правовой деятельности // Право и политика. 2014. № 8. С. 1241–1248.
- Нигаматзянов Т. Т. Актуальные вопросы применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Право и экономика. 2009. № 1. С. 73–81.
- Свириденко О. М. История и современная концепция института несостоятельности (банкротства) в России // Банковское право. 2010. № 6. С. 29–38.
- Сперанская Ю. С. Институт несостоятельности (банкротства) в России XI – начала XXI века (историко-правовое исследование) : учеб. пособие. Н. Новгород: Нижегор. правовая акад., 2009. 124 с. ISBN: 978-5-8263-0146-3.
- Степанов В. В. Несостоятельность (банкротство) в России, Франции, Англии, Германии. М. : Статут, 1999. 204 с. ISBN: 5-8354-0004-7.
- Стрелкова И. И. Законодательство Китая о банкротстве: основные этапы эволюции // Юридические исследования. 2017. № 1. С. 75–90.
- Сюй И. Некоторые проблемы правового регулирования несостоятельности банкротства в Китае // Ленинградский юридический журнал. 2006а. № 2. С. 69–75.

Сюй И. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) в Китайской Народной Республике // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006b. № 5. С. 86–92.

Трощинский П. В. Эволюция правовой системы КНР в последние годы // Право и политика. 2015. № 5. С. 642–650. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=52416 (дата обращения: 05.05.2023).

Туманова А. К. Китайский феномен, или Кое-что о государственном регулировании предпринимательства // Закон. 2006. № 3. С. 109–113.

Черникова Л. В. Генезис и тенденция развития института несостоятельности (банкротства) в России // Вестник Адыгейского государственного университета. 2013. № 3 (124). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-i-tendentsiya-razvitiya-instituta-nesostoyatelnosti-bankrotstva-v-rossii> (дата обращения: 05.12.2022).

Чжихуа В. Влияние советского права на право КНР // Государство и право. 2010. № 4. С. 71–80.

Шершеневич Г. Ф. Конкурсное право. 2-е изд. Казань : Тип. Имп. унта, 1898. VI, 498, [1] с.

Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права : в 4 т. Т. 1. Введение. Торговые деятели. М. : Юрайт, 2019. URL: <https://urait.ru/bcode/433381> (дата обращения: 05.12.2022). ISBN: 978-5-534-07829-9.

Berglof E., Rosenthal H. The Political Economy of American Bankruptcy: The Evidence from Roll Call Voting, 1800–1978. Princeton : Princeton University Press, 2000. 73 p. URL: https://legacy.voteview.com/pdf/Berglof_Rosenthal_Bankruptcy.pdf.

Bush J. A. The National Bankruptcy Act of 1898: With Notes, Procedure, and Forms. New York : Banks Law Publishing Company, 1899. 716 p.

Domowitz I., Tamer E. Two hundred years of bankruptcy: A tale of legislation and economic fluctuations // IPR Working Paper. 1997. 97-25.

Finn M. C. The character of credit: personal debt in English culture, 1740–1914. Cambridge University Press, 2003. Vol. 1. 362 p.

Fletcher I. F. The law of insolvency. Sweet and Maxwell, 2002. 650 p.

Franks J., Sussman O. Financial innovations and corporate insolvency // Journal of Financial Intermediation. 1999, July. Vol. 14, no. 3. P. 283–317.

Gao S., Wang Z. The U. S. reorganization regime in the Chinese mirror: legal transplantation and obstructed efficiency // American Bankruptcy Law Journal. 2017. P. 139–176.

Gratzer K., Stiefel D. History of insolvency and bankruptcy: From an international perspective. Södertörnshögskola, 2008. 334 p. ISBN: 978-91-89315-94-5.

Hansen B. Commercial associations and the creation of a national economy: The demand for federal bankruptcy law // Business History Review. 1998. Vol. 72, no. 1. P. 86–113.

Hoppit J. Risk and failure in English business 1700–1800. Cambridge University Press, 2002. 228 p.

Jiang Y. On the significance of creditor protection law in the US (from the perspective of uniform voidable transactions act) // Journal of International Law and Business. 2014. Vol. 34, issue 3. P. 559–582. URL: <http://scholarlycommons.law.northwestern.edu/njilb/vol34/iss3/5> (дата обращения: 18.12.2022).

Johnson P. Creditors, debtors and the law in Victorian and Edwardian England. Oxford University Press, 1996. 280 p.

Lee E. H. Comparing Hong Kong and Chinese insolvency laws and their cross-border complexities // The Journal of Comparative Law. 2015. Vol. 9, issue 2. P. 259–280. URL: <https://ssrn.com/abstract=2588442> (дата обращения: 08.05.2023).

Lester V. M. Victorian insolvency: bankruptcy, imprisonment for debt, and company winding-up in nineteenth-century England. New York: Oxford University Press, 1995. 354 p. ISBN: 0-19-820518-X.

McCormack G. Universalism in insolvency proceedings and the common law // Oxford Journal of Legal Studies. 2012. Vol. 32, issue 2. P. 325–347.

Radin M. Discharge in Bankruptcy // New York University Quarterly Review. 1931. Vol. IX, issue 1. P. 39–48.

Skeel D. A. Debt's dominion: A history of bankruptcy law in America. Princeton University Press, 2003. 281 p. ISBN: 0691116377, 9780691116372.

Tabb C. A Brief History of Bankruptcy Laws // American Bankruptcy Institute of Law Review. 1995. Vol. 3. P. 5–51. URL: <https://ssrn.com/abstract=2316255> (дата обращения: 05.05.2023).

Warren C. Bankruptcy in the United States History. Harvard University Press, 1935. 195 p.

References

Berglof, E., Rosenthal, H., 2000. *The Political Economy of American Bankruptcy: The Evidence from Roll Call Voting, 1800–1978*. Princeton: Princeton University Press. 73 p. URL: https://legacy.voteview.com/pdf/Berglof_Rosenthal_Bankruptcy.pdf.

Bush, J. A., 1899. *The National Bankruptcy Act of 1898: With Notes, Procedure, and Forms*. New York: Banks Law Publishing Company. 716 p.

Chernikova, L. V., 2013. [Genesis and the tendency of development of the institute of insolvency (bankruptcy) in Russia]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta* = [Bulletin of Adygei State University], 3. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-i-tendentsiya-razvitiya-instituta-nesostoyatelnosti-bankrotstva-v-rossii> (Accessed: 05.12.2022).

David, R., Joffrey-Spinosi, K., 2019. *Osnovnie pravovie sistemy sovremennosti* = [Main legal systems of modernity]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 453 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-7133-1340-1.

- Domowitz, I., Tamer, E., 1997. Two hundred years of bankruptcy: A tale of legislation and economic fluctuations. *IPR Working Paper*, 97-25.
- Finn, M. C., 2003. *The character of credit: personal debt in English culture, 1740–1914*. Cambridge University Press. Vol. 1. 362 p.
- Fletcher, I. F., 2002. *The law of insolvency*. Sweet and Maxwell. 650 p.
- Franks, J., Sussman, O., 1999. Financial innovations and corporate insolvency. *London Business School*, July, 14(3), pp. 283–317.
- Gao, S., Wang, Z., 2017. The U. S. reorganization regime in the Chinese mirror: legal transplantation and obstructed efficiency. *American Bankruptcy Law Journal*, pp. 139–176.
- Gol'msten, A. Kh., 2018. *Istoricheskiy ocherk russkogo konkursnogo processa* = [Historical sketch of Russian competitive process]. Moscow: Izdanieknig.com. 284 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-6040849-6-0.
- Gratzer, K., Stiefel, D., 2008. *History of insolvency and bankruptcy: From an international perspective*. Södertörnshögskola. 334 p. ISBN: 978-91-89315-94-5.
- Hansen, B., 1998. Commercial associations and the creation of a national economy: The demand for federal bankruptcy law. *Business History Review*, 72(1), pp. 86–113.
- Hoppit, J., 2002. *Risk and failure in English business 1700–1800*. Cambridge University Press. 228 p.
- Jiang, Y., 2014. On the significance of creditor protection law in the US (from the perspective of uniform voidable transactions act). *Journal of International Law and Business*, 34(3), pp. 559–582. URL: <http://scholarlycommons.law.northwestern.edu/njilb/vol34/iss3/5> (Accessed: 18.12.2022).
- Johnson, P., 1996. *Creditors, debtors and the law in Victorian and Edwardian England*. Oxford University Press. 280 p.
- Karelina, S. A., 2006. *Pravovoe regulirovanie nesostoyatel'nosti (bankrotstva)* = [Legal regulation of insolvency (bankruptcy)]. Textbook. Moscow: Wolters Kluwer. 360 p. (In Russ.) ISBN: 5-466-00130-9.
- Kuznetsova, O., Razhdaeva, T., 2012. [Features of the regulation of bankruptcy in China]. *Uspekhi sovremennogo yestestvoznaniya* = [Advances of Modern Natural Science], 4, pp. 111–112. (In Russ.) URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=29914> (Accessed: 08.05.2023).
- Lee, E. H., 2015. Comparing Hong Kong and Chinese insolvency laws and their cross-border complexities. *The Journal of Comparative Law*, 9(2), pp. 259–280. URL: <https://ssrn.com/abstract=2588442> (Accessed: 08.05.2023).
- Lester, V. M., 1995. *Victorian insolvency: bankruptcy, imprisonment for debt, and company winding-up in nineteenth-century England*. New York: Oxford University Press. 354 p. ISBN: 0-19-820518-X.
- Litvinova, S. F., 2014. [Formation of legal traditions in the PRC as a result of consistent legal activity]. *Pravo i politika* = [Law and Politics], 8, pp. 1241–1248.

- McCormack, G., 2012. Universalism in insolvency proceedings and the common law. *Oxford Journal of Legal Studies*, 32(2), pp. 325–347.
- Nigamatzyanov, T. T., 2009. [Actual questions of application of the Federal Law “About Insolvency (Bankruptcy)”]. *Pravo i ekonomika* = [Law and Economy], 1, pp. 73–81. (In Russ.)
- Radin, M., 1931. Discharge in Bankruptcy. *New York University Quarterly Review*, IX(1), pp. 39–48.
- Shershenevich, G. F., 1898. *Konkursnoe parvo* = [Competition law]. 2nd ed. Kazan: Imperial University Printing House. VI, 498, [1] p. (In Russ.)
- Shershenevich, G. F., 2019. *Kurs torgovogo prava. T. 1. Vvedenie* = [Course of trade law. Vol. 1. Introduction]. In 4 vols. Moscow: Yurayt. (In Russ.) URL: <https://urait.ru/bcode/433381> (Accessed: 05.12.2022). ISBN: 978-5-534-07829-9.
- Skeel, D. A., 2003. *Debt's dominion: A history of bankruptcy law in America*. Princeton University Press. 281 p. ISBN: 0691116377, 9780691116372.
- Speranskaya, Yu. S., 2009. *Institut nesostoyatel'nosti (bankrotstva) v Rossii XI – nachala XXI veka (istoriko-pravovoe issledovanie)* = [Institute of insolvency (bankruptcy) in Russia XI – beginning of XXI century (historical-legal study)]. Textbook. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy. 124 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8263-0146-3.
- Stepanov, V. V., 1999. *Nesostoyatel'nost' (bankrotstvo) v Rossii, Francii, Anglii, Germanii* = [Insolvency (bankruptcy) in Russia, France, England, Germany]. Moscow: Statut. 204 p. (In Russ.) ISBN: 5-8354-0004-7.
- Strelkova, I. I., 2017. [Legislation of China on bankruptcy: the main stages of evolution]. *Yuridicheskiye issledovaniya* = [Legal Studies], 1, pp. 75–90. (In Russ.)
- Sviridenko, O. M., 2010. [History and the modern concept of the institute of insolvency (bankruptcy) in Russia]. *Bankovskoye pravo* = [Banking Law], 6, pp. 29–38. (In Russ.)
- Tabb, C. A., 1995. Brief History of Bankruptcy Laws. *American Bankruptcy Institute of Law Review*, 3, pp. 5–51. URL: <https://ssrn.com/abstract=2316255> (Accessed: 05.05.2023).
- Troshchinsky, P. V., 2015. [Evolution of the legal system of the PRC in recent years]. *Pravo i politika* = [Law and Politics], 5, pp. 642–650. (In Russ.) URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=52416 (Accessed: 05.05.2023).
- Tumanova, L. K., 2006. [The Chinese phenomenon, or Something about the state regulation of entrepreneurship]. *Zakon* = [Law], 3, pp. 109–113. (In Russ.)
- Warren, C., 1935. *Bankruptcy in the United States History*. Harvard University Press. 195 p.
- Xu, Y., 2006b. [Legal regulation of insolvency (bankruptcy) in the People's Republic of China]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravo-*

vedeniye = [News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 5, pp. 86–92. (In Russ.)

Xu, Y., 2006a. [Some problems of legal regulation of insolvency bankruptcy in China]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* = [Leningrad Law Journal], 2, pp. 69–75. (In Russ.)

Zhihua, V., 2010. Influence of Soviet law on PRC law. *Gosudarstvo i pravo* = [State and Law], pp. 71–80. (in Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Бозрикова Екатерина Дмитриевна, начальник юридического отдела ООО «МостоТрест 136»; аспирант кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Ekaterina D. Bozrikova, Head of the Legal Department of MostoTrest 136 LLC; Postgraduate Student of the Civil Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

ORCID: 0009-0003-2446-4184

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 04.04.2023; дата одобрения после рецензирования: 05.05.2023; дата принятия статьи к опубликованию: 03.10.2023.

Submitted: 04.04.2023; reviewed: 05.05.2023; revised: 03.10.2023.

Научная статья

УДК 343.265

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.96-105

Перспективы развития института условно-досрочного освобождения в Российской Федерации

Илья Владимирович Талаев

*Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация
talaeviv@mail.ru*

Аннотация

Введение. В статье рассматривается актуальная проблема возможности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания лиц, принявших решение о добровольном участии в боевых действиях в интересах Российской Федерации. Данный вопрос не урегулирован отечественным законодателем, хотя случаи привлечения осужденных лиц к участию в боевых действиях с последующим их освобождением становятся все более распространенными. В качестве примера можно привести частную военную компанию «Вагнер».

Методы. Методологическую основу работы составляют общеправовой диалектико-материалистический метод познания, а также общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы познания (формально-юридический, историко-правовой).

Результаты исследования. Проведен анализ отечественного исторического опыта привлечения осужденных лиц к службе в воинских формированиях. Выделены сходства и различия порядка привлечения осужденных лиц к участию в боевых действиях в составе ЧВК «Вагнер» и в составе штрафных частей РККА. *Обсуждение и заключение.* В результате исследования сделан вывод о двух возможных вариантах развития уголовного закона в сфере привлечения осужденных лиц к участию в боевых действиях. Первый – считать привлечение к участию в боевых действиях осужденных отдельным видом наказания; второй – признать данные случаи формой условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Второй вариант представляется более предпочтительным, исходя из чего предлагаются комплексные изменения в отечественное законодательство, в частности, дополнение ст. 79 УК РФ новой частью, в которой предусматривается возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания с направлением на службу в штрафную воинскую часть.

Ключевые слова: наказание, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, штрафная часть, штрафбат, военная служба, частные военные компании, ЧВК «Вагнер»

Для цитирования: Талаев И. В. Перспективы развития института условно-досрочного освобождения в Российской Федерации // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 4. С. 96–105. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.96-105.

Original article

Prospects for the Development of the Institute of Parole in the Russian Federation

Il'ya V. Talaev

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

For correspondence: talaeviv@mail.ru

Abstract

Introduction. This article deals with the actual problem of the possibility of conditional early release from serving a sentence of persons who have made a decision to voluntarily participate in hostilities in the interests of the Russian Federation. This issue has not been settled by the domestic legislator, although in objective reality cases of involvement of convicted persons to participate in hostilities, with their subsequent release, are becoming more common. As an example, the private military company "Wagner" can be cited.

Methods. The methodological basis of the work is the general philosophical dialectical-materialistic method of cognition, as well as general scientific methods (historical, logical) research.

Results. The analysis of the national historical experience of attracting convicted persons to serve in military formations is carried out. The similarities and differences in the procedure for attracting convicted persons to participate in hostilities as part of the private military company "Wagner" and as part of the penal units of the Red Army are highlighted.

Discussion and Conclusion. As a result of the study, it was concluded that there are two possible options for the development of criminal law in the sphere of attracting convicted persons to participate in hostilities. The first is to consider the involvement of convicted persons in hostilities as a separate type of punishment; the second is to consider these cases as a form of conditional early release from serving a sentence. The second option seems to be more preferable, on the basis of which comprehensive amendments to domestic legislation are proposed, in particular, the addition of art. 79 of the Criminal Code of the Russian Federation is a new part, which provides for the possibility of parole from serving a sentence with a referral to service in a penal military unit.

Keywords: punishment, parole from serving a sentence, penal unit, penal battalion, military service, private military companies, PMC "Wagner"

For citation: Talaev, I. V., 2023. Prospects for the development of the institute of parole in the Russian Federation. *Pravosudie/Justice*, 5(4), pp. 96–105. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.96-105.

Введение

В условиях проводимой с 24 февраля 2022 г. на Украине специальной военной операции к осени 2022 г. назрела необходимость в увеличении численности личного состава вооруженных сил Российской Федерации и других воинских формирований, участвующих в проведении данной операции. При этом еще весной 2022 г. некоторые из осужденных к лишению свободы лиц подавали ходатайства о замене неотбытой части срока лишения свободы на участие в боевых действиях.

Вот один из примеров.

Намик Тагирбеков осужден на 7 лет 6 месяцев лишения свободы по п. «а», «б» ч. 4 ст. 264 УК РФ (нарушение лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, совершенное в состоянии алкогольного опьянения, повлекшее по неосторожности смерть человека, сопряженное с оставлением места его совершения). 9 мая 2020 г. он, находясь в состоянии алкогольного опьянения за рулем автомобиля «Hyundai Solaris», нарушил правила дорожного движения и в селе Немчиновка Одинцовского городского округа Московской области совершил наезд на шедшую по пешеходной дорожке 13-летнюю девочку, после чего с места происшествия скрылся. От полученных в результате дорожно-транспортного происшествия травм ребенок скончался¹. Тагирбеков весной 2022 г. обратился в Новомосковский городской суд Тульской области. В своем ходатайстве заключенный местной колонии № 6 общего режима попросил заменить ему неотбытую часть наказания «на добровольное участие в боевых действиях в защиту государственных интересов РФ, ДНР, ЛНР». Заявление было возвращено осужденному с разъяснением положений ст. 397 УПК РФ (вопросы, подлежащие рассмотрению судом при исполнении приговора), которая не содержит пункта о возможности замены наказания на участие в боевых действиях².

В сентябре 2022 г. в отечественных средствах массовой информации стала распространяться информация, что в российских колониях заключенным предлагают вступить в ряды ЧВК «Вагнер». Осужденным было обещано, что после полугода участия в боевых действиях они получат помилование³. В январе 2023 г. появилась информация, что первые осужденные, заключившие контракт с ЧВК, помилованы и завершают службу в зоне проведения специальной военной операции⁴.

¹ Официальный сайт прокуратуры Московской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_50/mass-media/news?item=54230029 (дата обращения: 19.04.2023).

² Официальный сайт газеты «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5329320?tg> (дата обращения: 19.04.2023).

³ Официальный сайт электронного периодического издания «Лента.ру». URL: <https://lenta.ru/articles/2022/10/28/prisoners/> (дата обращения: 19.04.2023).

⁴ Официальный сайт МИА «Россия сегодня». URL: <https://ria.ru/20230105/vagner-1843111082.html?ysclid=ldc02sjgz2925509739> (дата обращения: 19.04.2023).

Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) не содержит в главе 12 «Освобождение от наказания» такого основания для освобождения от наказания, как «добровольное участие в боевых действиях». Согласно ст. 85 УК РФ «Помилование» помилование осуществляется только президентом Российской Федерации и в отношении индивидуально определенного лица.

Правовой статус частных военных компаний четко не определен в отечественном законодательстве. Сложившаяся ситуация показывает наличие пробела в законодательстве. Отсутствие законодательно закрепленного механизма привлечения к участию в боевых действиях осужденных лиц явно не идет на пользу отечественной правовой системе.

Не касаясь вопроса правовой оценки деятельности ЧВК (что требует отдельного исследования), представляется необходимым обратиться к историческому опыту привлечения осужденных лиц к службе в воинских формированиях, в том числе участвующих в боевых действиях, и возможности экстраполировать этот опыт в современную действительность.

Методы

Методологическую основу работы составляют общепhilosophический диалектико-материалистический метод познания, а также общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы познания (формально-юридический, историко-правовой).

Результаты исследования

Уже законодательству Российской империи было известно такое понятие, как «арестантские роты». Так, 26 сентября 1826 г. император Николай I издает указ № 598 «Положение для образования крепостных арестантов в арестантские роты»⁵. По своему правовому статусу отправление в данные роты было похоже на объединение таких современных видов наказания, как принудительные работы и содержание в дисциплинарной воинской части. Личный состав арестантской роты формировался из лиц переменного и постоянного состава. К первым относились осужденные лица, отбывающие наказание в данном подразделении, ко вторым – руководящие осужденными кадровые офицеры и унтер-офицеры. Данные подразделения привлекались для выполнения различного рода работ (строительство, ремонт и прочие крепостные работы), в боевых действиях они участия не принимали, оружие рядовому составу не выдавалось. Интерес представляет и такой факт, что в данные роты могли быть отправлены отбывать наказание и гражданские лица. В дальнейшем законодательство об арестантских ротах неоднократно менялось, однако общим положением оставалось то, что данные подразделения не использовались для участия в боевых действиях.

Во время Первой мировой войны перед руководством вооруженных сил Российской империи остро встал вопрос борьбы с дезертирством. Предпри-

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 1. С 12 декабря 1825 по 1827 г. СПб., 1830. С. 1011–1204.

нятые некоторыми военачальниками меры носили крайне радикальный характер. Так, приказ от 5 июня 1915 г. генерала А. А. Брусилова по 8-й армии гласил следующее: «...кроме того, сзади надо иметь особо надежных людей и пулеметы, чтобы, если понадобится, заставить идти вперед и слабодушных. Не следует задумываться перед поголовным расстрелом целых частей за попытку повернуть назад или, что еще хуже, сдать ся противнику. Все, кто видит, что целая часть (рота или больше) сдается, должны открывать огонь по сдающимся и совершенно уничтожать их...» [Лемке, М., 1920, с. 639]. Подобного рода приказы были изданы и некоторыми другими командующими, однако они носили локальный характер и касались военнослужащих, в отношении которых не было приговора суда. Законодательной базы, позволявшей привлекать к участию в боевых действиях лиц, осужденных за совершение преступления, в то время не существовало.

Следующим вооруженным конфликтом, потребовавшим экстраординарных мер от руководства государства, стала Великая Отечественная война. Уже 12 июля 1941 г. Президиумом Верховного Совета СССР издается указ «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений»⁶. Освобожденные по данному указу лица, годные к военной службе, были призваны в действующую армию. Сильно выросший количественный состав вооруженных сил привел к пропорциональному росту правонарушений, совершаемых личным составом. Оставлять безнаказанными данные деяния было нельзя, это привело бы к падению дисциплины. Однако вследствие привлечения к ответственности существенная часть правонарушителей отправлялась в тыл отбывать наказание [Реент, Ю. А., 2020]. Большие потери и тяжелая ситуация на фронте к лету 1942 г. вынудили командование Красной армии обратиться к данной категории военнослужащих. 28 июля 1942 г. был издан приказ наркома обороны СССР № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций», получивший в народе название «Ни шагу назад!». Данным приказом было предусмотрено формирование штрафных рот и батальонов, в которые необходимо направлять военнослужащих, «...провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной»⁷.

В развитие приказа № 227 26 сентября 1942 г. приказом наркома обороны СССР № 298 были приняты положения о штрафных батальонах и штрафных ротах. В качестве штрафников в штрафные батальоны направлялись совершившие правонарушение офицеры. В штрафные же роты направлялись рядовые, сержанты и старшины. Личный состав в данных подразделениях, как и в арестантских ротах времен Российской империи,

⁶ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=11259&ysclid=ldevokpvxl146961291#2ORSAUTmUjxyIFJ1> (дата обращения: 19.04.2023).

⁷ Российский государственный военный архив. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 126–127.

делился на постоянный и переменный состав. Постоянный состав формировался из кадровых командиров и политработников, срок их выслуги для присвоения очередного звания сокращался наполовину, а каждый месяц службы при назначении пенсии засчитывался за шесть месяцев. Данная категория лиц обладала существенно расширенными должностными полномочиями – на одну или две ступени выше занимаемой должности: например, командир штрафного батальона обладал по отношению к штрафникам дисциплинарной властью командира дивизии.

Переменный состав штрафных частей формировался из военнослужащих, совершивших правонарушения. Исходя из п. 1 Положения о штрафных батальонах действующей армии в данное подразделение могли направить за нарушение дисциплины по трусости или неустойчивости. Аналогичное положение было закреплено и в п. 1 Положения о штрафных ротах действующей армии⁸. В штрафную часть военнослужащий мог попасть как по приговору военного трибунала, так и по приказу вышестоящего командира (приказу по полку для штрафных рот и приказу по дивизии для штрафных батальонов), при этом командиры *и военные комиссары батальонов и полков могли быть направлены в штрафной батальон не иначе как по приговору военного трибунала фронта*. Срок нахождения в штрафной части устанавливался длительностью от 1 месяца до 3 месяцев. Штрафников разжаловали в рядовые, на время нахождения в штрафной части у них отбирались ордена и медали. По отбытии наказания штрафники восстанавливались в должности и звании, с возвращением наград. В случае ранения или совершения подвига штрафник досрочно освобождался из штрафной части.

Анализ положений о штрафных батальонах и штрафных ротах действующей армии позволяет сделать вывод, что штрафные части являлись одним из видов наказания для военнослужащих. Об этом же свидетельствует примечание к ст. 28 УК РСФСР 1926 г., которое устанавливало, что военнослужащие, приговоренные к лишению свободы на срок не более одного года, направляются в штрафные части. При этом от данного вида наказания можно было условно-досрочно освободиться в результате получения ранения или совершения подвига. По своему содержанию наиболее близкий вид наказания в действующем УК РФ – содержание в дисциплинарной воинской части (ст. 55 УК РФ).

Возвращаясь к вопросу участия осужденных лиц в составе ЧВК «Вагнер» в специальной военной операции, можно выделить некоторые сходства и различия с штрафными частями Красной армии в Великой Отечественной войне.

Сходными являются следующие черты: 1) личный состав формируется преимущественно из осужденных лиц; 2) устанавливается определенный срок нахождения их в подразделении; 3) после завершения срока службы лицо восстанавливается в правах.

⁸ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941–1942 г. Т. 13 (2-2) / сост. А. И. Барсуков и др. М., 1997. С. 312–315.

К различиям можно отнести следующее: 1) личный состав штрафных подразделений формировался из военнослужащих, в состав ЧВК набирают как бывших военнослужащих, так и гражданских лиц; 2) в штрафную часть отправляли принудительно, в ЧВК – добровольно; 3) из штрафной части личный состав возвращался в действующую армию, из ЧВК – на свободу; 4) штрафная часть была структурным подразделением Красной армии, ЧВК не относится к Министерству обороны Российской Федерации.

По своему содержанию служба осужденных в ЧВК с последующим их освобождением наиболее близка к таким видам освобождения от наказания, как условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ) и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ).

Исходя из изложенного есть два варианта дальнейшего развития уголовного закона. **Первый** – считать направление осужденных на службу отдельным видом наказания. Этот вариант потребует выделения нового вида наказания, который можно было бы назвать «Содержание в штрафной части». Учитывая, что наказание – это мера государственного принуждения, появление данного вида наказания означает, что оно будет применяться принудительно, не учитывая желания подсудимого. Однако данный вид службы связан с серьезным риском для жизни, и в настоящий момент осужденные направляются на службу добровольно. Представляется, что принцип добровольности целесообразно сохранить, следовательно, более удачным видится **второй** вариант развития уголовного закона: признать направление осужденных на службу формой условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

Для приведения в соответствие действующего законодательства с объективно существующим явлением целесообразно внести изменения в ст. 79 УК РФ «Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания». При внесении изменений следует исходить из следующих тезисов:

1) содержание данного вида условно-досрочного освобождения заключается в том, что лицо согласно рисковать своей жизнью на благо общественных интересов, взамен чего освобождается от дальнейшего отбывания наказания. Следовательно, служба должна проходить в местах с повышенным риском для жизни (военный конфликт, техногенная катастрофа и др.);

2) исходя из предыдущего пункта освобождение от наказания по данному основанию должно быть строго добровольным;

3) служба должна проходить не в частной военной компании, а в государственной структуре (Министерство обороны, Росгвардия и др.), так как контроль за освобожденным лицом должен осуществлять государственный орган с определенными полномочиями по реагированию на нарушение обязанностей, возложенных при условно-досрочном освобождении, иначе нарушается принцип монополии государства на применение насилия. Подразделение, где будут проходить службу указанные категории лиц, можно именовать по-разному, например «штрафная воинская часть». Еще одним аргументом в пользу того, что служба должна быть именно военной, является то, что за ряд преступлений может понести ответственность только военнослужащий (глава 33 УК РФ). Учитывая, что статус военнослужащего

предполагает некоторые особенности как привлечения к уголовной ответственности за неисполнение приказа, так и исключения уголовной ответственности за его исполнение, особенно в условиях боевых действий (доктрины «пассивного послушания» и «умных штыков» [Талаев, И. В., 2013; Талаев, И. В., 2019]), данный аргумент видится особенно убедительным;

4) необходимо установить определенный срок службы, после которого лицо будет считаться полностью выполнившим обязанности, установленные при данном виде условно-досрочного освобождения. В настоящий момент срок службы в ЧВК для набираемых из колоний осужденных устанавливается в размере 6 месяцев, его можно сохранить или дифференцировать в зависимости от характера службы, на которую будет направляться освобожденное лицо. Например, для штурмовых частей – 6 месяцев, для частей обеспечения – 1 год. Вопрос о продолжительности срока службы в подобных подразделениях требует отдельного исследования;

5) необходимо установить минимальный срок, после которого может быть применен данный вид условно-досрочного освобождения. В настоящее время ч. 4 ст. 79 УК РФ устанавливает, что фактически отбытый осужденным срок лишения свободы не может быть меньше 6 месяцев, данное правило можно сохранить. Что касается правил, установленных ч. 3 ст. 79 УК РФ, то их можно не применять, учитывая смысл данного вида условно-досрочного освобождения, предполагающего, что лицо согласно рисковать своей жизнью на благо общественных интересов;

6) следует указать перечень лиц, к кому данный вид освобождения не применяется. Представляется, что в данную группу обязательно должны входить лица, осужденные к пожизненному лишению свободы как наиболее строгому из применяемых наказаний. Возможность применения данного вида условно-досрочного освобождения к лицам, указанным в п. «Г» и «д» ч. 3 ст. 79 УК РФ, дискуссионна. Тем не менее законодатель считает указанные категории лиц наиболее опасными, следовательно, сохраняя системность закона, их можно включить в список лиц, к которым данный вид условно-досрочного освобождения не применяется.

Обсуждение и заключение

Исходя из изложенного предлагается дополнить ст. 79 УК РФ ч. 3.3 в следующей редакции: «На категории осужденных, указанных в пунктах “а” – “в” части 3 статьи 79 УК РФ, изъявивших желание проходить военную службу в штрафной воинской части, сроки, указанные в данных пунктах, не распространяются. Фактически отбытый ими срок наказания не может быть меньше 6 месяцев.».

Для нормального функционирования новой нормы в УК РФ требуется внести изменения и в другие нормативные акты. В частности, ст. 23 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (в ред. от 24 сентября 2022 г.) «О воинской обязанности и военной службе»⁹ предусмотрено, что лицо, имеющее неснятую или непогашенную судимость, не может быть призва-

⁹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

но на военную службу. Аналогичное положение содержится в ст. 5 Указа Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 (ред. от 22 декабря 2022 г.) «Вопросы прохождения военной службы»¹⁰ относительно лиц, желающих пойти на службу по контракту. Представляется, что для осужденных, согласившихся с риском для жизни проходить службу в штрафной части, нужно сделать исключение и установить возможность прохождения военной службы с неснятой или непогашенной судимостью. Кроме того, необходимо принять отдельный нормативный акт, устанавливающий порядок прохождения службы в штрафной части, права и обязанности личного состава такой части и др. Многие положения можно было бы позаимствовать из рассмотренных ранее положений о штрафных батальонах и штрафных ротах 1942 г.

В рамках статьи невозможно рассмотреть в полном объеме все необходимые изменения в российское законодательство. Это тема для отдельного, более широкого исследования.

Указанные комплексные изменения отечественного законодательства позволят нормативно урегулировать объективно существующее явление участия в боевых действиях лиц с неснятой и непогашенной судимостью, что, безусловно, будет полезно для отечественной правовой системы.

Список источников

- Курабцева А. П. Создание арестантских рот военного и военно-морского ведомства в Российской Империи // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1 (67), № 4. С. 33–49.
- Лемке М. К. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916). Пг. : Гос. изд-во «Петербург», 1920. 870 с.
- Реент Ю. А. Пенитенциарная система и штрафные воинские части: преступление и искупление вины в период Великой Отечественной войны // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25, № 186. С. 224–233.
- Талаев И. В. Понятие «приказ» в законодательстве и уголовно-правовой доктрине России // Российское правосудие. 2019. № 12. С. 90–94.
- Талаев И. В. Содержание института освобождения от ответственности военнослужащего за исполнение приказа // Юридический мир. 2013. № 7 (199). С. 8–10.

References

- Kurabtseva, A. P., 2015. [The creation of convict companies of the military and naval departments in the Russian Empire]. *Uchenie zapiski*

¹⁰ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Crymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = [Scientific Notes of the Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences], 1(4), pp. 33–49. (In Russ.)

Lemke, M. K., 1920. *250 dney v tsarskoy stavke (25 sentyabrya 1915 – 2 iyulya 1916)* = [250 days at the Tsar's headquarters (September 25, 1915 – July 2, 1916)]. Petrograd: State Publishing House “Petersburg”. 870 p. (In Russ.)

Reent, Yu. A., 2020. [Penitentiary system and penal military units: crime and atonement during the Great Patriotic War]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnyye nauki* = [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities], 25(186), pp. 224–233. (In Russ.)

Talaev, I. V., 2013. [The content of the institution of exemption from responsibility of a serviceman for the execution of an order]. *Uridicheskiy mir* = [Legal World], 7, pp. 8–10. (In Russ.)

Talaev, I. V., 2019. The concept of “order” in the legislation and criminal law doctrine of Russia. *Rossiyskoe pravosudie* = [Russian Justice], 12, pp. 90–94. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Талаев Илья Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, Москва, 117418, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Ilya V. Talaev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

ORCID: 0000-0003-1970-8079

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 10.04.2023; дата одобрения после рецензирования: 21.04.2023; дата принятия статьи к опубликованию: 02.10.2023.

Submitted: 10.04.2023; reviewed: 21.04.2023; revised: 02.10.2023.

Научная статья

УДК 343.2

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.106-126

Принудительное лечение лиц, совершивших общественно опасное деяние в состоянии психического расстройства или заболевших им после такого деяния: исторический аспект

Юрий Иванович Антонов

*Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация
jurant1@mail.ru*

Аннотация

Введение. Объект исследования – правоотношения об установлении государственного принудительного медицинского лечения в отношении лиц с психическими расстройствами, совершившими общественно опасные деяния, установленные в памятниках российского уголовного права (1649–1960 гг.).

Методы. В данном исследовании применялся исторический метод. Также применялся сравнительно-правовой метод, что позволило сделать главный вывод – об эволюционном (плавном, не скачкообразном) государственном регулировании указанных правоотношений. Применение теологического метода привело к выводу о том, что до начала XIX в. названные лица, не совершившие тяжких общественно опасных деяний, содержались либо родственниками, либо в монастырях, являясь по существу изгоями.

Результаты исследования. Обоснована необходимость возвращения к перечневому указанию общественно опасных деяний, совершение которых лицами в состоянии невменяемости или лицами, которые стали невменяемыми после совершения такого деяния, признано в качестве основания для применения к такому лицу принудительных мер медицинского характера.

Обсуждение и заключение. В настоящем исследовании автор пришел к следующим выводам:

- 1) государственные принудительные меры к лицам с психическими расстройствами впервые официально были закреплены в Соборном уложении 1649 г.: они представляли собой контроль за самостоятельным излечением больного лица для его последующей ответственности в суде;
- 2) государственные принудительные меры к лицам с психическими расстройствами в виде помещения в монастырь – были предусмотрены в 1715 г. Артикулом воинским, в приказы общественного призрения – в 1775 г., в специальные дома умалишенных – в 1845 г. Уложением о наказаниях уголовных и исправительных;

3) государственные принудительные меры к лицам с психическими расстройствами в виде принудительного лечения таких лиц впервые были предусмотрены в 1922 г. Уголовным кодексом РСФСР. Вместе с тем было сужено основание для применения таких мер: если до УК РСФСР 1922 г. таким основанием, помимо совершенного им преступления, была опасность такого лица (как для себя самого, так и для общества), то с 1922 г. таким основанием (помимо совершенного преступления) стала признаваться опасность такого лица лишь для общества. Такое положение дел нормативно просуществовало до принятия УК РФ 1996 г.

Настоящее исследование может быть использовано при изучении исторического развития видов государственных принудительных мер, касающихся лечения лиц с психическими расстройствами (совершивших или заболевших после общественно опасного деяния), для установления оснований применения каждой из них.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера, психическое расстройство, болезнь, беспамятство, сумасшествие, безумие, невменяемость, принудительное лечение, Соборное уложение 1649 г., Артикул воинский 1715 г., Указ «О форме суда» 1723 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Устав уголовного судопроизводства 1864 г., Уголовное уложение 1903 г., Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г., Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.

Для цитирования: Антонов Ю. И. Принудительное лечение лиц, совершивших общественно опасное деяние в состоянии психического расстройства или заболевших им после такого деяния: исторический аспект // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 4. С. 106–126. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.106-126.

Original article

Compulsory Treatment of Persons Who Have Committed a Socially Dangerous Act in a State of Mental Disorder or Who Have Fallen Ill After Such an Act: Historical Aspect

Yurij I. Antonov

*Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
For correspondence: jurant1@mail.ru*

Abstract

Introduction. The object of the study is the legal relationship on the establishment of state compulsory medical treatment for persons with mental disorders who have committed socially dangerous acts established in the monuments of Russian criminal law (1649–1960).

Methods. In this study, the historical method was used accordingly. The comparative legal method was also used, which made it possible to draw the main conclusion – about the evolutionary (smooth, not abrupt) state regulation of these legal relations. The application of the theological method led to the conclusion that until the beginning of the XIXth century, these persons who had not committed serious socially

dangerous acts were kept either by relatives or in monasteries, being essentially outcasts.

Results. One of the main conclusions was the conclusion that it is necessary to return to the list of socially dangerous acts committed by persons in a state of insanity or by persons who became insane after committing such an act, as the basis for applying compulsory medical measures to such a person.

Discussion and Conclusion. In this study, the author came to the following conclusions:

- 1) state compulsory measures against persons with mental disorders were first officially enshrined in the Cathedral Code of 1649: they represented control over the independent healing of a sick person for his subsequent responsibility in court;
- 2) state compulsory measures for persons with mental disorders in the form of premises: in the monastery were provided in 1715 by the Military Article, in the orders of public charity in 1775, in special homes of the insane in 1845 by the Code of Criminal and Correctional Punishments;
- 3) state compulsory measures against persons with mental disorders in the form of compulsory treatment of such persons were first provided for in 1922 by the Criminal Code of the RSFSR. At the same time the basis for the application of such measures narrowed: if before the RSFSR Criminal Code of 1922, such a basis (in addition to the crime committed by him) was the danger of such a person (both for himself and for society), then since 1922 such the basis (in addition to the crime committed) began to recognize the danger of such a person only to society. This state of affairs existed normatively until the Criminal Code of the Russian Federation in 1996. The statement of this fact refuted the hypothesis of an evolutionary improvement in the attitude towards persons with mental disorders according to the monuments of Russian law.

This research can be used in the study of the historical development of the types of state compulsory measures on the treatment of persons with mental disorders (who committed or fell ill after a socially dangerous act), and for determination of the grounds for the application of each of them.

Keywords: compulsory medical measures, mental disorder, illness, unconsciousness, insanity, insanity, insanity, compulsory treatment, the Cathedral Code of 1649, the Military Article of 1715, the Decree "On the form of Court" of 1723, the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845, the Statute of Criminal Proceedings of 1864, the Criminal Code of 1903, The Criminal Code of the RSFSR 1922, the Criminal Code of the RSFSR editions of 1926, the Criminal code of the RSFSR of 1960

For citation: Antonov, Yu. I., 2023. Compulsory treatment of persons who have committed a socially dangerous act in a state of mental disorder or who have fallen ill after such an act: historical aspect. *Pravosudie/Justice*, 5(4), pp. 106–126. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.106-126.

Введение

В данном исследовании остановимся на общеизвестных и общедоступных памятниках российского права, которые разрешали вопросы в отношении невменяемых (душевнобольных, юродивых, бесноватых, безумных), совершивших общественно опасные деяния и/или обязанных давать показания в суде (государству) по различным делам.

До Соборного уложения 1649 г. таких норм не найдено.

В **Соборном уложении Алексея Михайловича 1649 г.**¹ в главе X «О суде» в ст. 108 указано:

«А которые исцы и ответчики, не ходя в суд; учнут приносить отсрочные челобитные за своими руками, а в челобитных у них будет написано, что им межь себя сыскиваются, а будет не сыщутся, и им обема стати в приказе к суду на срок, как они межь себя договорятся, а будет кто из них на тот срок не станет, и тому тем сроком быти виновату, да подав такую челобитную, кто из них один на срок в приказе станет и челобитье свое запишет, а другой на тот срок не станет, и того тем сроком, по их полюбовному челобитью, обвинити, опричь крепостных дел. А будет истец или ответчик до того отсрочного сроку занеможет, и заболезню ему в приказитти будет некоторыми делы немочно, и ему в свое место прислати на срок искати, или отвечать кому верит. А будет на тот полюбовной срок кто в свое место искати и отвечать никого не пришлет, и его тем по тому же обвинити, а будет кто об нем учнет бити челом, что он конечно болен, а к суду ему в свое место прислати некого, что он безсемеинной и безлюдной человек, и того болново послати осмотрити подъячево доброво. Да будет он по осмотру конечно болен, и к суду ему быти немощно, и в свое место послати ему некого, и его тем полюбовным сроком без суда не винити, и дати ему сроку до тех мест, как он обможеться» (здесь и далее разрядка наша. – Ю. А.).

В норме ст. 108 указывается, что возможны челобитные (жалобы, иски к царю на лицо или от лица). Если лицо было больным (немошным), то оно должно было заменить себя другим для представления дьяку в суде приказа. Если заменить было некем, то подъячий проверял болезнь (немошность) лица, и в случае подтверждения суд не признавал виновности такого лица до его выздоровления («пока не обможеться»). Согласно Соборному уложению лицо в качестве ответчика могли привлекать к суду по зазывным грамотам, но истец также мог не явиться. Для этого случая в ст. 109 было установлено:

«А будет которой ответчик по зазывной грамоте станет к суду на указной срок, а истец его на тот указной срок и после сроку неделю спустя не станет, и тот истец иску своего лишен опричь крепостных дел и впредь ему в том его иску, опричь крепостных же дел, на того ответчика суда не давати. А будет тот истец на срок и после сроку учнет в свое место к суду присылати сына, или племянника, или кого ни буди, а самому ему в то время к суду итти не мощно за болезнью или за иным зачем, и в его место велеть искати тому, кого он в свое место к суду пришлет. А будет тот истец учнет бити челом, что он болен, а к суду в свое место прислати ему некого, и того исца велеть осмотрити, прямо ли он болен. Да будет по осмотру тот истец прямо болен и за болезнью ему к суду итти некоторыми делы немощно, и то сыщется, что ему в свое

¹ См.: Хрестоматия по истории государства и права России : учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. 2-е изд. М. : ТК Велби : Проспект, 2008. С. 63.

место послати некого, и в его иску ответчику отсрочить до тех мест, покаместа тот истец обможеться, а без суда тому исцу в и(ы)ску его не отказывати. А будет того исца болезнь продолжится: и ответчику его в том деле отсрочити, и с Москвы отпустити до тех мест, покаместа на него тот его истец учнет бити челом».

В связи с болезнью истца решение по суду откладывалось до выздоровления истца, а ответчика могли отпустить из Москвы.

В главе XVI этого же Соборного уложения «О поместных землях», в ст. 59, содержатся аналогичные предыдущим положения:

«59. А которые челобитчики учнут государю бити челом на кого о выгнанных вотчинах, или о утаенных поместьях, и по их челобитью в таких делах доведется им давати очныя ставки, а те люди, на которых они учнут государю бити челом, посланы будут на государеву службу, или к делам в города, а иные в те поры учнут сказыватися больны, а челобитчики учнут бити челом государю, чтобы за тех людей, которые будут по службам и которые учнут сказыватися больны, на очную ставку велеть быти детям их, и братьям и племянником, и людям, которые за них в и(ы)ных приказах ищут и отвечают, и в таких в поместных и вотчинных делех тем челобитчиком с теми людьми, на кого они учнут бити челом, давать очныя ставки, с самими втепору, как они с государевы службы к Москве приедут. А которые люди учнут сказыватися больны, и тех больных осматривать, прямо ли они больны. Да будет по смотру те люди прямо больны, и на очную ставку им некоторыми делы итти не мощно, и тем больным, для их болезни, в очной ставке дать сроку на полгода, а детей их и братьи и племянников и людей в таких делех на очную ставку по неволе не имать. А будет кому болезнь продолжится больши полугода, и тем людям после полугода велеть на очную ставку в свое место прислать, кому они в том верят. А больши полугода в таких делех для болезни никому сроку не давать».

Лицам, совершившим подлог с поместьями и находящимся на государственной службе, на выздоровление по болезни давался один год для того, чтобы потом разобраться с их состоянием. Видимо, невменяемость (умалишенность, душевная болезнь) не предполагалась, поскольку лицо находилось на государственной службе.

Увечье (в том числе, надо полагать, душевная болезнь, поскольку отмечалась немощность. – Ю. А.) городских дворян или детей бояр было основанием для освобождения от государственной и от военной службы (ст. 61 главы XVI «О поместных землях»). Взамен необходимо было направить на государственную или военную службу даточных людей и деньги на их содержание.

Таким образом, в XVII в. болезнь ответственных перед судом лиц была основанием отложения решения их вопроса до выздоровления. О назначении в отношении них каких-либо государственных мер, направленных на их выздоровление, речь не шла.

Некоторые рассмотренные нормы получили свое развитие в **Артикуле воинском 1715 г.**², принятом Петром I. В частности, нормы об отпуске с военной службы (глава IX) предусматривали:

«Артикул 70. А естьли кто за неизлечимую болезнь свою, или увечьем, или ради старости своей, более служить не возможет, тогда надлежит офицеру о сем в принадлежащем месте известие подать дабы оной салдат осмотрен, и по изобретению того после от начальства потребным пасом снабден был».

Из положения артикула 70 видно, что из всех болезней выделяется неизлечимая болезнь, а болезнь отграничивается от увечья.

Вместе с тем строго наказывалась притворная болезнь, дающая право на оставление службы во время похода:

«Артикул 80. Ежели кто притворится болным, дабы тем отбыть от походу, и назади остатся, и покойство возиметь, а потом здрав явится, и притворная болезнь его найдется, оный другим в наказание жестоко наказан будет».

Пожалуй, впервые в Артикуле воинском 1715 г. выделяется безумство как основание уменьшения ответственности. Тому свидетельством могут быть следующие нормы Артикула и их толкование:

«Артикул 91. Никто (кто б ни был) да не дерзает в обоз, городы, ретранжаменты, и крепости, инде входить и выходить, кроме обыкновенных улиц и ворот, где караулы розставлены, под потеряннем живота».

Толкование. Однакоже может судия разсудить, что с изменическова ли какова умыслу, или с глупости, или безумства, такожде во время ли войны или мира то учинится, и потому разсуждению наказание убавить или прибавить».

Безумство было основанием уменьшения ответственности за нарушение охраняемого поста караулом как в военное, так и в мирное время.

К смертельным ранам от убийства приравнявались мозговые раны, от которых через непродолжительное время наступали безумие и смерть.

«Артикул 154. Кто кого волею и нарочно без нужды и без смертного страху умертвит, или убьет его тако, что от того умрет, онаго кровь паки отмститъ, и без всякой милости оному голову отсечь».

Толкование. Но надлежит подлинно ведать, что смерть всеконечно ли от битья приключилась. ...Между другим последующия раны за смертельную почитаютца:

(1) Раны мозговые, когда... по исхождении некоторых скорых дней и по запечении крови лихорадка, безумие и от того смерть приключитца».

Безумие лица сродни превращению его в животное, которое называлось в соответствующем случае в артикуле 165 безумною тварью.

Помимо безумства (при нарушении границы поста), безумия (как последствия мозговой раны при убийстве), в Артикуле воинском 1715 г. выделялись беспамятство и меланхолия (меленхолия):

«Артикул 164. Ежели кто сам себя убьет, то надлежит палачу тело его в безчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам или обозу».

² Хрестоматия по истории государства и права России. С. 167.

Толкование. А ежели кто учинил в безпамятстве, болезни, в меленхолии, то оное тело в особливом, но не в безчестном месте похоронить...

Ежели салдат пойман будет в самом деле, что хотел себя сам убить, и в том ему помешали, и того исполнить не мог, а учинит... в безпамятстве... оный по мнению учителей прав с безчестием от полку отогнан быть имеет...»

Беспамятство и меланхолия – это психические расстройства. Из артикула 164 видно, что они приравниваются к болезни и являются извинительными обстоятельствами какого-либо общественно опасного деяния.

К беспамятству приравнивалось отсутствие осмысленности своих действий, в частности, при даче присяги:

«Артикул 196. Кто лживую присягу учинит, и в том явственным свидетельством обличен будет, оному надлежит два пальца, которыми он присягал, отсечь, а его послать на катаргу.

Толкование. Сие надлежит точно разумети о том, который лживую присягу подлинно учинил, но ненадобно так оное распространять, чтоб и того сим же наказанием отягчать, который не омыслясь к присяге представит себя. Ибо сие беспамятству причитается. А ежели потом освидетельствуется, без наказания отпущен быть не имеет».

Таким образом, в XVIII в. в законодательстве появляются понятия безумства, безумия, беспамятства (неосмысленности) и меланхолии наряду с понятием болезни. Явления, предусмотренные названными понятиями, по существу являлись психическими расстройствами, которые признавались извинительными обстоятельствами при совершении общественно опасных деяний. Вместе с тем законодательство не предусматривало излечение таких лиц, как и потенциальную опасность их для себя или других лиц.

В законодательстве Петра I, в частности в **Указе «О форме суда» 1723 г.**³, получили свое развитие нормы ст. 108 и 109 Соборного уложения 1649 г. В статье 6 названного Указа предусмотрено:

«6. Но понеже много того бывало, что от бездельных ябедников челобитчиков или ответчиков чинились просрочки одному от другого, и тем их обвиняли таким образом, что пред самым сроком, когда ответчику или челобитчику к суду становиться, тогда истец или ответчик ябеднически учинит один на другого в другом Приказе челобитье, по которому в тот срочный день того туда захватят, и тако он просрочится, и тем обвинены бывали, и других подобных тому коварств много было. Того для ныне повелевается сим, что хотя тот, кто обязан на срок к суду стать, истец или ответчик и взят будет в другой срок по какому нибудь делу, то оные должны объявить о себе, и показать ответчик копию с челобитной, а истец билет, данные им за руками судящих, что уже обязан прежде тот день, где в суде стать, по которому объявлению должны судьи того захваченного немедленно послать в то место, где он прежде обязан стать к суду, ежели

³ Хрестоматия по истории государства и права России. С. 205.

не Государственное до него дело; а ежели Государственное дело, то об нем тотчас дать знать письменно в тот суд, где он прежде обязан, что он в том месте обретається, дабы ему то в просрочку не было поставлено, и он бы тем не был обвинен; а когда оной очистится в том, тогда его отослать в то место, где он обязан от показанной копии или билету.

И ежели в котором суде, видя помянутую копию или билет, а задержат его не в Государственном деле, то будут наказаны яко преступники указу; а ежели хотя и в Государственном деле задержан будет, а известия против вышеописаннаго не учинят, то жестоким штрафом наказаны будут, как в конце сего изображено. Равным же образом и те наказаны будут яко преступники указа, которые кроме судебных мест кого с копиєю или с билетом каким нибудь образом ведая удержат, или из того места увезут. А ежели истцу или ответчику приключится болезнь в то время, когда к суду стать обязан: тогда немедленно должен дать о себе знать в суде, что з а б о л е л, по чему из суда должен послать осмотреть трех Членов, и с ними, буде где есть Доктор или Лекарь, а буде где нет, т о в в и н у н е с т а в и т ь, и срок переменить по рассмотрению, а ежели п р и т в о р н о объявит, что болен, то его неволею взять в суд.

А ежели ответчик или истец к суду не станет на положенной срок, и не объявит о себе, для чего не стал, то его сыскивать таким образом: первой день с барабанным боем, и указ публиковать, чтобы явился к суду в неделю, и когда по прошествии недели не явится, того обвинить и буде по ком есть поруки, править иски на поручиках, а буде порук нет, брать из движимаго и недвижимаго их имения; а ежели по прошествии недели кто и явится, а законной причины, для чего он на срок не явился, не покажет, таких винить же, и иски править по вышеописанному ж. Буде же в таком случае покажет законныя причины, а именно: 1) Ежели от н е п р и я т е л я какое помешательство имел; 2) Без у м а с т а л; 3) От водянаго и пожарнаго случая и воровских людей какое несчастье имел; 4) Ежели родители или жена и дети умрут, о тех сыскивать, правду ли он показал, и буде явится правда: то ему в вину не ставить, но следовать дело его по указу».

Таким образом, если в Соборном уложении 1649 г. упоминалась болезнь, вследствие которой лицо оказывалось немощным и не могло присутствовать в суде, то в Указе Петра I «О форме суда» 1723 г. уже говорится не только о болезни, но и наряду с ней о помешательстве от неприятеля, а равно о безумстве. Данные обстоятельства являлись основанием для признания судом невиновности лица в государственном или негосударственном деле. Вместе с тем можно заметить, что по-прежнему не предусматривались какие-либо государственные принудительные меры, направленные на излечение подобных лиц.

Положения, сходные с положениями ст. 6 Указа Петра I «О форме суда» 1723 г., содержались в **Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г.**⁴ (УУС 1864 г.).

⁴ Хрестоматия по истории государства и права России. С. 259.

Умственные расстройства в XIX в. общепризнанно стали считаться разновидностью болезни⁵. В УУС 1864 г. появилась глава об освидетельствовании обвиняемого, оказавшегося сумасшедшим или безумным. В этой главе содержались следующие нормы:

«353. Если по следствию окажется, что обвиняемый не имеет здравого рассудка или страждет умственным расстройством, то следователь, удостоверясь в том как чрез освидетельствование обвиняемого судебным врачом, так и чрез распрос самого обвиняемого и тех лиц, коим ближе известен образ его действий и суждений, передает на дальнейшее распоряжение прокурора все производство по этому предмету с мнением врача о степени безумия или умственного расстройства обвиняемого.

354. Производство о сумасшествии или безумии обвиняемого вместе с заключением о том прокурора вносится на рассмотрение окружного суда.

355. Освидетельствование безумных и сумасшедших производится в присутствии окружного суда чрез инспектора или члена врачебной управы и двух врачей по назначению сей же управы. В столицах приглашаются для сего штатт-физик и два врача, назначенные физикатом или медицинской конторой.

356. Судебное преследование обвиняемого может быть прекращено по причине его сумасшествия или безумия не иначе как с разрешения окружного суда или судебной палаты по принадлежности».

Отсутствие здравого рассудка или страдание умственным расстройством служили основанием прекращения преследования обвиняемого лица. Прекращение преследования обвиняемого лица осуществлялось окружным судом. Наличие судебного контроля в таких случаях явилось важным шагом в деле осуществления правосудия.

Также устанавливалось, что безумные и сумасшедшие не могли быть свидетелями на следствии (ст. 704 УУС 1864 г.). В статье 959 УУС 1864 г. предусматривалось отложение немедленного исполнения приговора в случае болезни осужденного, препятствующей исполнению над ним личного наказания, до его выздоровления.

Следовательно, после провозглашения приговора появилось основание отложить исполнение приговора до выздоровления уже осужденного лица. Правда, вряд ли этим положением охватывался осужденный с психическим расстройством типа безумия или сумасшествия. Тем не менее становится очевидным, что и обвиняемые, и осужденные, имевшие безумие, сумасшествие или иное серьезное психическое заболевание, получили законное основание исключаться из сферы правосудия, совсем или до выздоровления.

⁵ Широкое признание получило предложенное немецким психиатром Вильгельмом Гринингером (1845) определение психиатрии как учения о распознавании и лечении психических болезней. См.: *Гринингер В. Душевные болезни*. СПб. : А. Черкасова и Ко, 1875. С. 1. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%B8%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%8F#cite_note-4 (дата обращения: 09.06.2023).

Безумие или сумасшествие как обстоятельства исключения вины лица, совершившего проступок или преступление, признавалось в российском законодательстве на 20 лет ранее УУС 1864 г. – в **Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.**⁶ (УНУИ 1845 г.).

В статье 98⁷ УНУИ 1845 г. предусматривались причины, по коим содеянное не должно быть вменяемо в вину, в том числе «безумие, сумасшествие и припадки болезни, приводящие в умоисступление или совершенное беспамятство».

При этом в ст. 101⁸ УНУИ 1845 г. уточняется, что «преступление или проступок, учиненные безумным от рождения или сумасшедшим, не вменяются им в вину, когда нет сомнения, что безумный или сумасшедший, по состоянию своему в то время, не мог иметь понятия о противозаконности и о самом свойстве своего деяния». Из приведенного положения следует, что закон только в том случае не признавал виновным безумного или сумасшедшего, когда такой безумный или сумасшедший не понимал запрет и характер совершенного им. Кроме того, в ст. 101 закреплялась обязательность заключения безумного или сумасшедшего в дом умалишенных в случае совершения им убийства, покушения на убийство, самоубийство, поджог:

«Однако же учинившие смертоубийство или же посягнувшие на жизнь другого или свою собственную, или на зажигательство безумные или сумасшедшие заключаются в дом умалишенных, даже и в случае, когда бы их родители или родственники пожелали взять на себя обязанность смотреть за ними и лечить их у себя. Порядок заключения их в доме умалишенных и сроки для их содержания и освобождения, определены особыми о сем постановлениями».

Таким образом, закон предусматривал принудительное помещение безумного от рождения или сумасшедшего в дом умалишенных при следующих обстоятельствах:

- совершение опасного преступления (убийство, покушение на убийство, самоубийство, поджог);
- наличие безумности или сумасшествия на момент совершения деяния (преступления).

Несмотря на то что основание помещения в дом умалишенных было не такое, как указано в ч. 2 ст. 97 УК РФ 1996 г., – «возможность причинения этими лицами иного существенного вреда либо опасность для себя или других лиц», имелось совершенно определенное свое основание – «наличие преступления против жизни (своей или чужой) или преступления, совершенного с использованием источника повышенной опасности!» Такое основание более понятно для правоприменителя, является менее оценочным или

⁶ Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 год) / сост. В. А. Томсинов. М. : Зерцало, 2000. С. 230.

⁷ Хотя в Своде законов Российской империи (т. XV) указывается ст. 92. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&collection=0&empire=1&sort=-1&volume=100019>. С. 9 (дата обращения: 09.06.2023).

⁸ Хотя в Своде законов Российской империи (т. XV) указывается ст. 95.

зависимым от специалистов, дающих прогноз, оценку об опасности вреда для себя или других лиц. Оно вполне может быть реципировано.

В статье 102⁹ УНУИ 1845 г. упомянуты, видимо, лица, страдавшие временными психическими расстройствами и совершившие преступление в период их обострения:

«На том же основании не вменяются в вину и преступления и проступки, учиненные больным в точно доказанном припадке умоисступления или совершенного беспамьятства. Совершивший в таком припадке болезни смертоубийство, или же посягнувший на жизнь другого или свою собственную, или на зажигательство, отдается, вместо дома умалишенных, на попечение родителям, родственникам, опекунам, или, с согласия их, и посторонним, с обязательством иметь за ним тщательное непрестанное смотрение во время его болезни и лечения, предотвращая всякие дурные или опасные для других или же для него самого последствия его припадков умоисступления. Когда же родители больного, или его родственники, опекуны или посторонние, желающие взять его на свое попечение, оказываются недостаточно благонадежными и от них нельзя ожидать точного исполнения возлагаемой на них обязанности, то страдающий припадками умоисступления отдается, для лечения его и присмотра за ним, в больницу, где и оставляется до совершенного выздоровления».

Из приведенного положения следует, что законодатель не упускал из виду случаи совершения преступления лицами в припадке умоисступления или в беспамьятстве (лунатизм [снохождение, сомнамбулизм], например). Таких лиц также признавали больными, но отдавали на лечение родственникам или в больницу до выздоровления.

Созданные дома умалишенных, помещение в больницы и попечение родственников способствовали не только предотвращению нового вреда со стороны психически больных лиц, но и их лечению. В России на законодательном уровне положения об этом появились в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Судебный контроль в рамках процесса над лицами, совершившими общественно опасное деяние в состоянии безумия или сумасшествия, был установлен гораздо раньше – в Соборном уложении 1649 г. Вместе с тем судебный контроль со стороны вышестоящей судебной инстанции (а именно со стороны окружного суда) был установлен в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.

Уголовное уложение 1903 г.¹⁰ (УУ 1903 г.) содержит следующие положения:

«39. Не вменяется в вину преступное деяние, учиненное лицом, которое, в его учинения, не могло понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками вследствие болезненного рас-

⁹ Хотя в Своде законов Российской империи (т. XV) указывается ст. 96.

¹⁰ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 16 апреля 1903 г. № 38. Отдел первый. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf (дата обращения: 09.06.2023).

стройства душевной деятельности, или бессознательного состояния, или же умственного неразвития, происшедшего от телесного недостатка или болезни.

В случаях, когда оставление такого лица без особого присмотра суд признает опасным, он отдает это лицо под ответственный надзор родителям или другим лицам, пожелавшим принять его на свое попечение, или помещает его во врачебное заведение. В случаях же учинения убийства, весьма тяжкого телесного повреждения, изнасилования, поджога или покушения на одно из сих преступных деяний, лицо, совершившее такое деяние, обязательно помещается во врачебное заведение».

Из содержащихся в ст. 39 УУ 1903 г. положений видна последовательность действий законодателя в констатации оснований для невменения в вину совершенного деяния: ранее указывались безумие от рождения, сумасшествие, припадок умоисступления, беспамятство, в УУ 1903 г. добавлены болезненное расстройство душевной деятельности, бессознательное состояние и умственное неразвитие, происшедшее от телесного недостатка или болезни. Обывательские формулировки «безумие», «сумасшествие», «припадок», «умоисступление» в нормативном акте заменялись более точными медицинскими терминами «болезненное расстройство», «бессознательное состояние».

По-иному, нежели в УНУИ 1845 г., сформулировано основание применения последующего за преступным деянием надзора (присмотра) за такими людьми и расставлены приоритеты между лицами, осуществляющими таковой надзор.

Основанием для надзора (присмотра) УУ 1903 г. называет опасность лица, совершившего преступное деяние. Такое основание имманентно ближе к основанию, сформулированному в ч. 2 ст. 97 УК РФ 1996 г.: оно не содержит перечня преступлений, совершенных лицом с психическим расстройством, а является оценочным, устанавливая только опасность такого лица.

Приоритеты надзирающих лиц поменялись кардинально. Если по УНУИ 1845 г. совершение опасного преступления лицом с психическим расстройством предопределяло помещение такого лица в дом умалишенных, то УУ 1903 г. определяет, что такое лицо остается с родителями или попечителями, и только в случае их отказа оно помещается во врачебное заведение, за исключением совершивших тяжкие преступления.

Н. С. Таганцев по этому поводу отмечал: «5. Предоставляя право принятия таких мер безопасности против опасных душевно больных усмотрению суда, уложение, соответственно с уложением 1845 г., по отношению к наиболее тяжким преступлениям, делает принятие таких мер обязательными. К числу таких преступлений относятся: убийство, покушение на оное и поджог (п. 46), а Государственный Совет присоединил к этим случаям – весьма тяжкое телесное повреждение и изнасилование (особ. сов. 183).

б. Относительно принятого в уложении о наказаниях (прил. IV к ст. 25) порядка освобождения сих лиц из домов для умалишенных Государственный Совет предположил сохранить такие правила, но перенести в устав уголовного судопроизводства, исключив из уложения предположенное редакционной комиссией упоминание о таком порядке (особ. сов. 133)» [Таганцев, Н. С., 1904, с. 77].

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.¹¹ (УК РСФСР 1922 г.) также предусматривал положения, касающиеся оснований для невменения учиненного деяния лицу в состоянии психического расстройства (для его ненаказания), основания для его помещения под надзор и круга лиц, осуществляющих такой надзор.

В качестве оснований для ненаказания и/или невменения преступления лицу, совершившему преступление, устанавливались:

- хроническая душевная болезнь;
- временное психическое расстройство душевной деятельности;
- иное такое состояние, когда лицо не могло отдавать отчета в своих действиях;
- наличие душевного равновесия при совершении преступления, но и факт страдания душевной болезнью к моменту вынесения или приведения приговора в исполнение.

Так, в ст. 17 УК РСФСР 1922 г. предусматривалось:

«17. Наказанию не подлежат лица, совершившие преступление в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности, или вообще, в таком состоянии, когда совершившие его не могли давать себе отчета в своих действиях, а равно и те, кто хотя и действовал в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения или приведения приговора в исполнение страдает душевной болезнью. К таковым лицам могут применяться лишь меры социальной защиты, указанные в ст. 46 Уголовного Кодекса».

Таким образом, в отношении лиц с психическими расстройствами было предусмотрено освобождение не только от ответственности, как и ранее, но и от наказания. Правда, для лиц с временными психическими расстройствами не было оговорки, до каких пор лицо не наказывается (как, например, в Соборном уложении 1649 г.: «до того, как обможется», или как в ст. 959 УУС 1864 г. – «до своего выздоровления»).

В целом можно констатировать, что, несмотря на известные общественные перемены, законодательство в исследуемой части не регрессировало, а находилось на должном уровне. Вместе с тем не имел места и существенный прогресс законодательства в названном аспекте.

УК РСФСР 1922 г. установил, что к названным выше лицам будут применяться так называемые меры социальной защиты, заменяющие наказание или следующие за ним:

«46. К другим мерам социальной защиты, заменяющим по приговору суда наказание или следующим за ним, относятся:

- а) помещение в учреждения для умственно или морально дефективных;*
- б) принудительное лечение...»*

УК РСФСР 1922 г. изменил основание для применения принудительных мер: это не опасность лица, учинившего опасное деяние в состоянии пси-

¹¹ Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

хического расстройтва (которое может заключаться в опасности для себя, а не только для общества), а опасность его только для общества¹²:

«47. Если, согласно ст. 17 Уголовного Кодекса, суд не применяет к обвиняемому наказания, но вместе с тем считает пребывание его на свободе опасным для общества, суд выносит постановление о принудительном помещении обвиняемого в учреждение для умственно или морально дефективных или в лечебное заведение».

Судебный контроль при помещении лица в названные выше учреждения, заведения также оставался в силе.

Уголовный кодекс РСФСР (ред. 1926 г.)¹³ (УК РСФСР 1926 г.) скорректировал нормы о применении принудительных мер (мер социальной защиты) в отношении лиц с психическими расстройствами во время совершения ими общественно опасного действия либо после этого. Данные принудительные меры стали называться *мерами медицинского характера* (ст. 7, 11, 24) наряду с *мерами судебно-исправительного* (наказание, ст. 17) и *медико-педагогического характера* (несовершеннолетние, ст. 25):

«24. Мерами социальной защиты медицинского характера являются:

а) принудительное лечение;

б) помещение в лечебное заведение в соединении с изоляцией.

26. Меры социальной защиты... медицинского характера могут быть применены судом, если он признает не соответствующим данному случаю применение мер социальной защиты судебно-исправительного характера, а равно и в дополнение к последним, если, притом, меры социальной защиты... медицинского характера не были применены соответствующими органами до судебного разбирательства».

Согласно ст. 11 меры социальной защиты медицинского характера применялись к тем же лицам, что были названы в ст. 17 УК РСФСР 1922 г., такие меры не могут быть применены к лицам, совершившим преступление в состоянии опьянения.

Цель излечения указанных лиц или улучшения их психического состояния не указывалась в УК РСФСР 1926 г. (как и в УК РСФСР 1922 г.).

Поскольку меры медицинского характера являлись частью мер социальной защиты, в ст. 9 УК РСФСР 1926 г. о них упоминалось следующим образом:

«9. Меры социальной защиты применяются в целях:

а) предупреждения новых преступлений со стороны лиц, совершивших их,

б) воздействия на других неустойчивых членов общества и

в) приспособления совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся.

Меры социальной защиты не могут иметь целью причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства и задачи возмездия и кары себе не ставят».

¹² Как тут не вспомнить ошибочный в рассматриваемой части слоган «Сначала общественные интересы, потом – личные!».

¹³ Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

Таким образом, целями мер медицинского характера по УК РСФСР 1926 г. надо признать превенцию (частную и общую) и приспособление лица к условиям общежития государства трудящихся. Цели, как представляется, были вполне достижимыми.

К позитивным моментам Кодекса 1926 г. надо также отнести провозглашение, по существу, двух видов мер медицинского характера: 1) принудительное лечение и 2) помещение в лечебное заведение в соединении с изоляцией. Такой вид меры социальной защиты медицинского характера, как помещение в учреждения для умственно или морально дефективных, предусмотренный ст. 46 УК РСФСР 1922 г., был исключен из УК РСФСР 1926 г.

В целом надо признать, что государство эволюционно (больницы были предусмотрены для лиц с психическими расстройствами и совершившими преступление уже в УНУИ 1845 г.) начинало брать на себя функции лечения лиц с психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния, хотя лечение их в качестве цели и не было установлено в УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.¹⁴ (УК РСФСР 1960 г.) более системно урегулировал вопрос применения принудительных мер медицинского характера, предусмотрев впервые специальную главу 6 «О принудительных мерах медицинского и воспитательного характера» в Общей части. Данные меры перестали называться мерами социальной защиты.

Основанием их применения стала считаться признанная судом необходимость их назначения лицу в зависимости от его душевного заболевания и общественной опасности совершенного им деяния. По УК РФ 1996 г. не требуется учета общественной опасности совершенного им деяния, что, вероятно, ошибочно, исходя из всех рассмотренных нами норм памятников российского права, включая УК РСФСР 1960 г. (ст. 60):

«Статья 60. Назначение, изменение и прекращение применения к душевнобольным принудительных мер медицинского характера

Суд, признав необходимым назначить принудительную меру медицинского характера, избирает ее вид в зависимости от душевного заболевания лица, характера и степени общественной опасности совершенного им деяния...»

Уточнен круг лиц, к которым применяются названные меры, с разными критериями невменяемости (ст. 11):

- лица с хронической душевной болезнью;
- лица с временным расстройством душевной деятельности;
- лица со слабоумием;
- лица с иным болезненным состоянием.

Названные расстройства составляли медицинский критерий невменяемости. Юридическим критерием признавалась невозможность указанных лиц либо отдавать отчет в своих действиях, либо руководить ими.

Уточнен период (время) действия (возникновения) расстройства, учитываемый для применения к названным лицам принудительных мер медицинского характера:

¹⁴ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

- во время совершения ими общественно опасного деяния;
- после совершения деяния в состоянии вменяемости, но заболевшим до вынесения приговора или во время отбывания наказания (ст. 11, 58).

Статья 58 УК РСФСР 1960 г. определила уже не два (как УК РСФСР 1926 г.), а три вида принудительных мер медицинского характера, осуществляемых лечебными учреждениями органов здравоохранения:

- 1) помещение в психиатрическую больницу с обычным наблюдением;
- 2) помещение в психиатрическую больницу с усиленным наблюдением;
- 3) помещение в психиатрическую больницу со строгим наблюдением.

Законодатель сделал замечательную попытку (исторически сложившуюся) определять соответствующий вид принудительной меры медицинского характера лицу с душевной болезнью в зависимости от опасности совершенного им посягательства:

«Статья 59. Помещение в психиатрическую больницу

Помещение в психиатрическую больницу с обычным наблюдением может быть применено судом в отношении душевнобольного, который по психическому состоянию и характеру совершенного общественно опасного деяния нуждается в больничном содержании и лечении в принудительном порядке.

Помещение в психиатрическую больницу с усиленным наблюдением может быть применено судом в отношении душевнобольного, который совершил общественно опасное деяние, не связанное с посягательством на жизнь граждан, и по психическому состоянию не представляет угрозы для окружающих, но нуждается в больничном содержании и лечении в условиях усиленного наблюдения.

Помещение в психиатрическую больницу со строгим наблюдением может быть применено судом в отношении душевнобольного, который по психическому состоянию и характеру совершенного общественно опасного деяния представляет особую опасность для общества и нуждается в больничном содержании и лечении в условиях строгого наблюдения.

Лица, помещенные в психиатрические больницы с усиленным или строгим наблюдением, содержатся в условиях, исключающих возможность совершения ими нового общественно опасного деяния»¹⁵.

УК РСФСР 1960 г. исправил пробел УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г., предусмотрев в ст. 60 временной предел применения принудительной меры – до выздоровления лица или до соответствующего изменения характера заболевания:

«Статья 60. Назначение, изменение и прекращение применения к душевнобольным принудительных мер медицинского характера

<...>

Прекращение применения принудительных мер медицинского характера производится судом по заключению лечебного учреждения в случае вы-

¹⁵ Учет опасности содеянного душевнобольным для определения вида надзора над ним существовал и по УНУИ 1845 г., и по УУ 1903 г. (примеч. авт.)

здоровления лица или такого изменения характера заболевания, при котором отпадает необходимость в применении этих мер.

Изменение вида принудительной меры медицинского характера также производится судом по заключению лечебного учреждения.

Если суд не сочтет необходимым применение к душевнобольному принудительных мер медицинского характера, а равно в случае прекращения применения таких мер, суд может передать его на попечение родственникам или опекунам при обязательном врачебном наблюдении».

Временной предел непривлечения к ответственности был указан и в Сборном уложении 1649 г., и в УУС 1864 г. В статье 60 УК РСФСР 1960 г. также был предусмотрен временной предел неприменения принудительных мер медицинского характера, когда лицо передавалось на поруки родственникам с обязательным врачебным наблюдением (ст. 60) или когда к нему могло быть применено наказание, если не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 61):

«Статья 61. Зачет времени применения принудительных мер медицинского характера

К лицу, которое после совершения преступления или во время отбывания наказания заболело душевной болезнью, лишаящей его возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, после его выздоровления судом может быть применено наказание, если не истекли сроки давности или нет других оснований для освобождения его от уголовной ответственности и наказания.

Если к такому лицу после выздоровления применяется наказание, то время, в течение которого применялись принудительные меры медицинского характера, засчитывается в срок наказания».

Как повелось исстари, над такими людьми устанавливался судебный контроль. Только по УК РСФСР 1960 г. у суда добавилась возможность контролировать изменение вида принудительной меры медицинского характера при соответствующем заключении лечебного заведения.

Очень противоречивой по содержанию представляется ст. 62 УК РСФСР 1960 г.:

«Статья 62. Применение принудительных мер медицинского характера к алкоголикам и наркоманам или установление над ними попечительства

В случае совершения преступления алкоголиком или наркоманом суд, при наличии медицинского заключения, по ходатайству общественной организации, трудового коллектива, товарищеского суда, органа здравоохранения или по своей инициативе, наряду с наказанием за совершенное преступление, может применить к такому лицу принудительное лечение.

Указанные лица, осужденные к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, подлежат принудительному лечению в медицинских учреждениях со специальным лечебным и трудовым режимом.

В случае осуждения таких лиц к лишению свободы они подлежат принудительному лечению во время отбывания наказания, а после освобождения из места лишения свободы, в случае необходимости продления такого

лечения, – в медицинских учреждениях со специальным лечебным и трудовым режимом.

Прекращение принудительного лечения производится судом по представлению лечебного учреждения, в котором лицо находится на лечении.

В случае совершения преступления лицом, злоупотребляющим спиртными напитками или наркотическими веществами и ставящим в связи с этим свою семью в тяжелое материальное положение, суд наряду с применением за совершенное преступление наказания, не связанного с лишением свободы, вправе по ходатайству членов его семьи, профсоюзной и иной общественной организации, прокурора, органа опеки и попечительства или лечебного учреждения признать его ограниченно дееспособным. На основании приговора суда над этим лицом устанавливается попечительство».

С одной стороны, принудительное лечение алкоголиков и наркоманов применялось наряду с отбыванием ими наказания (как связанного, так и не связанного с лишением свободы) и в диспозиции ст. 62 не именовалось принудительной мерой медицинского характера. С другой стороны, название статьи определяло, что указанное принудительное лечение – именно принудительная мера медицинского характера. Назвать принудительное лечение наряду с наказанием очередным, четвертым видом принудительных мер медицинского характера было бы неправильным: алкоголики и наркоманы не относились к лицам с душевными или иными болезнями психического характера (ст. 11), это социальная проблема.

Устав благочиния или полицейский 1782 г. Екатерины II [Чистяков, О. И., Новицкая, Т. Е., ред., 2000, с. 595] гласил:

«256. Бude кто найден будeт на улице или в общенародном месте от пьянства в безпамятстве, да накажется суточным воздержанием на хлебе и на воде.

Буде же кто злообычен в пьянстве, безперерывно пьян или более времени в году пьян, нежели тверез, того отдать на воздержание в смиренной дом, дондеже исправится.

Буде же в пьянстве кто учинил проступок или преступление с намерением, да накажется, яко и тверезый.

Буде же кто в пьянстве учинил проступок или преступление без намерения, да накажется пьянства срочным воздержанием в рабочем доме».

Пьянство и наркомания – медицинская (психолого-психиатрическая) проблема¹⁶.

Подводя итог анализу небольшого числа общеизвестных источников российского уголовного права о применении принудительного лечения к лицам с психическими болезнями, следует отметить некоторые основные моменты.

¹⁶ В МКБ-10 (Международная классификация болезней 10-го пересмотра, версия 2.22 от 21 декабря 2022 г.) данные явления – соответствующие психические расстройства физических лиц. МКБ-10 впервые появилась в 1990 г. и, естественно, была неизвестна законодателю УК РСФСР 1960 г.

1. В Соборном уложении 1649 г. такие лица уже признавались невиновными в совершенном ими общественно опасном деянии, и они уже контролировались судом.

2. В Артикуле воинском 1715 г. из общего понятия «болезни» были выделены болезни ума и памяти.

3. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. было предусмотрено помещение таких лиц в дома умалишенных, больницы, а не только на попечение родственников; было установлено основание для помещения их в дома умалишенных или больницы – опасность таких лиц; установлена невозможность исполнения ими наказания до выздоровления. Был предусмотрен прокурорский и судебный контроль со стороны вышестоящего, окружного суда.

4. В Уголовном уложении 1903 г. перечень преступлений, положенных в основание для помещения таких лиц в дома умалишенных или больницы, был расширен. Возможно, была бы целесообразной рецепция такого основания с тем, чтобы исключить оценочный и прогностно-субъективный характер действующего в УК РФ 1996 г. основания.

5. В Уголовных кодексах РСФСР 1922 г. и 1926 г. появились: понятие принудительности мер, применяемых к указанным лицам, как разновидности мер социальной защиты; определение цели таких мер (предупреждение преступлений и приспособление к социалистическому общежитию); указание на их применение не только к лицам, совершившим в указанном болезненном состоянии деяние, но и к лицам заболевшим после такого деяния. Введена норма о двух видах таких мер.

6. В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. включена специальная глава в Общей части, посвященная таким лицам; были предусмотрены три вида принудительных мер медицинского характера, а также принудительное лечение наряду с наказанием в отношении алкоголиков и наркоманов; по-прежнему в основании их применения лежали и заболевание, и опасность лица (для общества).

7. Цели излечения таких лиц или улучшения их состояния в уголовном законодательстве не провозглашались, что для нас, безусловно, прискорбно. Это обусловлено некоторыми причинами, в частности, религиозного характера, интерпретацией библейских текстов [Зюбанов, Ю. А., сост., 2017, с. 149–157]¹⁷:

«Лучше встретить человеку медведицу, лишенную детей, нежели глупца с его глупостью... К чему сокровище в руках глупца? Для приобретения мудрости у него нет разума... Человек малоумный дает руку и ручается за ближнего своего... Родил кто глупого, – себе на горе, и отец глупого не порадуется... Мудрость – пред лицом у разумного, а глаза глупца – на конце земли. Глупый сын – досада отцу своему и огорчение для матери своей (Библия, Притч 17, 12. 16. 18. 21. 24–25)».

«На разумного сильнее действует выговор, нежели на глупого сто ударов (Библия, Притч 17, 10)».

¹⁷ Приводятся положения религиозных текстов применительно к принудительным мерам медицинского характера (ст. 97–104 УК РФ 1996 г.).

«И изменил лице свое пред ними, и притворился безумным в их глазах, и чертил на дверях, [кидался на руки свои] и пускал слюну по бороде своей. И сказал Анхус рабам своим: видите, он человек сумасшедший; для чего вы привели его ко мне? разве мало у меня сумасшедших, что вы привели его, чтобы он яродствовал предо мною? неужели он войдет в дом мой?» (Библия, 1 Цар 21, 13–15)».

«Умный человек, судясь с человеком глупым, сердится ли, смеется ли, – не имеет покоя (Библия, Притч 29, 9)».

Получается, что в светской жизни психически больным лицам не находилось места. Отражение этого можно найти в Артикуле воинском 1715 г. (артикул 195), в соответствии с которым психически больные лица, совершившие общественно опасные деяния, ссылались в монастырь. Лишь в 1775 г. в Российской империи были учреждены приказы общественного призрения, когда монастыри перестали быть местом содержания душевнобольных [Скрипченко, Н. Ю., 2012]. Это стало государственной компетенцией. В этой связи в стоящие перед государством задачи контролировать, а в некоторых случаях – и содержать таких лиц необходимо включать цели их излечения, улучшения психического состояния и, в определенных случаях, недопущения самостоятельного распоряжения такими лицами своей дальнейшей судьбой¹⁸.

Список источников

Законодательство Екатерины II: в 2 т. / отв. ред. О. И. Чистяков, Т. Е. Новицкая. М. : Юрид. лит., 2000. Т. 1. 1056 с. ISBN: 5-7260-0960-6.

Религиозные каноны и уголовный закон (материалы к сравнительному анализу уголовных запретов России и Священных писаний). К 1000-летию Правды Русской / сост. Ю. А. Зюбанов. М. : Статут, 2017. 672 с. ISBN: 978-5-8354-1333-1.

Скрипченко Н. Ю. История развития уголовного законодательства, регулирующего применение принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних // История государства и права. 2012. № 7. С. 45–47.

References

Chistyakov, O. I., Novitskaya, T. E., eds., 2000. *Zakonodatel'stvo Yekateriny II* = [Legislation of Catherine II]. In 2 vols. Moscow: Yuridicheskaya literatura. Vol. 1. 1056 p. (In Russ.) ISBN: 5-7260-0960-6.

¹⁸ Не можем не сказать несколько слов о дне сегодняшнем. По данным ООН, к 2019 г. 1 млрд человек во всем мире (7,9 млрд человек) страдали психическими расстройствами, т. е. каждый 8-й человек. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/06/1426022> (дата обращения: 06.06.2023). В статью 241.2 УК Канады 27 октября 2023 г. было внесено изменение, согласно которому право на эвтаназию не имеют лица с психическими заболеваниями. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/page-35.html#h-119953> (дата обращения: 19.11.2023).

Skripchenko, N. Yu., 2012. [History of the development of criminal legislation regulating the use of compulsory medical measures in relation to minors]. *Istoriya gosudarstva i prava* = [History of State and Law], 7, pp. 45–47. (In Russ.)

Zyubanov, Yu. A., comp., 2017. *Religioznyye kanony i ugovolnyy zakon (materialy k sravnitel'nomu analizu ugovolnykh zapretov Rossii i Svyashchennykh pisaniy). K 1000-letiyu Pravdy Russkoy* = [Religious canons and criminal law (materials for a comparative analysis of criminal prohibitions in Russia and the Holy Scriptures). To the 1000th anniversary of Russian Truth]. Moscow: Statut. 672 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8354-1333-1.

Информация об авторе / Information about the author

Антонов Юрий Иванович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремуш-кинская, д. 69).

Yurij I. Antonov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

ORCID: 0000-0001-6169-2002

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 09.06.2023; дата одобрения после рецензирования: 04.07.2023; дата принятия статьи к опубликованию: 02.10.2023.

Submitted: 09.06.2023; reviewed: 04.07.2023; revised: 02.10.2023.

Научная статья

УДК 343

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.127-154

Использование методов и принципов современного гипноза и активации сознания на допросе

Елена Владимировна Пискунова

*Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация
new_elen@inbox.ru*

Аннотация

Введение. В статье исследуются возможности использования методов и принципов современного гипноза и активации сознания на допросе, анализируется понятие современного (эриксоновского и постэриксоновского) гипноза и активации сознания, разбираются методы и принципы этих видов психотерапии и определяются возможности их использования в рамках допроса.

Теоретические основы. Методы. Теоретической основой исследования является синтез психологических и криминалистических знаний: о психологии личности, психологии общения, методах и принципах современного гипноза и активации сознания как инструментах психотерапии, юридической психологии, тактике допроса. Используются общетеоретические методы анализа, синтеза, сравнения, экстраполяции, моделирования, а также историко-правовые и сравнительно-правовые методы.

Результаты исследования. Проведено сравнение сеанса гипноза и допроса, выделены черты сходства. Определены возможности и ограничения использования в ходе допроса методов и принципов современного гипноза и активации сознания самим следователем. Указаны такие принципы и методы, которые могут быть интегрированы в тактику допроса.

Обсуждение и заключение. Рекомендации по использованию этих методов и принципов требуют дальнейшего обсуждения и апробации на практике. Выделенные принципы и методы современного гипноза и активации сознания могут стать частью профессиональной компетенции следователя в будущем. Выполнение общих рекомендаций по расширению коммуникативных навыков и психологических знаний следователя может повысить эффективность расследования уже в настоящее время.

Ключевые слова: тактика допроса, психология допроса, современный гипноз, эриксоновский гипноз, активация сознания

Для цитирования: Пискунова Е. В. Использование методов и принципов современного гипноза и активации сознания на допросе // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 4. С. 127–154. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.127-154.

Original article

Using Methods and Principles of Modern Hypnosis and Activation of Consciousness During Interrogation

Elena V. Piskunova

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

For correspondence: new_elen@inbox.ru

Abstract

Introduction. The article explores the possibilities of using methods and principles of modern hypnosis and activation of consciousness during interrogation, analyzes the concept of modern (Ericksonian and post-Ericksonian) hypnosis and activation of consciousness, examines the methods and principles of these types of psychotherapy and determines the possibilities of their use within the framework of interrogation.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the study is the synthesis of psychological and forensic knowledge: about personality psychology, communication psychology, methods and principles of modern hypnosis and activation of consciousness as tools of psychotherapy, legal psychology, interrogation tactics. General theoretical methods of analysis, synthesis, comparison, extrapolation, modeling, as well as historical, legal and comparative legal methods were used.

Results. A comparison was made between a hypnosis session and an interrogation session, and similarities were highlighted. The possibilities and limitations of using methods and principles of modern hypnosis and activation of consciousness by the investigator himself during interrogation are determined. The principles and methods that can be integrated into interrogation tactics are indicated.

Discussion and Conclusion. Recommendations for the use of these methods and principles require further discussion and testing in practice. The identified principles and methods of modern hypnosis and activation of consciousness may become part of the professional competence of the investigator in the future. Implementation of general recommendations to expand the communication skills and psychological knowledge of the investigator can increase the effectiveness of the investigation already at the present time.

Keywords: interrogation tactics, interrogation psychology, modern hypnosis, Ericksonian hypnosis, consciousness activation

For citation: Piskunova, E. V., 2023. Using methods and principles of modern hypnosis and activation of consciousness during interrogation. *Pravosudie/Justice*, 5(4), pp. 127–154. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.127-154.

Введение

Допрос является одним из самых распространенных следственных действий, без которого не обходится ни одно уголовное дело. Допрос – эффективное средство получения криминалистически значимой информации, а также проверки доказательств, полученных из других источников. Но это следственное действие также является одним из самых сложных: при его

организации и проведении следователь сталкивается с целым рядом проблем тактического и психологического характера [Лаврентьева, Т. В., Попова, В. В., 2019]. В связи с этим междисциплинарное исследование, выполненное на стыке наук криминалистики и психологии и посвященное возможностям использования методов и принципов нового гипноза и активации сознания при допросе, представляется актуальным.

Отправной точкой настоящего исследования стала гипотеза о том, что методы современного гипноза могут быть использованы при допросе для активизации памяти допрашиваемого и получения от него достоверных и более полных показаний.

Идея использования гипноза при расследовании преступлений возникла едва ли не раньше самой науки криминалистики. Иногда ее появление приписывают Гансу Гроссу, стоявшему у истоков формирования как криминалистики, так и юридической психологии. Однако еще раньше, в конце XVIII в. Н. П. Архаров, возглавлявший полицию Москвы, обращался к В. М. Бехтереву, который, используя гипноз, давал заключения о складе характера самых опасных преступников того времени [Смолькова, И. В., 2020, с. 212].

С тех пор эта идея периодически дискутируется в научных кругах и получает различный уровень признания со стороны правоохранительных органов.

Например, в Израиле процедура использования гипноза при расследовании закреплена на законодательном уровне с 1984 г. [Кавалиерис, А., 2009]. Широкая практика использования гипноза для получения полных и достоверных показаний имеется в правоохранительных органах США [Карпенко, О. А., 2018, с. 127], причем в некоторых случаях, при соблюдении определенных условий, такие показания признаются судами в качестве доказательств [Смолькова, И. В., 2020, с. 213–214].

В нашей стране гипноз относят к нетрадиционным методам получения криминалистически значимой информации. У его применения в ходе расследования есть как убежденные противники, так и осторожные сторонники [Черепанов, Г. Г., Шмидт, А. А., 2013]. Показания, полученные таким образом, в любом случае не будут иметь доказательственного значения – только ориентирующее. Гипноз воспринимается скорее как возможность хоть как-то продвинуться в расследовании в отсутствие «нормальных» следов.

В истории использования гипноза при расследовании преступлений нельзя говорить о каком-то устойчивом развитии, это скорее периодические всплески интереса. Однако применение гипноза как терапевтического инструмента – другое дело. В рамках наук психологии и психиатрии методы и принципы гипноза активно развиваются и в настоящее время существенно отличаются от представлений о классическом гипнозе XIX–XX вв. [Евтушенко, В. Г., 2010, с. 8–18]. Многочисленные клинические исследования начала XXI в., соответствующие принципам доказательной медицины, подтверждают, что гипноз помогает улучшить результаты лечения самых разных психосоматических, физических и психических заболеваний [Япко, М., 2013, с. 31–32].

В связи с этим возникает идея о том, что, возможно, новые знания о гипнозе делают его более надежным с точки зрения правоохранительных органов, более приемлемым для собирания доказательственной информации, более эффективным для активизации памяти и, соответственно, для получения полных и достоверных показаний на допросе.

Однако по мере накопления материала мысль об использовании гипноза именно для того, чтобы в ходе допроса докопаться до глубин подсознания и высвободить хранящиеся там достоверные воспоминания, отошла на второй план. Оказалось, что больший интерес для следователя может представлять не возможность внушения или общения с бессознательным допрашиваемого в состоянии глубокого транса, а те инструменты, которые используют современные гипнотерапевты в самом начале сеанса [Королев, В. А., 2015], при установлении раппорта [Гордеев, М. Н., Евтушенко, В. Г., 2003, с. 49–54] и наведении транса, в том числе «подстройка» и использование особенного «языка» для общения с пациентом [Беккио, Ж., Жюслен, Ш., 1997, с. 21–29]. Можно предположить, что эти инструменты хорошо подходят, например, для установления психологического контакта с допрашиваемым [Юрова, К. И., Сергеева, Е. С., 2018] и применять их могут не только специалисты¹ – лица, обладающие специальными знаниями в области психологии и психиатрии, но и сами следователи.

Результаты исследования

Для начала попробуем сравнить сеанс гипноза и допрос и найти сходные черты. Идея такого сравнения может показаться странной. Эти явления принадлежат к разным областям научного знания: психологии и криминалистике, и разным сферам профессиональной деятельности: оказанию медицинской и психологической помощи и расследованию преступлений. Задача терапевта – вылечить пациента или, по крайней мере, облегчить его страдания, а задача следователя – расследовать преступление. Обычно пациент сам приходит к психотерапевту и платит за сеанс деньги. В то время как следователю чаще всего приходится приложить усилия, чтобы вызвать на допрос человека, который этому не рад.

Сопоставимы ли эти явления в принципе? Да, поскольку и то и другое – особая форма коммуникации между профессионалом (терапевтом или следователем) и непрофессионалом, обывателем (пациентом или допрашиваемым). При этом профессионал обладает специальными знаниями (в области психологии или криминалистики), которые он применяет в ходе коммуникации, и использует свои коммуникативные навыки для достижения профессиональной цели, но лично не вовлечен в проблему. А непрофессионал изначально находится в некотором роде в зависимом положении, в положении ведомого и лично вовлечен в проблему (пациент имеет психологическую проблему, страдает от боли и т. д.; допрашиваемый либо пострадал от преступления, либо стал его свидетелем, подозревается/обвиняется в его совершении). А сама коммуникация, хотя и может выглядеть свободным

¹ Статья 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 18 марта 2023 г.).

общением, на самом деле довольно жестко регламентирована: сеанс терапии – законодательством, регулирующим оказание медицинских услуг, той или иной психотерапевтической методикой, профессиональной этикой; допрос – уголовно-процессуальным законодательством, криминалистической тактикой, профессиональной этикой.

Такая формально схожая структура двух анализируемых явлений дает почву для сравнения. Целесообразно обозначить основные черты каждого из них, а затем перейти к поиску сходства.

Начать нужно с сущности современного гипноза. В отличие от классического гипноза, современный, или эриксоновский – от имени его создателя Милтона Эриксона, гипноз является недирективным, не требует погружения пациента в глубокий сомнамбулический транс, не связан с подавлением воли гипнотизируемого и прямыми внушениями. Вместо этого на первый план выходит сам пациент с его убеждениями, мыслями, жизненным опытом. Терапевт создает для пациента благоприятные условия для изменений, но основную работу тот продельывает сам на основе своих внутренних ресурсов, к которым он получает доступ во время сеанса [Гордеев, М. Н., 2014]. В эриксоновском гипнозе нет унифицированного подхода к наведению транса и утилизации, нет единого сценария, набора слов или жестов. Все это терапевт подбирает индивидуально, оценивая особенности личности пациента.

В дальнейшем терапевтические принципы М. Эриксона продолжали развиваться, и, опираясь на них, Ж. Беккио разработал новый вид терапии – терапию активации сознания. В основе терапии активации сознания лежит психодинамическая, или постэриксоновская, гипнотерапия, а также нейронауки, психология развития и философия. Это терапевтическое направление уже показало свою эффективность при работе со многими заболеваниями и расстройствами, например с паническими атаками [Заводов, А. О., и др., 2021].

Здесь техника наведения транса все более упрощается, потому что сам транс воспринимается как естественное состояние, в которое человек и так периодически впадает в течение дня. Такой транс считается терапевтическим сам по себе, даже без метафор и внушений. Акцент сделан не на сознании, а на внимании пациента: для достижения целей терапии не нужно «сужать» или «отвлекать» сознание – нужно переключить фокус внимания, которое в каждый момент времени может быть сосредоточено только на чем-то одном². Такой транс сравнивается с состоянием осознанности или медитации, когда человек сосредоточен на состоянии здесь и сейчас, с состоянием «тишины» [Мастер Ши Янбин, 2015].

Это очень важное замечание в контексте исследуемой темы. У сотрудников правоохранительных органов и суда само слово «транс» вызывает негативные ассоциации и чувство протеста, придает гипнозу мистический окрас и делает его непригодным для получения доказательственной информации – разве что в самых крайних случаях. Важно понимать, что методы

² Вольняков В., Болсун С. Интервью с д-ром Ж. Беккио (июль 2018). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IvMvM7LUZZI>.

и принципы современного гипноза и активации сознания не предполагают погружение пациента в такое состояние, когда он лишается свободы воли и будет беспрекословно выполнять любые нелепые указания гипнотизера (такая картинка возникает в воображении благодаря деятельности эстрадных гипнотизеров [Япко, М., 2013, с. 43–73]).

«Показания, данные в состоянии транса» и «показания, данные в состоянии осознанности» – это разные понятия. Для того чтобы изменить позицию Верховного Суда Российской Федерации в отношении использования гипноза для расследования преступлений, необходима серьезная работа по уточнению и унификации используемой терминологии. А для этого сами определяемые понятия и стоящие за ними явления нуждаются в дополнительных исследованиях с использованием последних достижений в области нейронаук и инструментальных методов изучения мозга и психических процессов. Такой подход к изучению феномена гипноза был предложен и предсказан еще И. П. Павловым³, но и сейчас далек от завершения.

Итак, терапия с использованием методов современного гипноза и активации сознания во главу угла ставит пациента со всеми его особенностями, потребностями и ресурсами. В усредненном гипнотерапевтическом сеансе можно выделить несколько этапов:

- объяснение природы гипноза, его демистификация, ответы на вопросы пациента, определение цели сеанса;
- наведение гипнотического состояния (транса);
- ведение, задействование воображения;
- внушения, направленные на устранение определенных симптомов или достижение определенных целей;
- завершение процедуры: реориентация, инструкции по самогипнозу [Королев, В. А., 2015].

При этом началом терапии является установление особых взаимоотношений между терапевтом и пациентом, особого уровня взаимопонимания. Такое взаимопонимание принято называть раппортом. Раппорт – это гармоничные отношения, для которых характерны согласие, взаимопонимание и сочувствие [Элисон, Э., Элисон, Л., 2021, с. 9–16]. В отсутствие раппорта наведение, ведение и внушения будут практически невозможны.

В рамках криминалистической тактики допрос также подразделяется на несколько этапов:

- подготовительный, на котором осуществляются изучение личности будущего допрашиваемого, выбор места и времени его проведения, способа вызова на допрос, определение предмета допроса и подлежащих применению тактических приемов;
- рабочий этап, который состоит из трех стадий: установление психологического контакта, свободный рассказ, когда допрашиваемому предлагается самому изложить все, что он считает нужным по поводу предмета допроса, и стадия вопросов и ответов, которая начинается с вопросов, требующих развернутого ответа, а заканчивается вопросами с ответами «да» или «нет»;

³ Беккио Ж. Лекция в РАНХиГС (ч. 1). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SEuqlQoNAI&list=PLnx9DYvPq8I80fSxuRnzzZH9RHt1kE0NS&index=1>.

- фиксация хода и результатов допроса;
- анализ полученных показаний.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ) следователь до начала допроса обязан разъяснить допрашиваемому лицу его права, обязанности и ответственность (п. 5 ст. 164).

Следует отдельно пояснить, что под установлением психологического контакта с допрашиваемым в криминалистике понимаются, во-первых, установление атмосферы доверия и взаимопонимания и, во-вторых, обоюдная заинтересованность в даче правдивых показаний [Аверьянова, Т. В., и др., 2023]. Важно подчеркнуть, что речь идет именно о взаимопонимании (т. е. не только следователь должен понимать допрашиваемого, но и допрашиваемый – следователя) и об обоюдной заинтересованности (не только допрашиваемый должен быть заинтересован в даче полных и правдивых показаний, но и следователь – в получении объективной информации, в установлении истины). Нередко эта деталь упускается из виду и установление психологического контакта понимается следователем однонаправленно. И это часть более широкой проблемы – восприятия следователем остальных участников процесса в качестве объектов, «в отношении которых» проводится следственное действие, а не таких же субъектов, как он сам, наделенных не только определенными законодательством правами и обязанностями, но и личностью. Увидеть в свидетеле, потерпевшем, подозреваемом или обвиняемом человека, а не просто процессуальный статус представляется первым и важнейшим шагом к повышению эффективности расследования в целом и допроса в частности.

Теперь, когда основные характеристики обоих анализируемых явлений описаны, будет удобно привести черты сходства в виде таблицы.

Таблица 1

Черты сходства	Сеанс современного гипноза и активации сознания	Допрос
Участники коммуникации	Профессиональный, обладающий специальными знаниями – психотерапевт. Непрофессиональный, зависимый от профессионального – пациент	Профессиональный, обладающий специальными знаниями – следователь. Непрофессиональный, зависимый от профессионального – допрашиваемый (свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый)
Регулирование	Законодательство о здравоохранении и оказании психологической помощи Этический кодекс Методика терапии, научные основы	Уголовно-процессуальное законодательство Криминалистический принцип этичности Тактические рекомендации, научные основы
Этапы	Вводные указания, объяснение природы гипноза, его демистификация, ответы на вопросы пациента	Разъяснение прав, обязанностей, ответственности и порядка проведения допроса
	Подстройка, установление доверия, раппорта	Установление психологического контакта
	Задействование воображения (воображение безопасного и приятного для человека места с активацией всех репрезентативных систем)	Поощрение к свободному рассказу и использование тактических приемов активизации памяти (когнитивное интервью, использование ассоциативных связей)

Черты сходства	Сеанс современного гипноза и активации сознания	Допрос
	Завершение процедуры: реориентация, инструкции по самогипнозу	Завершение процедуры: ознакомление с протоколом, его подписание, просьба связаться со следователем при появлении новых воспоминаний (для свидетеля и потерпевшего)
Место проведения	Кабинет психотерапевта. Взаиморасположению терапевта и пациента уделяется особое внимание. Современный подход требует, чтобы они сидели напротив друг друга, чтобы подчеркнуть их равенство, исключить доминирование терапевта	Кабинет следователя. Взаиморасположению следователя и допрашиваемого уделяется особое внимание: следователь должен иметь возможность наблюдать за невербальным поведением допрашиваемого, обычно между ними стол, закрывающий нижнюю часть туловища, и этого рекомендуется избегать. Современный подход требует, чтобы они сидели напротив друг друга без преград
Язык общения	Языку общения уделяется особое внимание. Он образный, многоуровневый, с использованием метафор. При этом рекомендуется также использовать язык пациента: подстраиваться под его уровень и словарный запас, обусловленный жизненным опытом и профессией	Языку общения уделяется особое внимание. Рекомендуется также использовать язык допрашиваемого: подстраиваться под его уровень и словарный запас, обусловленный жизненным опытом и профессией. При этом в значительной степени используется казенный, протокольный язык

В табл. 1 приведены только черты сходства (более или менее сильного), так как различие представляется очевидным. Дальнейший анализ покажет, что те черты, которые на первый взгляд выглядят совершенно различными, на самом деле имеют точки сближения. Например, наведение транса во время гипноза представляется недопустимым. Однако далее будет показано, что в некоторой степени и это средство тоже может быть использовано следователем.

Самый очевидный феномен, сближающий сеанс современного гипноза и активации сознания с допросом, – *раппорт*, или установление психологического контакта, как принято говорить в криминалистической тактике. По сути это действительно одно и то же, поэтому следователь может напрямую заимствовать принципы и методы установления раппорта с пациентом для установления психологического контакта с допрашиваемым без каких-либо модификаций (см. рис. 1).

Сходство других черт не так сильно. Оно явно присутствует, но есть и существенные различия. Значит, отдельные приемы и методы нельзя применять напрямую, они требуют некоторых изменений.

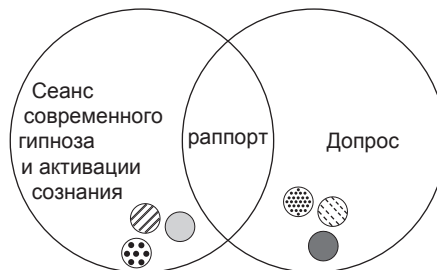

Рис. 1

В научной литературе по криминалистике можно найти множество тактических приемов, рекомендуемых для установления психологического контакта. Большинство из них сводятся примерно к следующему: возбудить интерес к общению; использовать логическое убеждение (например, в неизбежности наказания); воздействовать на эмоции: возбудить чувство раскаяния, стыда, чести, гордости; воздействовать на положительные стороны допрашиваемого; разъяснить предусмотренные законодательством благоприятные и неблагоприятные последствия [Зверев, В. О., и др., 2019]. То есть следователю предлагается так или иначе воздействовать на допрашиваемого, сделать что-то в отношении него. Такой подход, как представляется, является следствием описанной выше объективации допрашиваемого, отношения к нему не как к такому же человеку, а как к «процессуальному лицу», характеристика которого определяется законодательно закрепленными правами и обязанностями, а не особенностями личности, переживаниями, жизненным опытом и т. д.

Однако прежде чем пытаться как-то воздействовать на человека, стоит к нему присмотреться, понять его. Именно с этого начинается гипнотерапия: прежде чем применять внушение, прежде чем наводить транс, терапевт старается узнать своего пациента, «подстроиться» к нему. Следует отметить, что и в криминалистической литературе можно встретить рекомендации по «подстройке» к допрашиваемому на этапе установления психологического контакта [Галустьян, О. А., Белоусов, А. Д., Реуцкая, И. Е., 2006], и это показывает положительные тенденции по сближению и взаимопроникновению наук.

Предлагается осуществлять подстройку к положению тела, к движениям (мимике и жестам), к дыханию и к голосу. Этот процесс «подстройки» (или «отзеркаливания») осуществляется благодаря имеющимся у нас зеркальным нейронам, отвечающим за обучение и адаптивность нашего поведения. Смысл работы зеркальных нейронов в том, чтобы повторять мышечную активность другого организма и учиться, наблюдая за его движениями. Существуют двигательные зеркальные нейроны, расположенные в лобной доле мозга, и зеркальные нейроны эмпатии, сопереживания, расположенные в височной коре и миндалине [Дубынин, В. Н., 2021, с. 359–364]. Помимо зеркальных нейронов, связанных с движениями и с эмоциями, существует система, которая отзеркаливает к нам в мозг личность и стиль поведения другого человека. Благодаря этому становится возможным предсказание поведения, реакций, намерений других людей⁴.

С работой этой системы можно связать и «подстройку» более высокого уровня, чем та, о которой говорилось выше. Это подстройка к образу мышления (по репрезентативным системам – визуал, аудиал, кинестетик), к убеждениям и жизненным ценностям, к личному опыту (профессиональные, культурные, бытовые интересы) [Сазыкин, А., 2019, с. 29–41]. Такая подстройка требует сознательного, внимательного наблюдения за тем, что

⁴ Дубынин В. Н. Мозг и зеркальные нейроны. URL: <https://postnauka.ru/video/89453>.

и как человек напротив делает и говорит, а также желание понять, почему он так себя ведет и что чувствует.

Ж. Беккио упоминает, что за время своей терапевтической практики он узнал более чем о двух тысячах профессий [Беккио, Ж., Росси, Э., 2003, с. 13], о которых рассказали ему пациенты. Он слушал их очень внимательно, вникая в особенности их языка и мышления, чтобы затем использовать эти знания для установления раппорта, наведения транса и создания оптимальных метафор для внушения. Он не пытался навязать пациентам свой – очень правильный, грамотный, научный – язык и представления о мире, а, наоборот, подстраивался под них, но не ради манипуляции, а для того, чтобы действительно лучше понять человека перед собой.

Следователю, как представляется, следует так же поступать в начале стадии установления психологического контакта.

Зеркальные нейроны – важнейший эволюционный механизм, необходимый для выживания и приспособления. Если человек вместо того, чтобы смотреть на клиента, пациента, ученика или допрашиваемого как на личность, начинает видеть в нем абстрактный объект, это указывает на слабую работу зеркальных нейронов. Чувствительность зеркальных нейронов – врожденная. У некоторых людей эта система работает лучше, чем у других. Однако ее можно развить путем тренировок⁵. Чтобы повысить эффективность работы своих зеркальных нейронов и, соответственно, уровень эмпатии, нужно начать с себя. Первый шаг на пути к эмпатии – научиться находить общий язык с самим собой и описывать свои мысли и чувства, когда с вами что-то произошло. Второй шаг – поставить себя на место другого, «побывать в его шкуре», представить, что бы вы почувствовали на его месте. Третий шаг – это переход от вопроса «Что я сделал бы в этой ситуации?» к вопросу «Почему этот человек поступил именно так?» [Элисон, Э., Элисон, Л., 2021, с. 94–100].

Главная задача подстройки – именно раппорт, т. е. установление подлинно доверительных отношений. Необходимость в раппорте между терапевтом и пациентом не вызывает сомнений. Наверное, большинство легко согласится и с необходимостью раппорта между следователем и потерпевшим и свидетелем. Но как быть с подозреваемым и обвиняемым? Автор одного из исследований по установлению психологического контакта с допрашиваемым прямо говорит в завершение своей работы: «Нет четкого понимания, как выстраивать доверительные отношения с подозреваемыми, например, в совершении преступлений террористической или экстремистской направленности» [Зверев, В. О., и др., 2019, с. 224].

Ответ на этот вопрос можно найти в работах по психологии, что еще раз подчеркивает актуальность именно междисциплинарных исследований.

Вот как описывается допрос подозреваемого в терроризме. Этот подозреваемый допрашивался неоднократно и всякий раз не эффективно, пока следователь, до того только наблюдавший и присутствовавший в комнате для допроса в качестве помощника, а не ведущего, не нашел нужный подход.

⁵ Дубынин В. Н. Мозг и зеркальные нейроны.

«– Итак... Хорошенько подумайте, прежде чем ответить (пауза). Почему я должен сегодня с вами говорить?»

– Я полагаю, в день, когда мы вас арестовали, вы хотели убить курсанта полиции (он снова замолчал, глубоко вздохнув). Я не знаю подробностей того, что вы намеревались сделать, почему вы считали это необходимым или чего вы хотели добиться. Только вы все это знаете, Диола (еще одна пауза)... Я хочу узнать об этом не для того, чтобы доставить удовольствие своему начальнику, а чтобы защитить людей. Я не могу заставить вас говорить – и не хочу заставлять. Если хотите, расскажите об этом, а если нет, то не надо. Вам решать.

– Прекрасный ответ, – сказал Диола, расплывшись в улыбке. – Поскольку вы были внимательны ко мне и отнеслись с уважением, да, теперь я все расскажу. Но только для того, чтобы помочь вам понять, что на самом деле происходит в этой стране» [Элисон, Э., Элисон, Л., 2021, с. 289–295].

Как следователь в конце концов завоевал доверие подозреваемого и получил желаемую информацию? Во-первых, он не прибегал к манипуляциям или уловкам, общение было искренним и честным, и в этом проявлялось уважение к допрашиваемому: «Вы здесь, потому что я подозреваю, что вы хотели убить курсанта полиции». Во-вторых, следователь подчеркнул чувство независимости подозреваемого, который в этом остро нуждался: «Только вы все это знаете». В-третьих, он признал свое собственное невежество и попросил совета: «Я не знаю подробностей того, что вы намеревались сделать, почему вы считали это необходимым или чего вы хотели добиться. Я хочу, чтобы вы помогли мне понять». Следователь наблюдал за допрашиваемым на протяжении предыдущих неудачных попыток допроса и понял, что тот жаждет подчеркнутого уважения и возможности выступить в роли ментора, и дал подозреваемому именно такое общение.

Даже при допросе подозреваемого и обвиняемого в терроризме необходим рапорт, чтобы общение было эффективным. Для начала необходимо увидеть в допрашиваемом человека. Если это не отвечает личным убеждениям следователя, складу его характера, особенностям работы зеркальных нейронов, то ему следует обратиться за помощью к своей профессиональной компетенции, которая безусловно включает в себя знание конституционных и уголовно-процессуальных норм, устанавливающих запрет на пытки, насилие и другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение и подчеркивающих, что ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности⁶.

⁶ См. статью 21 Конституции Российской Федерации: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». См. также ст. 9 УПК РФ: «В ходе уголовного судопроизводства запрещаются осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению».

А затем необходимо придерживаться нескольких *принципов, облегчающих установление раппорта* не только с подозреваемыми в терроризме, но и вообще со всеми [Элисон, Э., Элисон, Л., 2021, с. 156].

Первый принцип – *честность*: нужно быть максимально честным, насколько это возможно. Но это не означает, что следователь должен раскрыть перед допрашиваемым все карты – сразу сообщить обо всех собранных по делу доказательствах, не оставляя себе места для маневра. И не означает также, что следователь должен пренебречь тайной следствия, нормами процессуального законодательства, определяющими, в какой степени каждый из участников расследования может быть знаком с материалами уголовного дела, или безопасностью осведомителей. Например, на вопрос подозреваемого: «Кто меня сдал?» честным ответом будут не контактные данные лица, предоставившего информацию, а ответ: «Я не могу назвать Вам имя, поскольку боюсь, что этот человек может пострадать». Также этот принцип предполагает прямоту но не резкость. Не стоит говорить потерпевшему: «Ну и отделади же Вас. Теперь пару месяцев в больнице проваляетесь», – это не честность, а хамство.

Второй принцип – *эмпатия*. Необходимо попытаться взглянуть на человека объективно и понять, почему он ведет себя именно так, выявить его основные ценности и убеждения из его собственных слов. Внимательно слушать, при этом не осуждая и не поддакивая.

Третий принцип – *независимость*. Следует предоставлять людям выбор везде, где это возможно, давать возможность самим решать, какой выбор правильный, обсуждать ситуацию на равных, а не агрессивно навязывать свое мнение. Особенно это важно при установлении раппорта с потерпевшим, пережившим насилие, – сексуальное, физическое, психологическое. В этом случае важной составляющей установления психологического контакта будет возвращение допрашиваемому чувства контроля над собственной жизнью, которого он лишился в результате преступления. «Начните рассказывать, когда будете готовы» – это уже предоставление выбора и возвращение контроля, хотя и в такой мелочи, но это важно. О том, как можно подчеркнуть независимость подозреваемого, говорилось в примере с допросом террориста.

Четвертый принцип – *отражение*. Необходимо внимательно слушать допрашиваемого и отражать ключевые моменты, что позволит лучше понять мысли и чувства человека напротив. Стоит отметить, что этот принцип играет заметную роль не только в установлении психологического контакта, но и на стадии свободного рассказа, поскольку отражение помогает развить разговор и вывести его на новый уровень.

Выделяют *несколько видов отражения*.

Стандартное отражение – прямое и часто дословное повторение сказанного. Здесь важно выбрать правильное слово или фразу для отражения – то, о чем следователь хочет узнать больше.

Например:

Допрашиваемый (Д): Мы перешли мост и потом зашли в лес (пауза).

Следователь (С): И потом вы зашли в лес?

или

Д: Я не хочу вспоминать, что было в этот день!

С: Вы просто не хотите вспоминать, что произошло?

В обоих случаях следователь мог бы вместо отражения задать уточняющий вопрос («И что же случилось дальше?» или «Почему Вы не хотите вспоминать?»), но это означало бы, что следователь нетерпелив, не готов встать на позицию допрашиваемого и дать ему самому продолжить рассказ. Это также означало бы окончание свободного рассказа и переход к стадии вопросов и ответов, однако чем дольше длится свободный рассказ, тем больше информации можно получить как по предмету допроса, так и о самом допрашиваемом. Следователю стоит более продолжительное время оставаться наблюдателем, больше слушать, а не говорить.

Отражение противоречия, которое человек ощущает сам. Можно предоставить допрашиваемому два противоположных взгляда, эмоции или факта. При этом нужно иметь в виду, что второе лицо, скорее всего, обратит больше внимания на то, что прозвучит последним.

Д: Я знаю, что должен Вам все рассказать, но мне кажется, что Вы мне не поверите.

С: То есть, с одной стороны, Вы боитесь, что Вам не поверят, но, с другой стороны, понимаете, как важно все рассказать?

«Нет спорам». Вместо того чтобы вступать в спор или обосновывать свою позицию, следователю предлагается не возражать и исследовать утверждение с помощью отражения. Можно использовать утверждения вроде «Получается, Вы говорите, что...» или «Можете рассказать об этом подробнее?».

Д: Я точно помню, что часы с моей руки сорвал Петров, а не Иванов!

С (зная, что часы были изъяты у Иванова): Получается, Вы уверены в том, что именно Петров сорвал с Вас часы? Вы не могли бы подробнее рассказать о том, как это произошло?

Аффирмация – акцент на положительные стороны и игнорирование отрицательных. Здесь важно не дойти до абсурда или цинизма, в первую очередь при общении с потерпевшим. Чувство юмора может иметь благотворное воздействие, если не переходит в сарказм.

Д: Он схватил меня за шею и потащил вперед, я отбивалась как могла, но он был сильнее. Это было ужасно!

С: Вы отбивались! Это очень хорошо. На Ваших руках могли остаться следы ДНК преступника, а на нем – следы от Ваших ногтей. Расскажите подробнее, как именно это происходило.

Развернутая мысль – сказанное отражается, резюмируя или подчеркивая более глубокие чувства или ценности, которые, по мнению следователя, могут скрываться за словами. Например: «Судя по тому, что Вы говорите, N очень важна для Вас». Будет еще эффективнее, если затем задать ключевой вопрос, который переведет разговор к следующей теме. Это также важно не только для установления психологического контакта, но и при переходе от свободного рассказа к стадии вопросов и ответов.

Д: Какой смысл пытаться вспомнить, как он выглядел, вы все равно его не поймаете!

С: Значит, Вы думаете, что могли бы вспомнить, как выглядел преступник, но не видите смысла этого делать, потому что не верите в его поимку? Как Вы думаете, что могло бы помочь его найти?

Таким образом, как гипнотерапевт перед наведением транса и осуществлением внушения должен установить раппорт с пациентом, т. е. достичь с ним определенного уровня доверия и взаимопонимания, так и следователь должен начинать допрос с установления психологического контакта с допрашиваемым, что, по сути, также является раппортом. Причем процессуальный статус допрашиваемого не имеет для этого значения. Выше приведены заимствованные из психологии приемы и принципы, которые может использовать и следователь.

Сеанс гипноза и терапии активации сознания начинается с того, что терапевт разъясняет пациенту сущность и принципы того, что будет происходить далее, отвечает на вопросы пациента о методике лечения и о том, на какие результаты можно рассчитывать, вместе с пациентом формулирует цель сеанса. Терапевт использует это время для того, чтобы лучше узнать пациента и «подстроиться» к нему.

Перед началом допроса следователь обязан разъяснить допрашиваемому его права, обязанности и ответственность, а также порядок проведения допроса. Обычно эту формальную процедуру оставляют за рамками тактики допроса, будто можно сначала сухо, на автомате разъяснить нормы уголовно-процессуального законодательства, а потом щелкнуть кнопкой, включить человеческое общение и приступить к реализации тактических приемов. Представляется, что к этой процедуре следует относиться так, как делает это гипнотерапевт: включить ее в этап установления психологического контакта и использовать, чтобы лучше узнать допрашиваемого, «подстроиться» к нему, установить раппорт. Для этого нужно разъяснять права и обязанности так, будто следователь действительно хочет, чтобы допрашиваемый понимал свое положение и то, что будет происходить дальше, и готов ему в этом помочь. А не так, будто это рутинная операция, которая только отнимает драгоценное время следователя и отвлекает от действительно важных дел.

Итак, следователь может использовать приемы и принципы современного гипноза и активации сознания, используемые терапевтом для установления раппорта с пациентом, для эффективного установления психологического контакта с допрашиваемым в начале допроса. Отдельные приемы, в первую очередь связанные с «отражением», могут применяться для поощрения свободного рассказа допрашиваемого и для перехода от свободного рассказа к стадии вопросов и ответов.

Есть ли в гипнотерапии другие приемы и принципы, которые следователь может использовать для повышения эффективности допроса? Представляется, что одним из них является особый язык гипнотерапевта.

В одной из своих лекций Ж. Беккио рассказывал⁷, как повлияло на пациентов изменение одной лишь дежурной приветственной фразы медсе-

⁷ Беккио Ж. Лекция в РАНХиГС (ч. 1).

стер, работавших в его отделении. Раньше медсестра, заходя к пациенту в палату для укола, говорила: «Здравствуйтесь! Я сделаю Вам укол. Не бойтесь, это совсем не больно». И после этого пациентам сразу становилось и страшно, и больно, потому что подсознание пропускает мимо частицу «не» и воспринимает сигналы «укол», «бойтесь», «больно». Тогда Ж. Беккио дал указание заменить эту фразу следующей: «Здравствуйтесь! Я здесь, чтобы сделать процедуру, которая Вам хорошо знакома. Она необходима для Вашего выздоровления. После нее Вы почувствуете себя лучше». И после этого, как бы удивительно это ни звучало, пациенты действительно сообщали, что укол был безболезненным. В этой новой фразе нет триггеров, запускающих реакцию страха и боли. Наоборот, слова «хорошо знакома», «выздоровление», «почувствуете себя лучше» подают подсознанию позитивные сигналы.

Следователь на допросе не может полностью избежать негативно окрашенных слов, в какой-то момент они так или иначе прозвучат. Однако представляется вполне возможным не использовать их с самого начала допроса при установлении психологического контакта, а затем использовать минимально и по возможности заменять нейтральными.

Конечно, есть случаи, когда это недопустимо, например при разъяснении предъявляемого обвинения⁸. В этой ситуации необходимо строго придерживаться норм и языка уголовно-процессуального и уголовного законодательства, потому что обвиняемый должен четко и однозначно понимать, в чем его обвиняют, чтобы иметь возможность защищаться.

Однако есть и другие ситуации, когда замена негативно окрашенных слов на позитивные вполне допустима. Например, когда следователю необходимо допросить свидетеля, который боится давать показания, или потерпевшего, пережившего насилие.

Представим ситуацию, когда потерпевшая в результате разбойного нападения оказалась в больнице. Ее физическое состояние не препятствует допросу, поэтому врач его разрешил. Однако в действительности она не может сказать ни слова о том, что с ней произошло.

Следователь мог бы сказать: «Я вижу, как Вам плохо. В отношении Вас совершено ужасное преступление. И если Вы хотите наказать виновных, Вы должны начать говорить». И в этом случае потерпевшая услышит: «плохо», «ужасное преступление», «должны». Эти слова, во-первых, снова заставляют потерпевшую переживать ту травмирующую ситуацию, во-вторых, ничуть не способствуют возвращению ей чувства контроля над ситуацией, которое является одним из важнейших условий установления психологического контакта.

В этой ситуации следователю нужно остерегаться не только «пугающих» слов, но и другой крайности: «Вижу, Вам уже гораздо лучше! Давайте обсудим этот небольшой инцидент, который произошел с Вами. Просто расскажите мне, как все было». Если следователь скажет что-то подобное, то это будет звучать как игнорирование проблемы, обесценивание страданий потерпевшей. Такой подход также не поможет начать общение.

⁸ См. статью 172 УПК РФ.

Более эффективной кажется фраза: «Я понимаю Ваше состояние. Могу ли сделать что-то для Вас прямо сейчас? Я здесь, чтобы Вам помочь. Ваши показания очень важны, чтобы понять, как это сделать. Расскажите все как можно подробнее, когда будете готовы». Таким образом следователь проявляет эмпатию («понимаю») и физическую заботу (предложение сделать что-то прямо сейчас – открыть окно, принести воды), показывает значимость потерпевшей и ее слов («очень важны»), демонстрирует свои дружелюбные намерения («понять», «помочь»), возвращает ощущение контроля («расскажите, когда будете готовы»).

Правильно выбирать слова нужно и при работе со свидетелем, который не желает давать показания либо потому, что боится, либо потому, что в принципе негативно настроен по отношению к правоохранительным органам. В первом случае нужно избегать слов «страх», «бояться» («Ваш страх понятен, но бояться нечего», «Ничего не бойтесь», «Конечно, Вам страшно, а представьте, каково жертвам!») и использовать слова «защита», «надежный», «уверенность», «сила» («Я уверен, в наших силах обеспечить Вам надежную защиту»). Во втором случае нужно помнить, что за один допрос невозможно изменить негативное отношение человека к системе, которое складывалось годами. Вместо этого следователь должен отделить себя от системы, просить доверять не правоохранительным органам в целом – только самому следователю. При этом слова «доверять», «надежный», «сила» будут также уместны.

Выше показано, что есть ситуации, в которых манипулировать словами с подозреваемым или обвиняемым запрещено. Но это не значит, что этот принцип вообще к ним не применим. Во всех случаях, когда речь не идет о разъяснении конкретных правовых норм, следователю также стоит обращать внимание на позитивную и негативную окрашенность используемых слов и выбирать нужные. Так, лучше избегать слов вроде «безвыходный», «бесполезный», «страх», «стыд» и т. д. И чаще обращаться к словам «доверие», «уважение», «достоинство», «правда», «помощь» и т. д.

Помимо особого отношения к использованию отдельных слов язык гипнотерапевта в целом описывается как образный, поэтический. Одним из важнейших инструментов трансовой работы в современной гипнотерапии является метафора [Абросимова, Ю. А., 2015]: пациенту под гипнозом рассказывается история, в которой иносказательно отражается проблема пациента и предлагается ее решение. Может ли следователь использовать этот инструмент на допросе? Да, это вполне возможно: метафора может быть использована при реализации отдельных тактических приемов.

Представим следующую ситуацию. Пожилой мужчина стал жертвой нападения грабителей, которые нанесли ему телесные повреждения и похитили имущество. В своих показаниях он преувеличивает оказанное грабителям сопротивление и их габариты, поскольку всю жизнь привык полагаться на собственные силы и теперь ему стыдно за то, что он оказался в беспомощном положении и не смог постоять за себя. Также он не очень хорошо помнит, кто именно из грабителей какие действия совершал, однако вместо того, чтобы сказать об этом прямо или попытаться вспомнить, он с уверенным видом рассказывает придуманную историю, чтобы не показаться «забывчивым стариком».

Какую тактику следует избрать следователю, чтобы добиться правдивых показаний? Есть ли смысл указывать на логические противоречия или на бессмысленность занятой позиции, напоминать об ответственности [Аверьянова, Т. В., и др., 2023], т. е. подчеркивать недоверие к показаниям? Нет, это только усугубит ситуацию. Потерпевший почувствует себя загнанным в угол и начнет защищаться, ему будет еще сложнее признать, что он что-то забыл или, тем более, приукрасил либо преувеличил.

В этом случае более эффективным будет такой тактический прием, как воздействие на положительные стороны допрашиваемого. Но как его реализовать? Возможно, следователю стоит рассказать историю о похожем случае из своей практики, в которой также произошло нападение на пожилого, но очень сильного человека, с прочным внутренним стержнем. Пережив нападение, этот человек был подавлен и сбит с толку, поскольку не привык быть беспомощным. Однако, поразмыслив над ситуацией, он понял, что не в силах изменить прошлое, то, что с ним уже произошло, но вполне может повлиять на будущее. Вспомнив как можно больше деталей произошедшего – потому что для расследования любая деталь может оказаться решающей – и подробно рассказав обо всем следователю, ничего не утаивая и не приукрашивая, он помог найти преступников и тем самым сделал свой город более безопасным местом для жизни. Именно в этом и заключается настоящий героизм, – может добавить следователь.

Рассказывая эту историю, ни в коем случае нельзя допускать сарказма или осуждения. Не стоит также ожидать мгновенного результата: возможно, допрашиваемому потребуется какое-то время, чтобы принять правильное решение и изменить свои показания. Важной частью сеанса гипноза являются слова терапевта о том, что у пациента есть достаточно времени, чтобы проделать работу, необходимую для поиска решения насущной проблемы [Беккио, Ж., Росси, Э., 2003]. Этот принцип актуален и для допроса: если следователь хочет добиться от допрашиваемого пересмотра его позиции, изменения показаний, нужно дать ему на это достаточно времени. В приведенном примере потерпевший может с раздражением сказать, что не понимает, зачем следователь ему все это рассказывает, и что эта ситуация совсем не похожа на его случай. Однако работа будет запущена, и если следователь ведет себя дружелюбно, без осуждения и не торопит с ответом, скорее всего, она даст положительный результат.

Метафора может быть использована и в реализации других тактических приемов, например «указание на противоречия между интересами допрашиваемых». Речь идет о ситуации, когда преступление было совершено группой лиц и следователь пытается склонить ее участников давать показания друг против друга. Применение этого тактического приема не всегда эффективно. Ведь следователь хочет заставить подозреваемого поверить, что его подельник, человек, с которым они долгое время общались и были на одной стороне, ему не друг и дает показания против него, а вот следователь, хотя они и находятся по разные стороны баррикад, хочет ему помочь. Как этого достичь? Обычно можно услышать такие фразы: «Твой друг там за стенкой уже дал показания против тебя» или «Твоему другу сделали такое же предложение, как тебе. Если он даст показания первым, у тебя уже не

будет шанса». Когда тебя таким образом загоняют в угол, да еще и предлагают, образно говоря, сдать друга и перейти на сторону врага, это, вполне возможно, вызовет обратную реакцию – желание сопротивляться изо всех сил, а не сотрудничать. Представляется, что в такой ситуации более целесообразно не пытаться прямо «указывать на противоречия между интересами допрашиваемых», а использовать язык метафоры, например, рассказать историю о похожем расследовании, где второй подозреваемый пошел на сотрудничество со следствием и получил смягчение наказания.

Нужно еще раз подчеркнуть, что в ситуации на допросе речь не идет именно о полноценной трансовой работе в ее классическом понимании. Следователь не осуществляет специального наведения, не обращает свою историю-метафору напрямую к подсознанию (в противном случае стоило предложить более тонкую метафору). Поскольку традиционно транс связывают с сужением сознания и утратой контроля и свободы воли, это было бы недопустимо с точки зрения действующего законодательства, даже если бы у следователя хватало для этого профессиональных знаний и навыков.

Однако следователь уже осуществил «подстройку», провел работу по установлению раппорта и правильно подбирает слова. Находится ли при этом допрашиваемый в трансe? Если считать, что транс в целом отличается от обычного состояния сознания смещением фокуса внимания с внешнего мира на внутренний (т. е. внимание направлено на образы, воспоминания, ощущения) [Гинзбург, М. Р., Яковлева, М. Е., 2008, с. 14], то по большому счету любая просьба следователя постараться вспомнить, что произошло в какой-то день, может привести к состоянию естественного трансa. Именно такое понимание трансa соответствует современному, эриксоновскому и постэриксоновскому подходу к гипнозу и активации сознания. И оно, конечно, требует разъяснения для представителей правоохранительных органов и суда.

В гипнотерапии особое внимание уделяется не только словам, но и позе и взаиморасположению терапевта и пациента. Подчеркивается, что если в классическом гипнозе пациент обычно лежит, а терапевт сидит или стоит рядом – и это отражало представление о доминировании терапевта, подчинении пациента его воле, то в современном гипнозе терапевт и пациент находятся в равных положениях, сидят напротив друг друга.

Об этом принципе также стоит задуматься следователю при организации места проведения допроса. Чаще всего при допросе следователь сидит за компьютером, за своим рабочим столом, а допрашиваемый – напротив него на «стульчике для посетителей». И это, кроме того, что мешает следователю в полной мере наблюдать за невербальным поведением допрашиваемого (нижняя часть его туловища вообще скрыта под столом, а иногда даже лица не видно из-за компьютера), еще и подчеркивает неравенство, доминирующее положение следователя. Наблюдение за невербальным поведением допрашиваемого важно для оценки достоверности его показаний. А подчеркнутое доминирование не способствует установлению психологического контакта. Поэтому лучше, если следователь и допрашиваемый будут сидеть напротив друг друга в одинаковых условиях и без преград между ними (если, конечно, это позволяют правила безопасности, которые необ-

ходимо соблюдать при допросе подозреваемого или обвиняемого, склонного к насилию и агрессии).

Гипнотерапевты обычно всегда уделяют особое внимание завершению сеанса и выводу из транса [Беккио, Ж., Жюслен, Ш., 1997]. В современном гипнозе обычно не говорят о постгипнотическом внушении, если только оно не касается установок по обучению самогипнозу. В терапии активации сознания упражнения обычно заканчиваются установками на общее улучшение состояния, бодрость и позитивный настрой⁹. Следовательно не вводит допрашиваемого в глубокий транс, если и можно говорить о транс-овом состоянии на допросе, то это естественный транс, возникающий и проходящий у людей естественным образом. Поэтому, казалось бы, ему не нужно применять какие-то специальные методы и принципы для возвращения допрашиваемого к обычной жизни в конце допроса. Однако допрос в любом случае оказывает существенное влияние на состояние допрашиваемого, а следовательно чаще всего нужно иметь возможность повторного допроса. Поэтому отдельные принципы, используемые в гипнотерапии, все же в некоторой степени применимы и тут.

Следователь может сказать в конце допроса примерно следующее: «На этом все, Вы свободны». И эта фраза будет говорить о том, что следователь воспринимает допрашиваемого как объект, а не как человека. У допрашиваемого она может вызвать чувство, будто его использовали. Если следователю вновь придется вызвать его на допрос, всю работу по подстройке и установлению психологического контакта придется начинать заново. На самом деле это будет означать, что в действительности психологический контакт, или раппорт, не был установлен, потому что эти явления предполагают именно взаимоуважение и взаимную заинтересованность. То есть следователь все это время манипулировал допрашиваемым, создавая у него ложное чувство доверия. Если допрашиваемый почувствует это в конце допроса, он в лучшем случае больше не поведется на уловки следователя и в следующий раз предпочтет формальное общение и уж, конечно, не попытается вспомнить что-то еще. В отношениях между терапевтом и пациентом нет по крайней мере юридической зависимости: пациент может выбрать другого врача, если останется не удовлетворен общением, или другой вид терапии, или даже встать и уйти посреди сеанса. А вот допрашиваемый свидетель или потерпевший несет уголовную ответственность за отказ от дачи показаний. В такой ситуации следователю, наверное, сложнее, чем терапевту, добиться ощущения равенства. Недостаточно просто убрать стол между ними, нужно именно внутреннее стремление к равенству в общении.

Чтобы в конце допроса допрашиваемый не почувствовал себя использованным, следователь должен как минимум искренне, а не формально сказать слова благодарности: «Спасибо, что проделали такую работу. Вы действительно помогли. Ваши показания очень важны для расследования». И затем следователь может дать установку на будущее, до некоторой степени сходную с постгипнотическим внушением.

⁹ Беккио Ж. Упражнение: Терапия Активацией Сознания. URL: <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=CfOA1mCBrI4>.

Часто можно услышать что-то вроде: «Если вспомните что-то еще, позвоните». Эффект такой фразы существенно снижается из-за «если». Получается так: если вспомните что-то еще, позвоните, а если нет – то и не надо. Значит, можно и не стараться.

Представляется, что более эффективным будет такое завершение допроса: «Наш мозг так устроен, что продолжает обрабатывать информацию, даже когда нам кажется, что мы и думать об этом забыли. Самые важные ответы иногда появляются, когда разговор уже закончен. Вполне возможно, что дома Вы вспомните или поймете что-то еще. Вы можете позвонить мне, даже если это покажется мелочью. Для расследования любая мелочь может оказаться существенной».

Здесь следователь дает установку на бессознательную обработку информации, показывает, что это естественный процесс, который происходит всегда. Он не говорит: «если вспомните» – это обращение скорее к сознанию, которое вроде как должно приложить для этого усилия, а делать этого обычно не хочется. Он говорит: «Возможно, что Вы вспомните», т. е. для сознания это произойдет как бы само собой, всю работу проделает бессознательное. И заканчивает он не командой «позвоните», а словом «существенной», подчеркивая важность и самого процесса воспоминания, и всех своих слов, но при этом оставляет принятие решения за допрашиваемым.

Почему можно говорить, что эта фраза до некоторой степени сходна с постгипнотическим внушением или с позитивными установками, которыми обычно заканчивается сеанс терапии активации сознания? Потому что если весь допрос был построен на описанных здесь принципах – следователь осуществил подстройку, установил раппорт с допрашиваемым, продуманно подбирал слова для поощрения свободного рассказа и вопросов, а допрашиваемый благодаря этому погрузился в естественный транс, характерный для сосредоточенности на воспоминаниях и внутренних переживаниях, то и эта фраза сработает как внушение. Не прямое директивное внушение классического гипноза, а мягкое, осознаваемое, добровольно принимаемое, характерное для эриксоновского и постэриксоновского гипноза.

Еще одним принципом современной гипнотерапии и терапии активации сознания, на который стоит обратить внимание при допросе, выступит особое ресурсное состояние самого терапевта. В ходе сеанса у пациента могут проявиться или усилиться такие явления, как кашель, плач, рыдания, смех, озноб, тремор и т. д. Важно, чтобы терапевт соблюдал уверенное спокойное состояние и эффективно и своевременно утилизировал эти проявления. По реакции терапевта пациент должен понять, что все, что с ним происходит, – правильно, одобряется и является частью терапии. Такое состояние терапевта делает более эффективным сам сеанс и гарантирует возможность сохранять свою безопасность и не выгорать профессионально [Заводов, А. О., и др., 2021, с. 66–67]. От профессионального выгорания спасает также разделение личного и рабочего. Например, Ж. Беккио рассказывал, что у него есть особая фраза самовнушения, которую он произносит, когда приходит на работу, чтобы его личные проблемы не мешали

терапии, и другая – чтобы все рабочие трудности оставались на работе в конце дня и не мешали отдыху с семьей¹⁰.

Кажется, что для следователя это также весьма актуально. Проблема эмоционального выгорания [Буш, М. П., 2012] для следователя стоит ничуть не менее остро, чем для психотерапевта. Как и терапевт, следователь может столкнуться с различными эмоциональными и психосоматическими реакциями допрашиваемого в качестве отклика как на задаваемые вопросы, так и на собственные воспоминания и переживания. Следователю важно сохранять то особое ресурсное состояние, которое, с одной стороны, не будет воспринято допрашиваемым как холодность и безразличие, а с другой – не позволит сиюминутным эмоциям влиять на тактику допроса. И речь идет не только и не столько о том, чтобы контролировать внешнее проявление эмоций, сколько о гармонизации внутреннего состояния.

Таким образом, отдельные принципы и методы современного гипноза и терапии активации сознания могут быть применены на всех стадиях рабочего этапа допроса. Наибольшую актуальность они имеют для установления психологического контакта. Но могут повысить эффективность допроса и при поощрении свободного рассказа, и на стадии вопросов и ответов. Они применимы также при завершении допроса. Кроме того, их стоит учитывать следователю для самоанализа и самоконтроля, в том числе чтобы предотвратить эмоциональное выгорание в профессии.

Итак, обычно, когда говорят об использовании гипноза при расследовании преступлений, имеют в виду так называемую гипнорепродукцию – когда специалист в области гипноза вводит допрашиваемого в транс с целью активизации его памяти. Такая форма использования гипноза существует давно, и за время ее использования накопилось достаточное количество положительных примеров [Китаев, Н. Н., Китаева, В. Н., 2018] и сложились определенные правила, иногда закрепленные законодательно, иногда носящие характер тактических рекомендаций: безоговорочное согласие допрашиваемого на проведение гипноза и положительный настрой по отношению к сотрудникам правоохранительных органов; уверенность в безопасности и психологическом благополучии допрашиваемого под гипнозом; привлечение лица, имеющего специальную подготовку в области психотерапии; беспристрастная позиция и независимость лица, применяющего гипноз; обязательная видеofиксация такого допроса [Пучков, О. А., 2015].

Целесообразность такого использования гипноза на допросе дискутируется и подвергается сомнению и юристами [Панчишная, Г. Е., Нестеренко, У. А., 2022], и психологами [Япко, М., 2013, с. 261–283]. Однако попытки развить именно это направление не прекращаются, периодически вызывая очередной всплеск интереса у ученых и практиков. Это можно связать с двумя неверными посылаками.

Первая из них – о том, что память – это шкатулка, в которой бережно и в неизменном виде хранятся абсолютно все воспоминания, а гипноз – это

¹⁰ Беккио Ж. Лекция в РАНХиГС (ч. 2). URL: https://www.youtube.com/watch?v=7QB-n2_0ewkI.

волшебный ключ. Действительно, известны случаи, и немало, когда во время или после сеанса гипноза допрашиваемый вспоминал иногда очень существенные детали о преступлении, сыгравшие важную роль в расследовании. Однако экспериментально доказано, что даже в отсутствие транса, в ничем не измененном состоянии сознания возможно внедрение ложных воспоминаний, которые будут восприниматься испытуемым как реальные, свои собственные [Найссер, У., Хаймен, А., 2005]. Очевидно, что это возможно и в ходе сеанса гипноза, причем как умышленно, так и нет. Кроме того, воспоминания не хранятся в памяти, как фотографии под стеклом, не подверженные влиянию времени и других факторов. То, что было воспринято в момент совершения преступления, затем подверглось осмыслению, переосмыслению и интерпретации. И затем, в ходе трансовой работы с бессознательным, допрашиваемый может сообщить не то, что он в действительности видел, слышал и чувствовал, а то, что он думает об этом на сегодняшний момент. И каких-то достоверных критериев для дифференциации истинных воспоминаний, внедренных воспоминаний и их интерпретации у гипнотерапевта нет. Не исключено, что это станет возможным в будущем, при помощи дальнейших достижений в области нейронаук и новых инструментальных технологий исследования мозга.

Все то же самое можно сказать и о других тактических приемах допроса, направленных на активизацию памяти. Как и гипноз, каждый из них может сработать. Как и в случае с гипнозом, следователь не будет на 100% уверен, что полученные показания действительно достоверны: их все равно необходимо будет проверять и оценивать в совокупности с другими доказательствами по делу. Таким образом, гипноз нельзя назвать самым эффективным средством активизации памяти. Но при этом его применение, во-первых, наиболее ресурсозатратное для следователя, поскольку связано с приглашением специалиста и соблюдением определенных условий, которые изложены выше, во-вторых, современное российское законодательство и позиция Верховного Суда Российской Федерации не позволяют использовать эти показания как доказательство по делу, они будут иметь только ориентирующее значение. То есть когда остальные тактические средства исчерпаны, а подвижек в расследовании нет, можно использовать и гипноз, но вряд ли стоит ожидать его повсеместного внедрения в правоохранительную практику как чего-то обыденного.

Вторая неверная посылка связана с мистификацией гипноза. Те, кто не занимался специально изучением гипноза, часто связывают его либо с шарлатанством (никакого гипноза вообще не существует), либо с магией (гипнотизер может полностью завладеть сознанием и волей испытуемого и заставить его делать все, что ему вздумается). Ни следователи, ни суд обычно не знакомы с современными исследованиями в области гипноза и достижениями гипнотерапии и терапии активации сознания, не понимают природу транса. Эти знания не входят в их профессиональную компетенцию, поэтому вполне понятно, что они пользуются обыденными, обывательскими представлениями об этих сложных явлениях. Нужно отметить, что научная обоснованность даже официально признанной судебно-психологической экспертизы иногда вызывает сомнения, поскольку психоло-

гическим знаниям в структуре юридического образования не всегда уделяется должное внимание. При таком восприятии слова «гипноз», «активация сознания», «транс» вызывают обычно негативные эмоции: «мы не понимаем, что это и как это работает, значит, лучше это не использовать». На самом деле консерватизм представителей правоохранительных органов и суда понятен и в некоторой степени оправдан, поскольку им приходится принимать решения, от которых зависят судьбы людей. Эти лица должны быть уверены в своих действиях и методах, чтобы взять на себя такую ответственность.

Более перспективным представляется не развитие и расширение использования в расследовании преступлений «гипнорепродукции» – сеанса гипноза, проводимого гипнотерапевтом в присутствии следователя для активизации памяти допрашиваемого, а использование отдельных методов и принципов современного гипноза и терапии активации сознания самим следователем.

Обсуждение и заключение

В ходе настоящего исследования выделен ряд таких принципов и методов, которые вполне могут быть интегрированы в тактику допроса и стать частью профессиональной компетенции следователя. При этом важно понимать, что речь не идет о предоставлении следователю инструментов для манипуляции сознанием и действиями допрашиваемого. Любые тактические рекомендации исходят из презумпции добросовестности следователя, назначения уголовного судопроизводства¹¹ и сформулированных в криминалистике принципов допустимости тактических приемов, в том числе принципов законности и этичности. Для рекомендаций по использованию следователем в ходе допроса методов и принципов современного гипноза и терапии активации сознания это также справедливо. Кроме того, эти рекомендации исходят из актуального представления о существовании (наряду с более глубокими видами) естественного трансa, для которого характерно смещение фокуса внимания с внешних факторов на внутренние переживания и воспоминания и который не связан с потерей контроля и свободы воли.

К таким принципам и методам относятся:

- технология установления раппорта – особых доверительных отношений между следователем и допрашиваемым. Для криминалистики более традиционным является термин «установление психологического контакта». Суть установления психологического контакта в том же самом – в установлении отношений взаимодоверия, взаимопонимания, обоюдной заинтересованности в общении. Однако важно было рассмотреть этот процесс именно сквозь призму психологического термина «раппорт», чтобы уйти от обычного восприятия следователем остальных участников расследования в качестве объектов воздействия, а не таких же субъектов, как и он сам;

¹¹ См. статью 6 УПК РФ: уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

- использование особого языка гипнотерапии, в том числе рассказов-метафор, для более эффективного поощрения свободного рассказа допрашиваемого, перехода к стадии вопросов и ответов, реализации отдельных классических тактических приемов допроса, таких как, например, «воздействие на положительные стороны допрашиваемого», «указание на противоречия между интересами допрашиваемых»;
- использование подобия постгипнотического внушения и позитивных установок, завершающих сеанс терапии активации сознания, направленных на продолжение самостоятельной работы допрашиваемого после завершения допроса. Такая работа может быть направлена на воспоминание новых деталей события преступления или на изменение позиции относительно дачи ложных показаний или дачи показаний в принципе;
- саморефлексия следователя и поддержание особого ресурсного состояния в ходе допроса. Это, во-первых, обеспечит эффективную поддержку допрашиваемого, поможет справиться с проявлением его эмоций и использовать их на пользу допроса. А во-вторых, предотвратит профессиональное выгорание.

Приведенные здесь конкретные рекомендации, безусловно, требуют дальнейшего исследования и апробации на практике. Однако представляется, что даже общий посыл, связанный с необходимостью увидеть в допрашиваемых не объекты воздействия, а людей, а также с необходимостью обращать внимание на собственное психоэмоциональное состояние следователя, может положительно сказаться на эффективности допроса.

Список источников

- Абросимова Ю. А. Виды и функции гипнотерапевтических метафор в психологическом консультировании // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. № 2. С. 121–144.
- Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2023. 928 с. ISBN: 978-5-91768-334-8.
- Беккио Ж., Жюслен Ш. Новый гипноз: Практическое руководство. М. : Независимая фирма «Класс», 1997. 160 с. ISBN: 5-86375-087-1.
- Беккио Ж., Росси Э. Гипноз XXI века. М. : Независимая фирма «Класс», 2003. 272 с. ISBN: 5-86375-051-0.
- Буш М. П. Профессиональные факторы работы следователя ОВД как условия формирования синдрома эмоционального выгорания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 1 (60). С. 21–26.
- Галустьян О. А., Белоусов А. Д., Реуцкая И. Е. Психология первоначального допроса подозреваемого // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 2. С. 31–34.
- Гинзбург М. Р., Яковлева М. Е. Эриксоновский гипноз: систематический курс. М. : Моск. психолого-социальный ин-т, 2008. 312 с. ISBN: 978-5-9770-0397-1.

- Гордеев М. Н. Психотерапия. Недирективный эриксоновский гипноз // Живая психология. 2014. № 2 (2). С. 8–17.
- Гордеев М. Н., Евтушенко В. Г. Техники гипноза. М. : Психотерапия, 2003. 245 с. ISBN: 5-89939-093-X.
- Дубынин В. Н. Мозг и его потребности. М. : Альпина нон-фикшн, 2021. 572 с. ISBN: 978-5-00139-270-5.
- Евтушенко В. Г. Методы современной гипнотерапии. М. : Психотерапия, 2010. 384 с. ISBN: 978-5-903182-69-5.
- Жемкова Е. В., Литвинова С. П., Потапова Н. А. Следственный гипноз: абсурд или реальность будущего // Word in Science. 2023. № 11. С. 6–9.
- Заводов А. О., Беляцкая А. Я., Беккио Ж., Болсун С. А. Терапия активацией сознания (ТАС) в работе клинического психолога с проблемой панических атак у пациентов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Познание. 2021. № 6. С. 64–69. DOI 10.37882/2500-3682.2021.06.07.
- Зверев В. О., Соколов А. Б., Половников О. Г., Кожевников В. В., Прокурова С. В. Установление психологического контакта как организационно-тактическая особенность деятельности следователя при производстве допроса подозреваемого // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 2. С. 219–222.
- Кавалиерис А. Использование гипноза при опросе // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 4. С. 45–55.
- Карпенко О. А. Использование нетрадиционных специальных знаний в разоблачении заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 1 (84). С. 125–130.
- Китаев Н. Н., Китаева В. Н. Применение гипноза при поисках трупа человека // Закон и право. 2018. № 12. С. 142–144.
- Королев В. А. Оптимальная структура сеанса гипнотерапии // Акмеология. 2015. № 3 (55). С. 205–206.
- Лаврентьева Т. В., Попова В. В. Проблемы производства допроса и пути их решения // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11 (179). С. 227–229.
- Мастер Ши Янбин. Путь как счастье. Шаг 1: тишина. М. : ИНИОН РАН, 2015. 152 с. ISBN: 978-5-248-00781-3.
- Найссер У., Хаймен А. Когнитивная психология памяти. М. : Олма-пресс, 2005. 640 с. ISBN: 5-93878-168-X.
- Панчишная Г. Е., Нестеренко У. А. О целесообразности использования профайлинга и гипнорепродукционного опроса в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 2. С. 287–291.
- Пучков О. А. Гипноз в раскрытии и расследовании преступлений: правоприменительный аспект // Виктимология. 2015. № 3 (5). С. 29–33.

Сазыкин А. Искусство манипулировать людьми. Эриксоновский гипноз. М. : Феникс, 2019. 109 с. ISBN: 978-5-222-32270-3.

Смолькова И. В. Проблемы использования гипноза при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3 (94). С. 210–220.

Черепанов Г. Г., Шмидт А. А. Гипноз как нетрадиционный способ проведения оперативно-розыскного мероприятия «опрос» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3 (25). С. 83–85.

Элисон Э., Элисон Л. Раппорт. Как найти подход к собеседнику любой сложности. М. : Бомбора, 2021. 485 с. ISBN: 978-5-04-119044-6.

Юрова К. И., Сергеева Е. С. Установление психологического контакта при допросе обвиняемых и свидетелей // Виктимология. 2018. № 3 (17). С. 63–66.

Япко М. Трансовая работа: Введение в практику клинического гипноза. М. : Психотерапия, 2013. 720 с. ISBN: 978-5-903182-94-7.

References

Abrosimova, Yu. A., 2015. [Types and functions of hypnotherapeutic metaphors in psychological counseling]. *Vestnik psikiatrii i psihologii Chuvashii* = [Bulletin of Psychiatry and Psychology of Chuvashia], 2, pp. 121–144. (In Russ.)

Alison, E., Alison, L., 2021. *Rapport. Kak najti podhod k sobesedniku lyuboj slozhnosti* = [Rapport. How to find an approach to an interlocutor of any complexity]. Moscow: Bombora. 485 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-04-119044-6.

Aver'yanova, T. V., Belkin, R. S., Korukhov, Yu. G., Rossinskaya, E. R., 2023. *Kriminalistika* = [Criminalistics]. Textbook. 4th ed., repr. and add. Moscow: Norma; Infra-M. 928 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-91768-334-8.

Beccio, J., Jousselin, Ch., 1997. *Novyj gipnoz: Prakticheskoe rukovodstvo* = [New hypnosis: A practical guide]. Moscow: Nezavisimaya firma "Klass". 160 p. (In Russ.) ISBN: 5-86375-087-1.

Beccio, J., Rossi, E., 2003. *Gipnoz XXI veka* = [Hypnosis of the XXI century]. Moscow: Nezavisimaya firma "Klass". 272 p. (In Russ.) ISBN: 5-86375-051-0.

Bush, M. P., 2012. [Professional factors of the work of an ATS investigator as conditions for the formation of an emotional burnout syndrome]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* = [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1, pp. 21–26. (In Russ.)

Cherepanov, G. G., Shmidt, A. A., 2013. [Hypnosis as an unconventional way of conducting an operational search event "survey"]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika* = [Legal Science and Law Enforcement Practice], 3, pp. 83–85. (In Russ.)

Dubynin, V. N., 2021. *Mozg i ego potrebnosti* = [The brain and its needs]. Moscow: Al'pina non-fikshin. 572 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-00139-270-5.

- Galust'yan, O. A., Belousov, A. D., Reutskaya, I. E., 2006. [Psychology of the initial interrogation of the suspect]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah* = [Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies], 2, pp. 31–34. (In Russ.)
- Ginzburg, M. R., Yakovleva, M. E., 2008. *Eriksonovskij gipnoz: sistematicheskij kurs* = [Erickson's hypnosis: a systematic course]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute. 312 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-9770-0397-1.
- Gordeev, M. N., 2014. [Psychotherapy. Non-directive Ericksonian hypnosis]. *Zhivaya psihologiya* = [Living Psychology], 2, pp. 8–17. (In Russ.) ISBN: 5-89939-093-X.
- Gordeev, M. N., Yevtushenko, V. G., 2003. *Tekhniki gipnoza* = [Hypnosis techniques]. Moscow: Psychotherapy. 245 p. (In Russ.)
- Karpenko, O. A., 2018. [The use of non-traditional special knowledge in exposing deliberately false testimony of witnesses and victims]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* = [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1, pp. 125–130. (In Russ.)
- Kavalieris, A., 2009. [The use of hypnosis in the survey]. *Vestnik kriminalistiki* = [Bulletin of Criminalistics], 4, pp. 45–55. (In Russ.)
- Kitaev, N. N., Kitaeva, V. N., 2018. [The use of hypnosis in the search for a human corpse]. *Zakon i pravo* = [Act and Law], 12, pp. 142–144. (In Russ.)
- Korolev, V. A., 2015. [Optimal structure of a hypnotherapy session]. *Akmeologiya* = [Acmeology], 3, pp. 205–206. (In Russ.)
- Lavrent'eva, T. V., Popova, V. V., 2019. [Problems of interrogation and ways to solve them]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = [Law and the State: theory and practice], 11, pp. 227–229. (In Russ.)
- Master Shi Yanbing, 2015. *Put' kak schast'e. Shag 1: tishina* = [The way is like happiness. Step 1: Silence]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. 152 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-248-00781-3.
- Neisser, U., Hyman, A., 2005. *Kognitivnaya psihologiya pamyati* = [Cognitive psychology of memory]. Moscow: Olma-press. 640 p. (In Russ.) ISBN: 5-93878-168-X.
- Panchishnaya, G. E., Nesterenko, Yu. A., 2022. [On the expediency of using profiling and hypnoreproduction survey in the disclosure and investigation of crimes]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* = [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2, pp. 287–291. (In Russ.)
- Puchkov, O. A., 2015. [Hypnosis in the disclosure and investigation of crimes: law enforcement aspect]. *Viktimologiya* = [Victimology], 3, pp. 29–33. (In Russ.)
- Sazykin, A., 2019. *Iskusstvo manipulirovat' lyud'mi. Eriksonovskij gipnoz* = [The Art of manipulating people. Erickson's hypnosis]. Moscow: Feniks. 109 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-222-32270-3.

Smol'kova, I. V., 2020. [Problems of using hypnosis in the detection and investigation of crimes]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Ros-sii* = [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 3, pp. 210–220. (In Russ.)

Yapko, M., 2013. *Transovaya rabota: Vvedenie v praktiku klinicheskogo gipnoza* = [Trance work: An introduction to the practice of clinical hypnosis]. Moscow: Psihoterapiya. 720 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-903182-94-7.

Yevtushenko, V. G., 2010. *Metody sovremennoj gipnoterapii* = [Methods of modern hypnotherapy]. Moscow: Psihoterapiya. 384 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-903182-69-5.

Yurova, K. I., Sergeeva, E. S., 2018. [Establishing psychological contact during interrogation of accused and witnesses]. *Viktimologiya* = [Victimology], 3, pp. 63–66. (In Russ.)

Zavodov, A. O., Belyatskaya, A. Ya., Becchio, J., Bolsun, S. A., 2021. Consciousness activation therapy (TAS) in the work of a clinical psychologist with the problem of panic attacks in patients. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Ser.: Poznanie* = [Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Cognition], 6, pp. 64–69. (In Russ.) DOI 10.37882/2500-3682.2021.06.07.

Zhemkova, E. V., Litvinova, S. P., Potapova, N. L., 2023. [Investigative hypnosis: absurdity or reality of the future]. *Word in Science*, 11, pp. 6–9. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Пискунова Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Elena V. Piskunova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Forensic Expertise and Criminalistics Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 24.05.2023; одобрена после рецензирования 08.06.2023; принята к публикации 02.10.2023.

Submitted: 24.05.2023; reviewed: 08.06.2023; revised: 02.10.2023.

Научная статья

УДК 341

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.155-174

Расширение БРИКС в свете принципов международного права¹

Людмила Петровна Ануфриева

*Московский государственный юридический Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Российская Федерация
lpanufrieva@msal.ru*

Аннотация

Введение. С 1 января 2024 г. полноправными участниками объединения, сохранившего аббревиатуру «БРИКС» по решению XV саммита, состоявшегося 22–24 августа 2023 г., станут Аргентина², Египет, Эфиопия, Иран, Саудовская Аравия и ОАЭ. Согласно одному из официальных актов, классифицируемому как руководство для российской национальной политики в международных делах, а именно «Концепции участия России в БРИКС», утвержденной Президентом Российской Федерации еще в 2013 г., БРИКС рассматривается как весомый инструмент укрепления межгосударственного сотрудничества. Необходимо с учетом уже других масштабов разработать всеобъемлющую стратегию сотрудничества и определить взаимно согласованные принципы партнерства.

Теоретические основы. Методы. Исследование базируется на анализе позиций ведущих отечественных и зарубежных ученых, действующих международных договоров и международно-правовых актов ООН, документов (деклараций) ежегодных саммитов БРИКС, материалов Комиссии международного права ООН в части разработки ею темы «Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)», практики Международного Суда ООН. В процессе подготовки статьи применялся ряд общенаучных и частнонаучных методов познания, в том числе методы системного, структурного и функционального анализа, формальной логики, дедукции и индукции, метод сравнительного правоведения, формально-юридического анализа и историко-ретроспективного подхода.

---

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения работ по Госзаданию FSMW-2023-006 «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы».

² В свете заявлений Хавьера Милея, избранного в качестве президента Аргентины, об отказе от прежних намерений страны в отношении БРИКС события могут разворачиваться и по другой траектории. Во всяком случае целесообразно подождать официально оформленной позиции Аргентины как государства (примеч. авт.).

Последние особенно продуктивны в вопросах исследования генезиса и эволюции понятий «принцип» в международном праве, «международная организация», интеграция, «параорганизация», «многополярный мир» и др.

Результаты исследования. Возникновение и расширение БРИКС – это прямой вызов такому международному укладу, который исходит из неизбежности существования единственного «центра принятия решений» (т. е. Соединенных Штатов Америки и их союзников) как его основы. В этом аспекте по результатам состоявшихся в 2022 и 2023 гг. XIV и XV саммитов, а также с учетом ранее предложенной Китаем в Йоханнесбурге (июль 2018 г.) новой конфигурации многосторонности для государств, которые изъявляют желание сотрудничать с БРИКС (PartNIR – «Партнерство в области новой промышленной революции»), в функционировании БРИКС возникли необычные модели вовлечения в партнерство третьих государств, в том числе взаимодействие со странами региона государства, осуществляющего председательство, которое реализуется в формате «BRICS-outreach». В свете этого такие аспекты теории и практики международного права, как применение к подобного рода сотрудничеству в порядке реализации многосторонности основных принципов международного права и норм *jus cogens*, а также разработка *специальных принципов* сотрудничества в рамках БРИКС, должны быть возведены в ранг особого предмета анализа.

Обсуждение и заключение. В ходе исследования сформулированы положения, касающиеся анализа взаимоотношений «пятерки» – Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки, и оценки перспектив будущего сотрудничества альянса в расширенном составе. Так, в рамках БРИКС предпочтение оказывается многосторонним или двусторонним соглашениям в отличие от институционализации (которая предполагает координацию связей участников путем создания международной организации / институции). Выявление общих черт с универсально распространенными формами, с одной стороны, и отличительных свойств используемого БРИКС международно-правового инструментария – с другой, ни в коей мере не лишает анализируемый сегмент межгосударственного сотрудничества присущих всей системе международного права «цементирующих» элементов, к каковым относятся «основные принципы», «императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)», а также отраслевые и специальные принципы правового регулирования межгосударственных («междувластных») общественных отношений.

Ключевые слова: БРИКС, «БРИКС+», «БРИКС-outreach», сотрудничество в области науки, техники, инноваций, стратегическое партнерство, многосторонность, международный правопорядок, многополярный мир, полицентричность, основные принципы, *jus cogens*, отраслевые принципы, специальные принципы

Для цитирования: Ануфриева Л. П. Расширение БРИКС в свете принципов международного права // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 4. С. 155–174. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.155-174.

Original article

BRICS Expanding in the Light of the Principles of International Law

Liudmila P. Anufrieva

*Kutafin Moscow State University of Law (MSAL), Moscow,
Russian Federation*

For correspondence: lpanufrieva@msal.ru

Abstract

Introduction. Starting from January 1, 2024, Argentina³, Egypt, Ethiopia, Iran, Saudi Arabia and the United Arab Emirates should acquire membership of the alliance with the former acronym “BRICS” due to the decision adopted by its XV Summit held on August 22–24, 2023. According to one of the official acts classified as a guide for Russian National Policy in International Affairs, namely the “Concept of Russia’s Participation in BRICS”, approved by the President of the Russian Federation back in 2013, BRICS is to be deemed as a valid tool for strengthening the interstate cooperation. Taking into account other dimensions, it is necessary to develop a comprehensive strategy for cooperation between the alliance countries and define mutually agreed principles of partnership.

Theoretical Basis. Methods. The research provides the analysis of the doctrinal positions of the most qualified domestic and expatriate publicists in international law, effective international treaties and international legal acts of the United Nations, official documents (declarations) of the annual BRICS summits, materials of the UN International Law Commission regarding its papers on the topic “Peremptory norms of general international law (*jus cogens*)”, outcome of the International Court of Justice practice as of the main judicial organ within the United Nations. In the course of performing the research, a number of general and particular scientific methods of cognition were used, including methods of systemic, structural and functional analysis, formal logic, deduction and induction, the method of comparative law, formal legal analysis and historical retrospective approach. The latter are especially productive in the study of the genesis and evolution of the concepts of “principle” in international law, “international organization”, integration, “paraorganization”, “multipolar world”, etc.

Results. Both the BRICS emergence and expanding stand as direct challenge to such an international order, which proceeds from the inviolability of the existence of a single “decision-making center” (i. e., the United States and its satellites) as its core basis. In this aspect, resultant from the outcome of the XIV and XV summits held in 2022 and 2023, as well as of a new configuration of multilateralism previously initiated by China in Johannesburg (July 2018) for states that expressed ambition to cooperate with BRICS (PartNIR – “Partnership in the field of a new Industrial Revolution”), in the functioning of BRICS have been developed atypical models for involving third countries into partnership, including interaction with the countries of the region of the state chairing the group, which is carried out within the “BRICS-outreach” format.

³ In light of statements by Javier Milei, who was elected as President of Argentina, about the abandonment of the country’s previous intentions regarding BRICS, events may unfold along a different trajectory. In any case, it is advisable to wait for Argentina’s formalized position as a state (Author’s note).

In light of the above, the study of such aspects pertaining to the theory and practice of international law as the application of the basic principles of international law and *jus cogens* norms to such cooperation in order to implement multilateralism, as well as the development of special principles of cooperation within the framework of BRICS should be raised to the rank of a specific subject of analysis.

Discussion and Conclusion. In the course of the research, certain theses were formulated which relate to the analysis of current relationships of the “five” – Brazil, Russia, India, China and South Africa, accompanied by the assessment of the prospects for the forthcoming future in cooperation of the alliance under new formats. Thus, within the framework of BRICS, preference is given to multilateral or bilateral agreements, as opposed to the institutionalization (which involves coordinating the relationships of the involved parties by creating an international organization/institution). The identification of common features with universally widespread forms, on the one hand, and the distinctive properties of the international legal instruments used by the BRICS, on the other one, in no way deprives the analyzed segment of interstate cooperation of the “cementing” elements inherent to the entire system of international law, which include “basic principles”, “peremptory norms of general international law (*jus cogens*)”, as well as sectoral and special principles of legal regulation of interstate (“inter-governmental”) public relationship.

Keywords: BRICS, “BRICS+”, “BRICS-outreach”, cooperation in the field of science, technology, innovation, strategic partnership, multilateralism, international legal order, multipolar world, polycentricity, basic principles, *jus cogens*, sectoral principles, special principles

For citation: Anufrieva, L. P., 2023. BRICS expanding in the light of the principles of international law. *Pravosudie/Justice*, 5(4), pp. 155–174. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.155-174.

Возникающие актуальные проблемы в свете опыта минувших лет

При анализе роли, места и характера взаимодействия между собой стран БРИКС следует подчеркнуть, что с самого начала оно выступает одновременно и продуктом, и фактором формирования полицентричной системы международных отношений, содействия росту влияния участвующих государств в мировой экономической и политической системах на основе их объективных политико-экономических параметров и геополитических целей БРИКС. Интенсификация взаимных межгосударственных связей между Бразилией, Россией, Индией, Китаем и ЮАР в начале XX в. сформировала особую матрицу сотрудничества. Важно подчеркнуть: это новое явление в международной жизни, которое не противопоставляется классическому взаимодействию государств на мировой арене в современный период на основе участия в универсальной международной организации – ООН – региональных или прочих распространенных видах институций. Не связано оно и существующими в международной практике объединительными узлами организационно-правового порядка, которые приняты, к примеру, в региональных интеграционных сообществах. Применительно к сотрудничеству в рамках БРИКС все чаще (вплоть до официальных документов) используется емкий атрибутив: «стратегическое» («стратегическое партнерство»).

В чем же оно заключается?

Как представляется, существо данного понятия во многом созвучно девизу, предпосланному году председательства Российской Федерации в БРИКС (2020), который отражал создание и укрепление важнейших ценностей для альянса и всего мира, на что направлены усилия государств-участников: *«Партнерство БРИКС в интересах глобальной стабильности, общей безопасности и инновационного роста»*⁴. Стратегическое партнерство БРИКС для России воплощает внутренние и внешние импульсы и вызовы современного этапа политического, экономического, социального, культурного, международного и международно-правового развития страны и мира, является одним из средств решения возникающих проблем и действенным инструментом реализации государственных функций, прежде всего экономической и внешнеэкономической (а также социальной и др.) в новых условиях многополярности мироустройства.

Научно-техническое сотрудничество и развитие связей в области передовых технологий и инноваций между странами БРИКС отвечает первостепенным национальным интересам не только России, но и других участвующих государств. Будучи сферой динамично развивающейся активности для всех сторон, оно одновременно представляет собой и растущую значимость как предмет правового воздействия. Принятые в последние годы документы позволяют прийти к выводу о том, что выявленным ориентиром становится разработка *системного характера* политико-нормативной основы сотрудничества в сфере науки, техники и инноваций. Так, указанная задача ставится в качестве принципиальной составляющей сотрудничества в рамках БРИКС в научно-технической сфере, устойчиво подчеркиваемой в последних документах саммитов БРИКС⁵. Начало было положено XI и

⁴ Из числа конкретных итогов председательства Российской Федерации в БРИКС нелишне упомянуть укрепление деятельности Нового банка развития (НБР) и открытие Евразийского регионального центра НБР в Москве; одобрение порядка 60 проектов на общую сумму свыше 20 млрд долл. США. На проекты по борьбе с пандемией и минимизации ее последствий выделено 4 млрд долл. США. Всего под эти цели зарезервировано 10 млрд долл. США. Важный результат российского председательства олицетворяет принятие обновленной Стратегии экономического партнерства БРИКС на период до 2025 г. Этот концептуальный документ определяет ориентиры и приоритеты пятистороннего сотрудничества.

⁵ В частности, на это указывается в Сямэньской декларации от 4 сентября 2017 г., приложения к которой содержат достаточно красноречивый в этом отношении перечень мероприятий и актов: План действий по углублению промышленного сотрудничества стран БРИКС; План действий БРИКС по инновационному сотрудничеству на период 2017–2020 гг.; Ханчжоускую декларацию по итогам 5-й встречи министров науки, технологий и инноваций стран БРИКС; План действий на 2017–2018 гг. в рамках Рабочего плана действий стран БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций на 2015–2018 гг. Десятый саммит БРИКС (Йоханнесбург, 25–27 июля 2018 г.) стал определенной вехой в эволюции объединения, посвященной теме «БРИКС в Африке: Сотрудничество для достижения инклюзивного роста и всеобщего процветания в эпоху Четвертой промышленной революции». Акцентируя этот лейтмотив – указание на «Четвертую промышленную революцию», – саммит БРИКС наметил в числе главных направлений

XII саммитами «пятерки», поставившими главными задачами стабильность, экономический рост, инновационное будущее, которые развиты последующими форумами глав государств и правительств и старших должностных лиц вплоть до сего времени. В свете изложенного очевиден вывод: нынешний этап развития формата сотрудничества между пятью государствами, а именно Бразилией, Россией, Индией, Китаем и Южной Африкой, входящих в БРИКС, является довольно «нетипичным» для современного международного права и международных отношений и определяется нами как параорганизация, характеризуется качественным скачком вперед.

БРИКС в текущей геополитической обстановке (от БРИКС-«аутрич» к «БРИКС+»: межрегиональный уровень)

Оценки БРИКС, «БРИКС+», «БРИКС-аутрич»⁶ неразрывно связаны с современным состоянием «геополитического ландшафта» и лежат в русле учета многополярности. Этот подход основан на идее формирования полицентричного миропорядка, действующего на принципах плюрализма, разнообразия, открытости и сотрудничества, обеспечивающего тем самым участие всех заинтересованных участников в глобальных процессах, включая страны и регионы так называемого глобального Юга. Сама идея БРИКС, как представляется, соответствует концепциям полицентричности и многополярности.

Обозначенный алгоритм отражает следующий вектор в развитии рассматриваемого альянса. Как представляется, взаимодействие стран БРИКС с региональными блоками происходит на практике уже сегодня. Так, заключены формально-юридические акты (соглашения) о сотрудничестве ЕАЭС с Вьетнамом, Ираном, Китаем и другими странами: Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП (2015); Меморандум о сотрудничестве по торгово-экономическим вопросам между ЕЭК и МЕРКОСУР (2018); Меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и Комиссией Африканского союза в области экономического сотрудничества (2019). Развиваются контакты между ЕАЭС и АСЕАН и т. д. В целом межрегиональное направление сотрудничества весьма перспективно, хотя

сотрудничества в области науки, техники, инноваций (НТИ) и предпринимательства *устойчивое развитие, укрепление инклюзивного роста, динамичность развития науки, технологий и инноваций.*

⁶ Стоит напомнить, что еще в 2013 г. ЮАР стала первой страной, в рамках председательства которой на саммит стран БРИКС были приглашены представители африканских региональных организаций, и к 2017 г. сформировалась традиция развития партнерских связей в регионах стран БРИКС, которая была поддержана в той или иной степени практически всеми участниками форума. Официальные лица государств БРИКС стали говорить о перспективах БРИКС как платформы «интеграции интеграций» [Ryabkov, S., 2020, p. 6; Лагутина, М. Л., 2022, с. 68]. Хронологически же отсчет исторических предпосылок для нового формата БРИКС-аутрич может вестись еще с декларации, принятой по итогам саммита БРИКС в г. Санья, о. Хайнань (Китай), 14 апреля 2011 г., когда впервые была провозглашена идея привлечения новых партнеров к работе БРИКС.

и нельзя отрицать, что пока оно находится в начальной стадии. Важным здесь является то обстоятельство, что развитие интеррегиональных связей предусматривает определенную степень институционализации, что ставит определенные «интеграционные пределы» в части развития межрегиональной интеграции в рамках БРИКС. В сегодняшних оценках фактического положения рассматриваемой группы стран в мире есть очень важное обстоятельство: «БРИКС+» и «БРИКС-аутрич» воплощают две разноплановые тенденции: как действие глобализма, так и стремление к регионализму. Ранее они традиционно рассматривались как противоположные друг другу, а ныне становится ясной их взаимообусловленность. В форматах «БРИКС+» и «БРИКС-аутрич», по утверждению российских официальных лиц, заключен большой потенциал выстраивания устойчивых связей с заинтересованными многосторонними объединениями и государствами с формирующимися рынками и развивающимися странами [Ryabkov, S., 2020, p. 6].

В последние десятилетия в российской и зарубежной юридической литературе теоретическое обоснование регионализма в связи с БРИКС получило дополнительный импульс. В контексте новых концепций регионализма стало популярным рассмотрение БРИКС в качестве «регионального проекта нового типа», который по-разному определяется специалистами. Появилось множество предложений как по существу различных теорий, так и по терминологии, предназначенной именно для обозначения явлений, присутствующих и в самом объединении БРИКС, и новейших его форматах: «альтернативный регионализм» (Е. Б. Михайленко), «гибридная форма межрегионального взаимодействия» (Ш. Найк), «полуглобализм» или «новое видение экономической интеграции» (Я. Д. Лисоволик)⁷ и др.⁸ Выдвигаемые наименования иногда иррациональны, вплоть до комбинаций словосочетаний, которые отрицают саму сущность используемых терминов и понятий, что рождает непонимание того, о чем идет речь: «глобальный регион» и «трансрегиональный форум» («global region», «trans-regional forum») [Лагутина, М. Л., 2017, с. 69–74]. В то же время некоторым оправданием отмеченного служат, во-первых, предваряющие обзор разнообразия мнений по вопросу о понятиях и предлагаемых терминах замечания о «новых подходах к регионализму» (или типах и теориях), а во-вторых, аргументации в пользу обозначений-оксюморонов. Так, распространенным выступает указание на превалирование «функционального подхода» над «территориальностью» применительно к явлению БРИКС. Кроме того, «глобальное измерение» региона усматривается в целом списке факторов, и прежде всего том, что в рамках БРИКС уже сформировался общий взгляд на актуальную повестку дня (реформирование многосторонней системы, борьба с новыми вызовами и угрозами, устойчивое развитие и т. д.), несмотря на то что географически государства-участники расположены в разных регионах мира. Имеет место совпадение позиций стран БРИКС в отношении организации ми-

⁷ Лисоволик Я. БРИКС + новое видение экономической интеграции / Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия. 2017. URL: <https://www.nkibrics.ru/posts/show/58db64636272697138200000>.

⁸ Подробнее об этом см. также: [Лагутина, М. Л., 2022, с. 69–74].

рового порядка (приверженность идеям многополярного/полицентричного мироустройства, расширения доступа развивающихся стран к институтам глобального управления). Наконец, страны БРИКС в рамках многостороннего диалога следуют принципам так называемой новой многосторонности, предусматривающей применение гибких, неформальных инструментов сотрудничества на разных уровнях мировой политической системы, подтверждаемое совместными документами саммитов⁹. В итоге появляется еще одна квалификация: «новое внетерриториальное трансрегиональное пространство» [Лагутина, М. А., 2017, с. 72–73].

Оригинальный подход к трактовке понятия «регионализм» в связи с БРИКС демонстрирует индийский автор К. Мина, который предлагает отойти от географического понимания категории «регион» и усматривает в «регионализме» «социальный конструкт» или «геополитический вымысел» (*geopolitical imagination*). На этой основе страны БРИКС идентифицируют себя как целостность (единое целое) в глобальном мире, несмотря на отсутствие территориального соседства. Главным, по мнению упомянутого автора, выступает наличие общих черт или гомогенность участников, что обеспечивает стратегическую регионализацию БРИКС по отношению к Западу (*the West vs. The Rest*) [Meena, K., 2015].

Интересными исследованиями в затронутой сфере располагает и отечественная российская наука. Так, концепция «альтернативного регионализма» Е. Б. Михайленко базируется на постулате о том, что БРИКС является преимущественно региональным проектом, основывающимся на идеологии не «растущей силы», а «срединной силы» (*middle power*). Особенность анализируемого регионального проекта – БРИКС – строится исследователем на критерии «внетерриториальности» [Михайленко, Е. Б., 2016].

С учетом высокой степени дискуссионности приведенных позиций и обстоятельств, порождающих таковые, в науке и практике, касающихся БРИКС, можно ожидать нового обмена мнениями по поводу политологической, юридической и организационно-правовой квалификации альянса и нынешних конфигураций отношений международного взаимодействия с его участием и третьими заинтересованными сторонами. Так, определяя феномен «БРИКС-аутрич» с целью раскрытия его предмета, исследователи из Гентского института международных исследований (GIIIS, Бельгия) направляют свой анализ в рамки сравнительного подхода к исследованию: «Мы сосредоточимся на двух исследовательских задачах: а) мотивации и б) форме и степени институционализации информационно-пропагандистской деятельности БРИКС. Мы определяем информационно-пропагандистскую деятельность как совместное взаимодействие между странами БРИКС и другими субъектами внутри и за пределами региона БРИКС и фокусируемся на информационно-пропагандистской работе с правительствами стран, не входящих в БРИКС, и высшими должностными лицами, представляющими региональные организации. Во-первых, мы предлагаем теоретическую основу, базирующуюся на опыте Группы 7/8 (G7/8) и Груп-

⁹ См., в частности, содержание декларации XIII саммита БРИКС от 9 сентября 2021 г. (г. Нью-Дели, Индия).

пы 20 (G20), учитывая как общие черты, так и различия с БРИКС. Во-вторых, подробный эмпирический анализ предмета, касающегося БРИКС, мы ведем с учетом временных характеристик. В-третьих, в понимании БРИКС мы исходим из общетеоретических основ... Мы утверждаем, что аутрич-практика коллективного образования крупных государств отражает его внутреннюю силу и сплоченность, а также то, как эта деятельность воспринимается другими странами» [Zhao, H., Lesage, D., 2020, с. 68–69].

Эти положения несомненно нуждаются в реакции. Прежде всего несогласие с упомянутыми экспертами вызывает обоснование ими тождественности БРИКС и G7, G8 или G20, в качестве которого выступает теория «групповой гегемонии» канадской исследовательницы Эллисон Бейлин, прослеживаемая в непосредственных утверждениях авторов: «Эта группа (т. е. G7) взяла на себя роль приходящей в упадок великой державы (например, США) и характеризуется концентрацией экономической мощи, групповой идентичностью и приверженностью экономическому либерализму» [Zhao, H., Lesage, D., 2020, р. 69]. Невозможно проигнорировать почти полное отсутствие сходства между БРИКС и G7, за исключением, правда, того, что и то и другое – это неинституционализованные форумы государств, чем общность и исчерпывается, а все остальное серьезно разнится. При этом главным результатом проведенного сопоставления выступает квалификация «направленности гегемонии»: в G7 (а также и в G8 или G20) она имеет внешний характер, т. е. имеется в виду «гегемония по отношению к остальному миру». Привлечение же БРИКС третьих стран, не являющихся его членами, к сотрудничеству продиктовано укреплением собственных позиций в целях поиска возможностей для адекватного реагирования на вызовы времени и новых геополитических условий. К тому же, думается, вряд ли допустимо вообще в этом случае говорить о гегемонии. В итоге характер действия внешних или внутренних векторов в «БРИКС+» или «БРИКС-аутрич» (“BRICS+”/“BRICS-outreach”) обладает своеобразием, хотя в последующем может и измениться. Вместе с тем не вызывает сомнений *межгосударственная природа взаимодействия* как в первом, так и во втором форматах, следовательно, в полной мере подлежат применению принципы и нормы международного права. Что же касается самого определения формата «БРИКС-аутрич», то и оно далеко не совершенно, так как не слишком углубляется в суть предмета: «Под аутрич-практикой БРИКС мы понимаем совместное взаимодействие между странами – участницами объединения (правительствами и институтами) и другими акторами внутри и за пределами региона БРИКС, такими как другие правительства, многосторонние институты, бизнес и гражданское общество» [Zhao, H., Lesage, D., 2020, р. 68–69].

Принципы, основные принципы международного права и *jus cogens*

Несмотря на участившееся отрицание не только на Западе, но иногда и в России международного права в целом, равно как и его принципов, распространённым подходом отечественной правовой науки, касающимся юридических начал взаимного сотрудничества стран БРИКС, служит помещение их в рамки принципов международного права. В то же время это

требует предметного анализа, в ходе которого необходимо вычленить политико-правовое значение, роль и место принципов сотрудничества БРИКС в системе международного права и их соотношение с основными принципами Устава ООН. Проблемы, связанные с указанным дискурсом, формируют главное направление в дальнейшем развитии фундаментальной части теории международного права, поскольку она непосредственно связана со многими жизненно важными аспектами, преобладающими в настоящее время в международных отношениях.

Взаимодействие различных государств в области науки, техники, технологий и инноваций составляет в современном мире значительную часть международного экономического сотрудничества, закладывающего в ряде случаев ориентиры для дальнейших перспектив в направлении стратегического партнерства и даже интеграционных связей в целом. Является аксиомой, что в случаях осуществления какого-либо вида сотрудничества в любой его сфере основополагающую роль выполняют принципы правового регулирования как специальные регуляторы, обеспечивающие необходимое воздействие на соответствующие общественные отношения.

Ничего не меняется в такого рода утверждениях и применительно к БРИКС. Здесь также стоит задача доктринальной разработки вопроса о системе международно-правовых принципов, структурных элементов, их особенностей и т. п. На передний план международно-правовой теории выступает прежде всего вопрос существа: что такое принцип. Кроме того, острой является проблема дифференциации принципов в системе международного права. Наконец, требует уточнения понимание особой роли главенствующей категории принципов – основных («общепризнанных») принципов – как для функционирования самой системы позитивного международного права, так и для ориентирования в соответствующих понятиях международно-правовой науки. Поскольку в одной публикации нет возможности даже кратко осветить обозначенные направления, единственным средством выступает обозначение хотя бы некоторых реперных точек в требующемся анализе. В частности, центральным звеном должно послужить формулирование ряда положений относительно обоснования наличия у принципов международного права нормативности как неотъемлемого их качества, функционального назначения принципов в системе международного права, их природы, места, дифференциации.

Речь прежде всего идет о руководящих нормах, обладающих обязательным и неоспоримым характером, которые в советской и российской доктрине традиционно именуется «основными принципами» [Пушмин, Э. А., 1980]. В связи с этим выявляется потребность в сопоставлении данного понятия с императивными нормами международного права, которые в западной доктрине преимущественно обозначаются термином *jus cogens*. При этом сказанное вовсе не означает, что отечественной науке абсолютно чужд термин *jus cogens*, а зарубежные авторы не пользуются категорией «основные принципы». Здесь важно сделать пояснение: термин «основные принципы» фигурирует лишь единожды в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г., содержащей Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотруд-

ничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. В этой Декларации указывается, что интерпретируемые ею семь принципов являются «основными», хотя ни в Уставе ООН, ни в Декларации принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях (Хельсинкский заключительный акт СБСЕ), не присутствуют ни само подобное словосочетание, ни его определение. В свете изложенного не устранена неясность: являются ли анализируемые понятия – «основные принципы» и *jus cogens* – тождественными и синонимичны ли, следовательно, данные термины, а также (и это самое главное!) что из них больше воплощает в себе сущность международного права? Между тем доклады Специального докладчика и другие материалы Комиссии международного права ООН (КМП ООН) по теме *jus cogens* избегают оперирования терминами «принципы», «основные принципы» международного права. Почему? Вопросов возникает немало...

Принято считать, что понятие и термин «основные принципы» или «общепризнанные принципы» международного права – «детище», принадлежность и достояние советской (а ныне российской) науки [Абашидзе, А. Х., 2017; Ануфриева, Л. П., 2019; Ануфриева, Л. П., 2021a; Ануфриева, Л. П., 2021b; Нефедов, Б. И., 2019; Сяньхэ, И., 2015; Черниченко, С. В., 2020; Алексидзе, Л. А., 1969; Исполинов, А. С., 2014], хотя есть немногочисленные примеры зарубежных публикаций, оперирующих указанной терминологией. Так, ее используют известный уругвайский юрист Э. Хименес де Аречага (Eduardo Jiménez de Aréchaga) [Хименес де Аречага, Э., 1983], видный итальянский юрист-международник А. Кассизи [Cassese, A., 2005]. Первый из них обращается к «общим принципам международного права, регулирующим поведение государств», трактуя их как предписания, входящие в разряд основополагающих норм. Второй ученый именует их как «основные (в буквальном прочтении *фундаментальные*. – Л. А.) принципы, регулирующие международные отношения».

В дополнение укажем, что категории «основные», «выражающие суть правовых положений о международных отношениях», а также «общие принципы международного права» не чужды и немецкой науке [Граф Витцтум, В., Боте, М., Дольцер, Р., и др., 2015]. На фоне весьма широкого, если не сказать преобладающего, распространения в международно-правовой литературе и практике международных органов категории *jus cogens* обращают на себя внимание факты иных подходов. Например, в статье Рафаэля Нието-Навиа проскальзывает идея приравнивания «основополагающих принципов международного права» и *jus cogens*, что не является типичным. Со ссылками на авторитетных предшественников он пишет: «Понятие *jus cogens* в международном праве охватывает понятие императивных норм в международном праве. В этой связи сформировалось мнение о том, что существуют некоторые основополагающие принципы международного права, которые образуют “свод *jus cogens*”. Эти принципы являются принципами, от которых в качестве следствия того, что это является общепризнанным, ни одно государство не может отступать в силу соглашения» [Nieto-Navia, R., 2003, p. 595]. Приведем мнение Х. Лаутерпахта: в комментарии к проекту статей Конвенции о праве договоров (ст. 15) он рас-

сма­три­вал нор­мы *jus cogens* «как прин­ципы, кон­сти­ту­и­ру­ю­щие ме­жду­на­род­ный пуб­лич­ный по­ря­док»¹⁰. На­ко­нец, по­ло­же­ния, сфор­му­ли­ро­ван­ные в хо­ро­шо из­вест­ных «Прин­ци­пах ме­жду­на­род­но­го пуб­лич­но­го пра­ва» Й. Броу­н­ли, по­ка­зы­ва­ют, что уче­ный убе­жден: «...су­ще­ств­у­ют оп­ре­де­лен­ные ос­но­во­по­ла­га­ю­щие прин­ци­пы ме­жду­на­род­но­го пра­ва, об­ра­зу­ю­щие со­во­куп­ность *jus cogens*», что оз­на­ча­ет не что иное, как пред­по­ла­га­е­мую ав­то­ром презумп­цию эк­ви­ва­лен­тно­сти ме­жду по­ня­ти­ем «прин­ци­пы» ме­жду­на­род­но­го пра­ва и его нор­ма­ми *jus cogens* [Brownlie, I., 2003, p. 488]. На­ко­нец, наи­бо­лее при­ме­ча­тель­ные за­ме­ча­ния в кон­тек­сте об­суж­да­е­мо­го дис­кур­са со­дер­жат­ся в заяв­ле­нии Три­ни­да­да и То­ба­го, сде­лан­ном на пять­де­сят ше­ст­ом за­се­да­нии Ко­ми­те­та пол­но­го со­ста­ва в рам­ках Кон­фе­рен­ции Ор­га­ни­за­ции Объ­е­ди­ен­ных На­ций по пра­ву ме­жду­на­род­ных до­го­во­ров, где бы­ло заяв­ле­но: «Об­щие мно­го­сто­рон­ние до­го­во­ры, та­кие как Устав Ор­га­ни­за­ции Объ­е­ди­ен­ных На­ций, та­же мо­гут бы­ть ис­точ­ни­ком нор­м, име­ю­щих ха­рак­тер *jus cogens*» [пункт 63]¹¹. При этом ва­жно об­ра­тить вни­ма­ние на су­ще­ствен­ную де­таль: хо­тя им­п­ли­цит­но здесь и при­сут­ствует ва­ж­ный вы­вод о до­пу­ще­нии ус­мо­т­ре­ния в прин­ци­пах Уста­ва ООН нор­м *jus cogens*, од­на­ко яв­ное ука­за­ние на то, что ос­нов­ные прин­ци­пы *prima facie* и есть *jus cogens*, от­сут­ствует¹². Пред­став­лен­ное сви­де­тель­ствует об от­сут­ствии, как в док­три­не, так и в прак­ти­че­ском плане ре­а­ли­за­ции меж­го­су­дар­ствен­ных от­но­ше­ний, раз­вер­ну­той и проч­ной ба­зы ар­гу­мен­та­ции увяз­ки рас­смот­ре­ния нор­м *jus cogens* че­рез при­зму ос­нов­ных прин­ци­пов ме­жду­на­род­но­го пра­ва.

В ка­че­стве зна­чи­мо­го ито­га их со­по­став­и­тель­но­го ана­ли­за пред­став­ля­ется оп­рав­дан­ной бе­зо­го­во­роч­ная кон­ста­та­ция то­го, что ни одна из ука­зан­ных двух ка­те­го­рий нор­м не про­ти­во­ре­чит, во-пер­вых, ни со­гласитель­ной (ком­про­мис­с­ной/кон­сен­сус­ной) при­ро­де ме­жду­на­род­но­го пра­ва, во-вто­рых, ни по­зи­ци­о­ни­ро­ва­нию их ие­ра­рхиче­ски на са­мом вы­со­ком уровне, в-тре­ть­их, ни тре­бо­ва­нию в от­но­ше­нии их при­ня­тия и при­зна­ния ме­жду­

¹⁰ См.: The Commentary to the Draft Articles on the Law of Treaties // Yearbook of the International Law Commission. 1966. Vol. I (United Nations publication, Sales No. 67) Pt. II, chap. II. Para. 4 of the commentary to draft article 15.

¹¹ Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session, Vienna, 26 March – 24 May 1968: Summary Records of the Plenary Meetings and of the Meetings of the Committee of the Whole (United Nations publication, Sales No. E. 68. V. 7).

¹² Еще одним предметом для смешения в международном праве служит явление «общих принципов права», которые нередко помещаются в категорию собственно принципов международного права, с чем трудно согласиться. КМП ООН в свою очередь отвела этому вопросу особое место в программе своей деятельности, включив его в повестку в качестве темы текущей работы (см.: Комиссия международного права. Семьдесят вторая сессия. Женева, 27 апреля – 5 июня и 6 июля – 7 августа 2020 г. Второй доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом). Подробнее о месте и научных подходах к общим принципам права в юридической науке см.: [Ануфриева, А. П., 2020; Ромашев, Ю. С., 2021].

народным сообществом в целом как состоявшегося факта. При этом было бы искажением действительности умолчать о том, что далеко не все государства и теоретики единодушно разделяют концепцию *jus cogens*: существует целый пласт литературных источников и выступлений представительниц государств, свидетельствующих в пользу критичного настроения в отношении указанного предмета¹³.

С учетом изложенного полагаем: *jus cogens* выражает идею существования международного *lex superior*. Предполагается, что нормы *jus cogens* обладают уровнем, превышающим по своей юридической силе когентность «рядовых» предписаний общего международного права. В самой природе иерархически высшей нормы права заложено то, что она применима без каких-либо ограничений как к субъектам и их действиям, так и к сферам и видам межгосударственных общественных отношений.

Специальные принципы правового регулирования международного сотрудничества БРИКС

Преобладающая задача текущей регламентации связей БРИКС во всей полноте новых инструментов их оформления заключается в установлении предпочтительных форматов сотрудничества, а именно – в отборе организационных средств достижения экономических целей, поставленных саммитами БРИКС в качестве главных ориентиров, и определении адекватной правовой основы, соответствующей природе, задачам и стратегии сотрудничества.

БРИКС, как уже не раз указывалось, подобно многим ассоциациям, объединениям, форумам неформального характера, не есть юридически оформленное объединение – международная организация в собственном смысле слова. Тем не менее сотрудничество государств в рамках БРИКС не может быть лишено вообще какого-либо юридического фундамента, в качестве которого и выступает свод принципов, совместно сформулированных участниками.

Соответствующий дискурс, охватывающий характер, классификацию, перечень и юридическое содержание таких принципов, их соотношение с принципами общего международного права, представляет собой серьезную не только по содержанию, но и по объему теоретическую проблему в современном правоведении. В частности, несомненно, что, выступая неотъемлемой частью глобального межгосударственного взаимодействия, сотрудничество стран БРИКС, например, в экономической сфере базируется на принципах международного экономического права (МЭП). Следовательно, будучи отраслевыми принципами, они распространяют свое действие и на взаимные связи участников БРИКС между собой, и на их отношения с третьими государствами в области экономики. Стоит подчеркнуть в этом плане, что принципы МЭП в рамках указанной сферы обладают универсальностью. По сравнению с ними принципы сотрудничества, признанные либо выработанные членами БРИКС для отношений друг с другом, подобным качеством универсальности характеризоваться не мо-

¹³ Это, в частности, А. Д'Амато, У. Линдерфолк, Р. Нието-Навиа, а также не одно поколение представителей Франции.

гут, если только речь не идет об обращении партнеров к основополагающим (основным) принципам международного права как всеобщим императивным нормам. Остановившись на положениях, касающихся «специальных», конкретных принципов сотрудничества БРИКС в отдельных областях, которые составляют адекватный юридический базис для рассматриваемых отношений данных государств на современном этапе, нельзя не выделить среди них также правила, имеющие общее действие в современных «инновационных» сферах, как, скажем, совместное развитие новейших технологий и фундаментальных научных исследований. При этом несомненно, что интегральной частью всей системы правового регулирования взаимодействия стран БРИКС, в какой бы форме оно ни происходило, выступают принципы, сложившиеся в международном научно-техническом сотрудничестве общего масштаба. Модели поступательного развития взаимных связей в рамках БРИКС основываются на учете традиционных правовых механизмов, инструментов, принципов и форм сотрудничества в параллели с разработкой таковых новых, адаптированных к современным условиям, целям и потребностям участвующих субъектов. Это означает, что основные принципы и нормы международного права, его отраслевые (секторальные) и специальные принципы соотносятся с особенностями взаимодействия и, следовательно, применимы к нему без всяких изъятий, хотя, по существу, главным релевантным условием действительности правового регулирования анализируемых межгосударственных отношений следует считать их соответствие основополагающим принципам международного права, заложенным в фундамент всей системы последнего.

Перечни и содержание вышеприведенных разрядов руководящих норм в качестве принципов разнятся и дифференцируются в зависимости от их категориальной принадлежности, имеют обусловленное этим место в иерархии норм и юридическую силу. Так, принципы торгово-экономического, научно-технического, промышленного и технологического, инновационного сотрудничества в рамках БРИКС текстуально отличаются от формул принципов Устава ООН, именуемых в литературе по международному праву «основными принципами». Вместе с тем это отнюдь не означает, что принципы сотрудничества БРИКС отступают или тем более идут вразрез с существом принципов Устава ООН.

Современная международная действительность объективно создает условия для поддержки курса на усиление «базовых опор» в международной системе и международном праве в виде суверенного государства, принципов уважения государственного суверенитета, национальных интересов, суверенного равенства, взаимной выгоды, равных прав и равных возможностей. Важно также подчеркнуть, что ход настоящего этапа в развитии БРИКС так или иначе детерминирует постановку вопроса о необходимости ускорения разработки *принципиальной основы сотрудничества* участвующих в нем государств. Политические результаты последних встреч на высшем уровне руководителей стран БРИКС, закрепленные формально в документах саммитов, позволяют вычлениить некоторые из ведущих принципов экономического и иных видов сотрудничества стран БРИКС, выдвинутых самой практикой осуществления взаимных связей. Так, постановка зада-

чи в части реализации «целенаправленных и согласованных усилий по наращиванию динамики всестороннего и многоуровневого сотрудничества» породила потребность в принципах развития и многосторонности. Цель установления более справедливого, равноправного, честного, демократического и представительного международного политического и экономического порядка, заданная на предыдущих саммитах и этапах сотрудничества, привела к недвусмысленному формулированию принципов открытости, честности и справедливости в целях обеспечения мира и стабильности на международном и региональном уровнях, взаимного уважения и взаимопонимания, равенства, солидарности, инклюзивности и взаимовыгодности сотрудничества, учета интересов, уважения права каждого государства на выбор путей развития.

Заключение

Расширение БРИКС – явление объективного порядка, генерируемое трансформацией современного мироустройства, которое обуславливает ряд серьезных последствий не только для политического (геополитического) или экономического раскладов, но и существенно сказывающихся на правовой сфере. Следует согласиться с высказываемыми в литературе и публичных выступлениях положениями, выражающими прогностический взгляд на будущее развитие связей между участниками объединения, которые не ограничиваются констатацией в указанном факте лишь количественной стороны. Речь идет о качественно иных подходах к оценкам характера взаимных связей между государствами БРИКС и новыми партнерами, вступившими в круг сотрудничества. В частности, ставится задача применения «новаторских подходов к экономической интеграции», имея в виду цели расширения сотрудничества между ведущими экономиками глобального Юга и крупнейшими блоками региональной интеграции во главе со странами БРИКС. В качестве основы данного процесса указывается на «потенциальный мегаблок», объединяющий региональные интеграционные механизмы под обобщающим наименованием BEAMS (БИМСТЕК, ЕАЭС, АС, МЕРКОСУР и ШОС) и БРИКС, опосредствующие альтернативные институты, способные дать дополнительные возможности для обеспечения открытости и либерализации в развивающемся мире¹⁴.

Что касается другой части затрагиваемых в настоящем исследовании проблем, а именно относящихся к принципам международного права, то нельзя не подчеркнуть: формулировки и наименования *целей, задач, главенствующих положений*, касающихся практики взаимодействия государств БРИКС, свидетельствуют о том, что зафиксированные документами правила еще не выступают юридически законченными формулами, способными быть положенными в основу определения правомерности либо неправомерности поведения государств БРИКС как субъектов международного права и в подлежащих случаях активирования процедур между-

¹⁴ См.: Лисоволик Я. BEAMS как несущая опора в строительстве глобальной экономической архитектуры. 2018. URL: <https://ru.valdaicclub.com/a/highlights/beams-nesushchaya-opora>.

народной ответственности. Это в большей степени скорее «декларации» (декларативные пожелания), «программные установки», нежели юридические правила. Думается, пока они занимают промежуточное положение между так называемым «мягким» правом и правом в собственном смысле. В то же время нельзя отказывать таким положениям в перспективе обрести качество принципов международного сотрудничества данного неформального объединения в нормативном плане. Обозначенная «промежуточность» представляет собой закономерный процесс с точки зрения «механики» и диалектики правотворчества: сначала выявляются потребности, затем осознается необходимость юридического объективирования соответствующих цели и задачи, наконец, обозначаются контуры правовой нормы (норм) и затем формулируется ее (их) содержание.

Равным образом сказанное не означает отрицания в целом наличия в нынешних основах сотрудничества между странами БРИКС юридически обязательных норм международного права. Различия в механизмах обретения юридической обязательности правилами поведения позволяют предположить: правила, относящиеся к фундаменту сотрудничества БРИКС, могут стать обязательными не за счет помещения их в декларации саммитов или иные совместные документы государств, имеющие рекомендательный характер, а в результате того, что они закреплены в актах международного права, обладающих универсальностью, общепризнанностью и, следовательно, нормативностью в юридическом смысле. В частности, принципы равноправия, взаимной выгоды, взаимности, самостоятельности в определении форм участия в сотрудничестве с другими государствами, а также координации, интеграции и партнерства представляют собой преломление в принципах сотрудничества БРИКС отраслевых принципов международного экономического права. В то же время как первые, так и вторые удовлетворяют главному критерию действительности правовой базы взаимодействия, о котором говорилось ранее, – условию соответствия «твердому праву» («hard law»), опосредствуемому основными принципами современного международного права, которые зафиксированы в Уставе ООН, Заключительном акте СБСЕ и т. д., или императивным нормам *jus cogens*. Это напрямую применимо к Сямэньской, Йоханнесбургской, Пекинской и другим декларациям, где предусматривается «справедливый и равноправный международный порядок при центральной роли Организации Объединенных Наций на основе целей и принципов, закрепленных в Уставе Организации Объединенных Наций, и соблюдения норм международного права, приверженность принципам демократии и верховенства права в международных отношениях».

С другой стороны, современное международное право пока, скажем, не располагает «принципом инклюзивности», который часто упоминается в документах БРИКС. Следовательно, на данном этапе эти положения не могут считаться нормативными. Вместе с тем появление в широком международном масштабе соответствующего акта (или ряда актов), содержащего в своем корпусе обязывающие предписания, касающиеся инклюзивности, при наличии необходимых условий, возможно, позволит изменить существующую ситуацию.

Список источников

- Абашидзе А. Х. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера // Московский журнал международного права. 2017. № 4. С. 19–30. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-19-30.
- Алексидзе Л. А. Проблема *juscogens* в современном международном праве // Советский ежегодник международного права. М. : Наука, 1969. С. 127–149.
- Ануфриева Л. П. Enigma российской Конституции 1993 года: «общепризнанные принципы и нормы международного права» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 4–25. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.3.4.25.
- Ануфриева Л. П. Понятие «общие принципы права» в теории международного права // Актуальные проблемы современного международного права : материалы XVII Междунар. конгр. «Блищенковские чтения». Москва, 13 апр. 2019 г. : в 2 ч. Ч. 1. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев. М. : Изд-во РУДН, 2020. С. 32–41. ISBN: 978-5-209-10018-8.
- Ануфриева Л. П. Принципы в современном международном праве (некоторые вопросы понятия, природы, генезиса, сущности и содержания) // Московский журнал международного права. 2021a. № 1. С. 6–27. DOI: 10.24833/0869-0049-2021-1-6-27.
- Ануфриева Л. П. Продолжая дискуссию о собственно «принципах» в современном международном праве и не только... // Московский журнал международного права. 2021b. № 2. С. 6–34. DOI: 10.24833/0869-0049-2021-2-6-34.
- Граф Витцгум В., Боте М., Дольцер Р. и др. Международное право = *Völkerrecht* : пер. с нем. Кн. 2. М. : Инфотропик Медиа, 2015. (Сер.: «Германская юридическая литература: современный подход»). 1072 с. ISBN: 978-5-9998-0200-2.
- Исполинов А. С. *Jus cogens* в решениях международных и национальных судов // Российский юридический журнал. 2014. № 6. С. 7–14.
- Лагутина М. А. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века (на примере Евразийского союза) : дис. ... д-ра полит. наук. М., 2017. 422 с.
- Лагутина М. А. Региональное измерение сотрудничества стран БРИКС // Международная аналитика. 2022. Т. 13, № 1. С. 66–82. DOI: 10.46272/2587-8476-2022-13-1-66-82.
- Михайленко Е. Б. Альтернативный регионализм БРИКС // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2016. Т. 11, № 3. С. 194–206.
- Нефедов Б. И. Принципы в международном праве: терминология // Московский журнал международного права. 2019. № 1. С. 6–17. DOI: 10.24833/0869-0049-2019-1-6-17.

- Пушмин Э. А. О понятии основных принципов современного общего международного права // Советский ежегодник международного права. М. : Наука, 1980. С. 72–85.
- Ромашев Ю. С. Общие принципы права в системе международного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 148–174. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.3.148.174.
- Сяньхэ И. Международное право сопргрессирования: общая характеристика, нормативное обоснование и некоторые основные принципы // Российский юридический журнал. 2015. № 5. С. 56–70.
- Хименес де Аречага Э. Современное международное право / пер. с исп. Ю. И. Папченко. М. : Прогресс, 1983. 480 с.
- Черниченко С. В. Базовые принципы международного права: диапазон усвершенствования // Евразийский юридический журнал. 2020. № 5. С. 30–35.
- Brownlie I. Principles of Public International Law. 6th ed. Oxford : Oxford University Press, 2003. 742 p. ISBN: 0199260710.
- Cassese A. International Law. 2nd ed. Oxford University Press, USA, 2005. 558 p. ISBN: 0199259399.
- Meena K. Regions, Regionalization and BRICS // Revolutions: Global Trends and Regional Issues. 2015. Vol. 3, no. 1. P. 18–42.
- Nieto-Navia R. International peremptory norms (jus cogens) and international humanitarian law // Man's Inhumanity to Man: Essays on International Law in Honour of Antonio Cassese / eds. Lal Chand Vorah et al. The Hague : Kluwer law international, 2003. P. 595–640. ISBN: 90-411-1986-8.
- Ryabkov S. Priorities of the Russian BRICS Chairmanship in 2020 // International Affaires. BRICS/Russia. Special Issue. 2020. P. 6–9.
- Zhao H., Lesage D. Explaining BRICS Outreach: Motivations and Institutionization // International Organisations Research Journal. 2020. Vol. 15, no. 2. P. 68–91. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-05.

References

- Abashidze, A. Kh., 2017. Principles of international law: conceptual and substantive problems. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* = Moscow Journal of International Law, 4, pp. 19–30. (In Russ.) DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-19-30.
- Aleksidze, L. A., 1969. [The problem of jus cogens in modern international law]. *Sovetskiy yezhegodnik mezhdunarodnogo prava* = [Soviet Yearbook of International Law]. Moscow: Nauka. Pp. 127–149. (In Russ.)
- Anufrieva, L. P., 2019. Enigma of the Constitution of Russian Federation 1993: “generally recognized principles and norms of international law”. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 3, pp. 4–25. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2019.3.4.25.

Anufrieva, L. P., 2020. [The concept of “general principles of law” in the theory of international law]. In: A. Kh. Abashidze, A. M. Solntsev, eds. *Aktual'nyye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava*. = [Current problems of modern international law]. Materials of the XVII International Congress “Blishchenko Readings”. Moscow, April 13, 2019. In 2 pts. Pt. 1. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia Publishing House. Pp. 32–41. (In Russ.) ISBN: 978-5-209-10018-8.

Anufrieva, L. P., 2021b. Continuing the discussion about the actual “principles” in modern international law and not only... *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* = Moscow Journal of International Law, 2, pp. 6–34. (In Russ.) DOI: 10.24833/0869-0049-2021-2-6-34.

Anufrieva, L. P., 2021a. Principles in modern international law (certain issues of concept, nature, genesis, substance and scope). *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* = Moscow Journal of International Law, 1, pp. 6–27. (In Russ.) DOI: 10.24833/0869-0049-2021-1-6-27.

Brownlie, I., 2003. *Principles of Public International Law*. 6th ed. Oxford: Oxford University Press. 742 p. ISBN: 0199260710.

Cassese, A., 2005. *International Law*. 2nd ed. Oxford University Press. USA. 558 p. ISBN: 0199259399.

Chernichenko, S. V., 2020. Basic principles of international law: scope of improvement. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* = Eurasian Law Journal, 5, pp. 30–35. (In Russ.)

Graf Vitzthum, W., Bothe, M., Doltser, P., et al., 2015. *Mezhdunarodnoye pravo = Völkerrecht = [International law]*. Transl. from Germ. B. 2. Moscow: Infotropik Media. (Series “German legal literature: a modern approach”). 1072 p. ISBN: 978-5-9998-0200-2. (In Russ.)

Ispolinov, A. S., 2014. Jus cogens norms in judgments of international and national courts. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* = Russian Juridical Journal, 6, pp. 7–14. (In Russ.)

Jiménez de Aréchaga, E., 1983. *Sovremennoye mezhdunarodnoye pravo* = [Modern international law]. Transl. from Spanish by Yu. I. Papchenko. Moscow: Progress. 480 p. (In Russ.)

Lagutina, M. L., 2017. *Global'nyy region kak element mirovoy politicheskoy sistemy XXI veka (na primere Yevraziyskogo soyuza)* = [Global region as an element of the world political system of the 21st century (on the example of the Eurasian Union)]. Dr. Sci. (Polit.) Dissertation. Moscow. 422 p. (In Russ.)

Lagutina, M. L., 2022. Regional dimensions of BRICS cooperation. *Mezhdunarodnaya analitika* = Journal of international analytics, 13(1), pp. 66–82. (In Russ.) DOI: 10.46272/2587-8476-2022-13-1-66-82.

Meena, K., 2015. Regions, Regionalization and BRICS. *Revolutions: Global Trends and Regional Issues*, 3(1), pp. 18–42.

Mikhaylenko, E. B., 2016. BRICS' Alternative Regionalism. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3: Obshchestvennyye nauki* =

[News of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences], 11(3), pp. 194–206. (In Russ.)

Nefedov, B. I., 2019. Principles in international law: terminology. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* = Moscow Journal of International Law, 1, pp. 6–17. (In Russ.) DOI: 10.24833/0869-0049-2019-1-6-17.

Nieto-Navia, R. International Peremptory Norms (jus cogens) and International Humanitarian Law. In: Lal Chand Vorah, et al., eds. *Man's Inhumanity to Man: Essays on International Law in Honour of Antonio Cassese*. The Hague: Kluwer Law International. Pp. 595–640. ISBN: 90-411-1986-8.

Pushmin, E. A., 1980. On the concept of the basic principles of modern general international law. *Sovetskiy yezhegodnik mezhdunarodnogo prava* = [Soviet Yearbook of International Law]. Moscow: Nauka. Pp. 72–85. (In Russ.)

Romashev, Yu. S., 2021. General Principles of Law in the System of International Law. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* = [Law. Journal of the Higher School of Economics], 3, pp. 148–174. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2021.3.148.174.

Ryabkov, S., 2020. Priorities of the Russian BRICS Chairmanship in 2020. *International Affaires. BRICS/Russia. Special Issue*, pp. 6–9.

Yee Sienho, 2015. The international law of co-progressiveness: the descriptive observation, the normative position and some core principles. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* = Russian Juridical Journal, 5, pp. 56–70. (In Russ.)

Zhao, H., Lesage, D., 2020. Explaining BRICS Outreach: Motivations and Institutionization. *International Organizations Research Journal*, 15(2), pp. 68–91. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-05.

Информация об авторе / Information about the author

Ануфриева Людмила Петровна, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 1).

Liudmila P. Anufrieva, Dr. Sci. (Law), Professor of the International Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (build. 1, 9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 05.10.2023; одобрена после рецензирования 18.10.2023; принята к публикации 20.10.2023.

Submitted: 05.10.2023; reviewed: 18.10.2023; revised: 20.10.2023.

Научная статья

УДК 341.161

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.175-192

Статус коренных народов в международном праве

Наталья Алексеевна Чернядьева

*Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия, Симферополь, Российская Федерация
chernyadnatalya@yandex.ru*

Аннотация

Введение. В 2022 году в системе ООН было провозглашено Международное десятилетие языков коренных народов (2022–2032). Таким образом, проблема коренных народов приобретает повышенную актуальность в международном праве. При этом в международном праве ООН до сих пор не выработано определение понятия «коренные народы». Задачей исследования стало выявление характерных черт данной категории, ее наиболее эффективной правовой защиты согласно нормам международного права.

Методы. В основе использованной методологии лежат общенаучные и специальные для юридической науки методы, прежде всего формальный юридический анализ. Теоретические выводы подкрепляются примерами международной судебной практики.

Результаты исследования. В статье показаны специфические черты коренных народов как особого субъекта международного права прав человека. Предложено создать особый международно-правовой режим защиты тех коренных народов, которые находятся под угрозой исчезновения.

Обсуждение и заключение. По результатам исследования сделан ряд выводов, из которых наиболее значимыми являются следующие: можно считать общепризнанными три признака, из которых единственным особым признаком (по сравнению с признаками родовой категории – народа в международном праве) является исконная, историческая связь с территорией проживания; под территорией коренного народа предлагается понимать географическую область, в которой этот народ либо его предок проживал в период ее завоевания или колонизации или в период установления существующих государственных границ; подлежит критике дискриминационное представление о коренных народах как об исключительно постколониальных либо не вышедших из стадии племенного развития; под защитой норм международного права должны находиться особые качества коренных народов, прежде всего цивилизационная (этническая) самобытность.

Ключевые слова: права человека, коренные народы, защита прав, цивилизационная самобытность, уязвимая группа

Для цитирования: Чернядьева Н. А. Статус коренных народов в международном праве // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 4. С. 175–192. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.175-192.

Original article

The Status of Indigenous Peoples in International Law

Natalia A. Chernyad'eva

*Crimean Branch, Russian State University of Justice, Simferopol,
Russian Federation*

For correspondence: chernyadnatalya@yandex.ru

Abstract

Introduction. The International Decade of Indigenous Languages (2022–2032) was proclaimed in 2022 by the UN system. Thus, the problem of indigenous peoples acquires increased relevance in international law. At the same time, the definition of the concept of “indigenous peoples” has not yet been developed in UN law. Identification of the characteristic features of this category has become the task of the study.

Methods. General scientific and special methods for legal science, primarily formal legal analysis, underlie the methodology used. Theoretical conclusions are supported by examples of international judicial practice.

Results. Specific features of indigenous peoples as a special subject of international human rights law are shown in the article. The author proposes to create a special international legal regime for the protection of those indigenous peoples who are endangered.

Discussion and Conclusion. Based on the results of the study, a number of conclusions were drawn. The author considers the most significant: three features can be considered generally recognized. The only special feature (compared to the features of the generic category – the people in international law) is the original, historical connection with the territory of residence. The geographical area in which this people or their ancestor lived during the period of its conquest or colonization, or during the establishment of existing state borders, is proposed to be understood as the territory of the indigenous people. The notion of indigenous peoples as exclusively post-colonial or as not emerging from the stage of tribal development, is subject to criticism as discriminatory. The special qualities of indigenous peoples, primarily civilizational (ethnic) identity, must be protected by the norms of international law.

Keywords: human rights, indigenous peoples, protection of rights, civilizational identity, vulnerable group

For citation: Chernyad'eva, N. A., 2023. The status of indigenous peoples in international law. *Pravosudie/Justice*, 5(4), pp. 175–192. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.175-192.

Без нас для нас ничего нет.

Лозунг коренных народов¹

Введение

В 2022 году началось Международное десятилетие языков коренных народов (2022–2032), провозглашенное Генеральной Ассамблеей ООН в соот-

¹ Лос-Пиносская декларация (Чапультепек) «Проведение Десятилетия действий в поддержку языков коренных народов». Doc. CI-IYIL2019/RP/2020. 2020. URL: <http://old.unesco.kz/publications/2021/ci/Los-Pinos-Russian.pdf>.

ветствии с рекомендацией Постоянного форума по вопросам коренных народов с целью «...привлечь внимание к проблеме катастрофической утраты таких языков и настоятельной необходимости сохранять, возрождать и популяризировать эти языки»².

Таким образом, можно ожидать повышенное внимание к проблеме коренных народов со стороны системы ООН в ближайшие годы. Это имеет объективные основания. По мнению экспертов ООН, к концу XXI в. от 50% (оптимистичная оценка) до 95% (пессимистичная оценка) современных разговорных языков исчезнут или окажутся под угрозой исчезновения: «Вполне возможно, что к концу этого столетия у человечества останется всего 300–600 устных языков, которым ничто не угрожает»³. Очевидно, что абсолютное большинство из этих языков принадлежат малым группам – тем, кого принято называть «коренными народами» [Мухарьямов, Н. М., 2022, с. 26].

Процесс исчезновения языка может быть связан с исчезновением носителя, как это случилось, например, с кереками – палеоазиатским народом, еще недавно жившим в Чукотском автономном округе. В марте 2022 г. скончался последний керек. Язык этого народа перешел в разряд вымерших. Другой путь прекращения языка – это отказ от него (вынужденный – под влиянием внешних факторов, в том числе и из-за дискриминационной государственной политики, или спонтанный – в силу особенностей глобализации) [Каграманов, А. К., 2022, с. 185].

При этом очевидно, что исчезновение языка объективно будет свидетельствовать и об исчезновении самобытной культуры этноса-носителя. Родной язык – это средство самосохранения народа. Как писал К. Д. Ушинский, «...когда исчезает язык – нет народа более... Отнимите у народа все – и он все сможет воротить, но отнимите язык – и он никогда более не создаст его... вымрет язык в устах народа – вымер и народ»⁴.

Несомненна также связь национального языка и культуры. Подчеркнем, что право использования национального языка относится к естественным гражданским (личным) правам. При этом право на язык, как и большинство иных прав человека, образующих международно-правовой гуманитарный стандарт, действует в соответствии с принципом неделимости: оно должно толковаться и применяться с учетом взаимозависимости и взаимообусловленности всех основных прав человека [Абашидзе, А. Х., и др., 2020, с. 112]. Это применимо и к языковым аспектам культурных прав человека [Янь, Ц., 2022, с. 179]. Устное народное творчество (сказы, мифы, песни, частушки) есть квинтэссенция души любого народа, невозможная в иной, чем в национальной, языковой парадигме.

² Doc. A/RES/74/135. 23 January 2020. Para. 24. URL: https://www.un.org/ru/ga/third/74/third_res.shtml.

³ International Decade of Indigenous Languages 2022–2032. URL: <https://www.un.org/development/desa/indigenouspeoples/indigenous-languages.html>.

⁴ Ушинский К. Д. Родное слово. Книга для детей и родителей. Новосибирск : Дет. лит., 1994. С. 374.

Неотделимость национального языка и культуры нашла отражение в документах ООН.

Например, в Лос-Пиносской декларации (Чапультепек, 2020 г.) подчеркивается, что языки коренных народов «...поддерживают древние и традиционные знания, которые связывают человечество с природой»⁵ (курсив наш. – Н. Ч.).

В резолюции от 4 ноября 2022 г. Третьего комитета (социальные и гуманитарные вопросы и вопросы культуры) Генеральной Ассамблеи ООН признается важность для коренных народов *возрождения, использования, развития и передачи будущим поколениям их истории, языков, традиций устного творчества, культур, знаний, философских воззрений, письменности и литературы*, а также подтверждается, что коренные народы имеют право на *сохранение, контроль, охрану и развитие своего культурного наследия, традиционных знаний и традиционных форм культурного выражения*⁶.

Интересно, что в международной правоприменительной практике немного дел по проблемам коренных народов. Исключение составляет Межамериканский суд по правам человека (МАСПЧ). По подсчетам автора, из 480 принятых судебных актов МАСПЧ около 100 (20% всей практики) касаются защиты прав коренных народов и их представителей⁷.

Для примера укажем, что в Европейском Суде по правам человека вопрос о правах коренных народов ни разу не становился предметом судебного разбирательства.

*Хотя шанс был: в 2004 г. на рассмотрении Палаты Европейского Суда по правам человека находилась жалоба Народно-демократической партии «Ватан», деятельность которой была приостановлена в судебном порядке как противоречащая законодательству Российской Федерации. Согласно уставу партии «Ватан» ее целью являлось «возрождение татарской нации и защиты политических, социальных, экономических и культурных прав татар. Наименование “татары” является собирательным именем для ряда народов тюркского происхождения, говорящих на одном из языков, относящихся к урало-алтайской языковой семье». К ним, по мнению партии «Ватан», должны быть причислены коренные народы Поволжья: татары, чувашаи, эрзя, мокишаны, марийцы, башкиры (para. 9, 12 Decision)*⁸.

⁵ Лос-Пиносская декларация (Чапультепек, 2020) «Проведение Десятилетия действий в поддержку языков коренных народов».

⁶ Doc. A/C.3/77/L.20/Rev.1. Права коренных народов. 1 November 2022. Преамб., п. 42. URL: https://www.un.org/development/desa/indigenouspeoples/news/2022/11/ga77_resolution/.

⁷ Sentencias. URL: https://corteidh.or.cr/casos_sentencias.cfm?lang=en.

⁸ Third Section. Case of Vatan v. Russia. (Application no. 47978/99). Judgment. Strasbourg. October 2004. Final. 07/01/2005. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22indigenous%20peoples%22%5D%2C%22documentcollectionid%22:%5B%22GRANDCHAMBER%22%2C%22CHAMBER%22%5D%2C%22itemid%22:%5B%22001-66924%22%5D%7D>.

В Европейском Суде по правам человека партия «Ватан» утверждала, что судебные решения о приостановлении деятельности Региональной организации нарушили ее свободу придерживаться мнения и распространять информацию и идеи, ее свободу ассоциации и право членов партии исповедовать свою религию (ст. 9, 10, 11 и 14 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод)⁹.

Европейский Суд по правам человека в ходе судебного заседания признал жалобу партии «Ватан» неприемлемой по формальным основаниям (para. 46, 54 Decision) и прекратил производство по делу. Таким образом, Европейский Суд уклонился от правовой оценки экстремистских целей, высказываний и поведения партии «Ватан», которые прикрывались идеей защиты прав коренных народов.

Такая позиция Европейского Суда по правам человека не была поддержана всем составом Палаты. Судьи Г. Ресс, И. Кабрал Баретто высказали конкурирующее мнение, в котором посчитали, что было бы правильным сформулировать судебное заключение по содержательным основаниям и признать верными («ни преувеличенными, ни необоснованными») выводы Ульяновского областного суда об экстремистском характере деятельности партии «Ватан».

Вопросы международно-правового статуса коренных народов не могут считаться обойденными вниманием со стороны научного сообщества. В работах А. Х. Абашидзе, Р. Ш. Гарипова, С. В. Соколовского, Л. В. Андриченко и др. [Абашидзе, А. Х., Ананидзе, Ф. Р., Солнцев, А. М., 2015; Гарипов, Р. Ш., 2012; Гарипов, Р. Ш., 2013, с. 415–416; Соколовский, С. В., 2016; Андриченко, Л. В., 2019; Руденко, В. В., 2021] объемно рассматриваются различные аспекты правового обеспечения прав коренных народов, в том числе и в сфере культуры. Однако ряд актуальных аспектов, особенно с учетом международно-правовых документов, принятых в недавнее время, требуют специального внимания. Остановимся на них подробнее.

Признаки категории «коренные народы» в международном праве

В международном праве ООН до сих пор не выработано определение понятия «коренные народы». По данным ООН, к этой категории относится около 6,2% населения планеты, которое проживает в 90 странах мира и насчитывает более 476 млн человек; всего насчитывается порядка пяти тысяч этнических групп – коренных народов¹⁰.

Среди них, например, одно из самых древних для нашей планеты, с историей порядка сорока тысяч лет, племя охотников-собирателей хадза (Танзания), насчитывающее чуть более тысячи человек. Для этого племени характерен палеолитический образ жизни (непроизводящая экономика, условная оседлость, отсутствие домашних животных). Интересна еще одна особенность хадза: им незнаком ряд заболеваний, признанных бичом современной цивилизации (некоторые формы рака, инсульты, заболевания сердечно-сосудистой системы, ди-

⁹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Борьба с расизмом. URL: <https://www.un.org/ru/fight-racism/vulnerable-groups/indigenous-peoples>.

абет, атеросклероз и др.). Исследования показали, что основная причина этого – активный образ жизни, правильное питание [Marlowe, F. W., 2010, p. 131]. Хадза – это пример коренного народа, признанного ЮНЕСКО находящимся под угрозой исчезновения.

Однако среди признанных на международном уровне коренных народов имеются те, которые составляют титульные нации государств. Например, в Перу около 45% населения, а в Бразилии около 60% – это коренные народы, потомки цивилизации инков (народы кечуа, аймара и гуарани) [Гарипов, Р. Ш., 2013, с. 410].

В связи с этим необходимо подчеркнуть временами игнорируемое [Куропятник, М. С., 2006, с. 10, 13–15] различие правовых категорий «национальное меньшинство» и «коренные народы». Несмотря на то что в ряде случаев действительно последние могут выступать в государстве в качестве меньшинств и пользоваться соответствующими международно-правовыми инструментами¹¹, по общему правилу коренной народ обладает специфическими характеристиками, не идентичными тем, которые присущи национальным меньшинствам. Поэтому в международно-правовой науке признается, что основные качества (прежде всего цивилизационная самобытность, автохтонность) коренных народов нуждаются в специальной правовой защите.

В России термин «коренные народы» используется с уточнением – «малочисленные коренные народы», как закреплено в Конституции Российской Федерации (ст. 69)¹² и законодательстве¹³. Перечень таких народов на конец 2021 г. включает 47 позиций, и к нему прилагается список коренных малочисленных народов Дагестана (еще 14 позиций)¹⁴. Указанное в российском законодательстве уточнение представляется существенным. На данном этапе анализа лишь акцентируем на нем внимание, но вернемся к нему позже.

В доктрине международного права [Dunbar-Ortiz, R., et al., 2015, p. 231], международно-правовых документах ряда организаций (ООН, ЮНЕСКО,

¹¹ Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. Ст. 27 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831). Ст. 291 ; Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, 1992 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml ; Конвенция СНГ об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам 1994 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1994. № 3; и др.

¹² Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255 (ред. от 18.12.2021). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

МОТ, Всемирный банк и др.¹⁵) сформулированы признаки коренного народа. Среди них могут считаться общепризнанными:

1) собственный язык, самобытная культура, традиции. Межамериканский суд по правам человека, в практике которого, в силу специфики региона, наиболее часто встречаются дела по защите прав коренных народов¹⁶, признал, что «право на культурную самобытность является фундаментальным правом – и правом коллективного характера – коренных общин, которое следует уважать в мультикультурном, плюралистическом и демократическом обществе»¹⁷.

Представляется, что этот признак не уникален для коренных народов, в равной мере он может быть применен к любому этносу. Таким образом, этот признак можно охарактеризовать как родовой (общезнаменительный) для исследуемой правовой категории;

2) историческая, естественная связь с территорией проживания. В Декларации о правах коренных народов 2007 г.¹⁸ в большинстве статей учитывается связка «территория-культура-коренной народ» (ст. 2–4, 6, 11–18, 25): «Коренные народы имеют право поддерживать и укреплять свою особую духовную связь с традиционно принадлежащими им или иным образом занятыми или используемыми ими землями». В Конвенции МОТ № 169 учитывается особая «...важность для культуры и духовных ценностей соответствующих народов их связи с землями или территориями» (ст. 13)¹⁹;

3) самоидентификация в качестве самобытного этнического сообщества (см., например, ст. 33 Декларации ООН о правах коренных народов: «Коренные народы имеют право определять себя или свою этническую принадлежность в соответствии со своими обычаями и традициями»).

Этническая самобытность для коренного народа может иметь особенное звучание и широкое содержание по сравнению с другими этническими сообществами. В условиях глобализации и господствующего постиндустриального способа хозяйствования этнокультурная самобытность у большинства народов выражается преимущественно в нематериальной сфере в виде устного народного творчества, верований, ремесленных технологий и т. п. Для части коренных народов характерны уникальные, отличающие их

¹⁵ См., например: Doc. E/CN.4/SUB.2/1986/7. Study of the Problem of Discrimination against Indigenous Populations. Vol. 1. By Jose R. Martinez Cobo, Special Rapporteur of the Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities. URL: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/xpSearchResultsM.xsp>.

¹⁶ Sentencias. URL: https://corteidh.or.cr/casos_sentencias.cfm?lang=en.

¹⁷ IACTHR Case of the Kichwa Indigenous Peoples of Sarayaku (Merits and reparations), Judgment of June 27, 2012 Para. 217. URL: <https://corteidh.or.cr/jurisprudencia-search>.

¹⁸ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Резолюция 61/295 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 сентября 2007 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml.

¹⁹ Convention concerning Indigenous and Tribal Peoples in Independent Countries. Entry into force: 05 Sep. 1991. URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NO_RMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C169.

от иных народов образ жизни и способ хозяйствования. В данном случае речь идет о приверженности традиционной экономике, о сакральном отношении к своей земле, иным производственным ресурсам, о сохранении исконной среды обитания, о желании максимально полно соответствовать тем цивилизационным стандартам, которые были выработаны предками. Именно этот аспект этнической самобытности как высоко уязвимый в связи с глобализацией и с тенденцией мировой унификации всех сфер жизни нуждается в специальной международно-правовой и национально-правовой защите.

Историческая, естественная связь с территорией проживания как признак коренного народа

Среди названных выше признаков единственным особенным признаком (по сравнению с признаками родовой категории – *народа* в международном праве) является *исконная, историческая связь с территорией проживания*.

«Земельный вопрос» представляет особую важность и даже болезненность в практике обеспечения и защиты прав коренных народов. По словам М. Д. Напсо, М. Б. Напсо, «*этническая культура всегда территориально укоренена*» (курсив наш. – Н. Ч.) [Напсо, М. Д., Напсо, М. Б., 2015, с. 160]. Поиск международно-правового разрешения вопросов территории связан с оценкой колониальной концепции *terra nullius* (ничейная земля), которая объясняла возможность порабощения, экспансии «цивилизированными европейцами» туземного населения, не достигшего государственной стадии развития. Многократно эта концепция критиковалась на международном уровне.

Так, Международный Суд ООН в Консультативном заключении по Западной Сахаре (1975) единогласно проголосовал за то, что эта территория на момент колонизации не являлась terra nullius, уже была заселена «...организованными в социально-политическом плане кочевыми племенами... существовавшие правовые отношения [между уже существовавшими государствами и народами Территории] не подразумевают суверенитета или законного владения территорией... не сказываются на выполнении резолюции 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи в том, что касается деколонизации Западной Сахары, в частности, на реализации принципа самоопределения путем свободного и подлинного волеизъявления народов Территории»²⁰.

В правовой науке, международно-правовой практике предложен еще один признак коренного народа, содержательно близкий признаку связи с территорией: *единство с исконной средой обитания*, придание ей цивилизационно-культурной значимости [Андриченко, Л. В., 2019, с. 18; Пименова, О. И., 2022, с. 107]. Представляется, что в данном случае особо подчеркивается один из аспектов признака единства коренного народа и территории его проживания. По мнению Экспертного механизма по правам коренных народов Совета по правам человека ООН, «...существует глу-

²⁰ Case International Court of Justice. Advisory Opinion on Western Sahara. 16 October 1975. Para. 75–83, 162, 163. URL: <http://www.stl-tsl.org/en/the-cases/stl-11-01/main/filings/orders-and-decisions>.

бокая взаимосвязь между коренными народами и их землями, территориями и ресурсами; эта взаимосвязь имеет самые разнообразные социальные, культурные, духовные, экономические и политические измерения и обязательства...»²¹. Аналогично Межамериканский Суд по правам человека системно в своих решениях ссылается на систему мер для «...защиты материальных и культурных условий [имеющих] решающее значение для выживания коренных народов»²². Таким образом, при безусловной важности признания жизненной значимости единства с исконной средой обитания для коренного народа вряд ли можно говорить о самостоятельном идентифицирующем характере этого признака.

Уместно, здесь привести пример из практики Межамериканского Суда по правам человека.

В деле «The Xucuru Indigenous People and its Members v. Brazil» (2018) Суд установил нарушение прав на коллективную собственность и на личную неприкосновенность коренного народа сюкуру (ксюкуру) в связи с длительной задержкой со стороны государства закрепления за народом его исконных территорий. Суд напомнил, что для коренных народов характерна тесная связь со своими землями, природными ресурсами и «...производными от них нематериальными объектами» (такие, как традиции, культура, обычаи, верования, культурная самобытность)²³.

Аналогичные выводы МАСПЧ сформулировал в делах «Mayagna (Sumo) v. Nicaragua» (2001), «Kaliña and Lokono Peoples v. Suriname» (2015), в нескольких делах коренного народа Яномами (Yanomami) против Бразилии (1985, 2022) и др.²⁴

Таким образом, подводя промежуточный итог, отметим, что для обеспечения прав коренных народов прослеживается взаимообусловленность и

²¹ Дос. А/HRC/21/53. Совет по правам человека. Роль языков и культуры в поощрении и защите прав и идентичности коренных народов. Исследование Экспертного механизма по правам коренных народов. 16 августа 2012 г. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session21/A-HRC-21-53_ru.pdf.

²² IACHR, Indigenous and Tribal Peoples' Rights over their Ancestral Lands and Natural Resources, Norms and Jurisprudence of the Inter-American Human Rights System. OEA/Ser.L/V/II. Doc.56/09. Para. 34, 49, 51, 53 and 63.

²³ IACtHR. Case of the Xucuru Indigenous People and its Members v. Brazil. Judgment of February 5, 2018. (Preliminary objections, merits, reparations and costs) Para. 1, 116–117. URL: <https://corteidh.or.cr/jurisprudencia-search>.

²⁴ IACtHR. Case of the Mayagna (Sumo) Awas Tingni Community v. Nicaragua. Merits, reparations and costs. Judgment of August 31, 2001. Series C. No. 79. Para. 149. URL: <https://corteidh.or.cr/jurisprudencia-search>; IACtHR. Case of the Kaliña and Lokono Peoples v. Suriname. Merits, reparations and costs. Judgment of November 25, 2015. Series C. No. 309. Para. 129. URL: <https://corteidh.or.cr/jurisprudencia-search>; IACtHR. Case 7615 (Brazil). 1984–1985. Annual Report 24, OEA/Ser.L/V/II.66, Doc. 10. Rev. 1 (1985); IACtHR Resolución de la Corte Interamericana De Derechos Humanos. De 1 de Julio de 2022. Adopción de Medidas Provisionales. Asunto Miembros de los Pueblos Indígenas. Yanomami, Ye'kwana y Munduruku. Respecto de Brasil. Para. 40–47. URL: <https://corteid.h.or.cr/jurisprudencia-search>.

равная важность *материального* и *нематериального* культурного наследия и *природного* наследия территорий их проживания. Неразрывность всех трех составляющих в наследии должна расцениваться как необходимая основа для их продолжения и благополучия. Международное право должно создавать дополнительные условия по сохранению природной и культурной среды обитания культурных народов [Андриченко, А. В., 2019, с. 30].

«Коренной народ» как уязвимая группа, защищаемая нормами международного права прав человека

В связи с важностью признака территории для правового статуса коренного народа возникает вопрос: по какому критерию считать населяемую им землю исконной? Поиск ответа отягчается несколькими факторами.

Во-первых, на протяжении нескольких тысяч лет в условиях эволюционирующей государственности практически во всех регионах обитаемого мира наблюдались волны переселения народов. Только в рамках Великого переселения в Европе в III–VII вв. наблюдается три волны масштабного племенного перемещения (германский, гуннский, славянский этапы) [Буданова, В. П., 2019, с. 182–186]. По словам Аммиана Марцеллина, в это время «дикие народы дали простор своей наглости» [Ammianus Marcellinus, 1978, s. 5]. При этом неоднократно менялся рельеф политической географии, рушились и вновь возникали мировые империи, государства создавали союзы, меняли свои границы.

Так, на полуострове Крым первые люди появились 1,5 млн лет назад; автохтонными племенами считаются киммерийцы и тавры; далее территория была освоена скифами, колонизирована древними греками. С них началась государственная история Крыма. В дальнейшем в Крыму отметились римляне, хазары, восточные славяне, половцы, генуэзцы, монголо-татары и т. д. В настоящий момент Крым заселен представителями 175 национальностей²⁵. Какой момент в этой непрерывной миграции считать точкой отсчета формирования народа Крыма? Какие из этих этнических сообществ могут по нормам международного права считаться коренными народами? Аналогичный вопрос можно адресовать большинству народов мира.

Во-вторых, этногенез – это процесс, который не может считаться конечным, он продолжается и в настоящее время. Можно привести множество примеров, когда государство формировалось этносом, который впоследствии эволюционизировал в другой²⁶. Такие этнические трансформации в силу историко-политических причин сложно учитываются в правовом поле и способны стать поводом для конъюнктурных злоупотреблений: «новому» народу-потомку могут отказать в праве считаться коренным, несмотря на исконное проживание в регионе.

²⁵ Единые и неделимые: какие народы населяют Крым // Лента новостей Крыма. 04.11.2021. URL: <https://crimea-news.com/society/2021/11/04/855629.html>.

²⁶ Патриции и плебеи стали народом Рима; восточные славяне образовали родственные народы белорусов, русских и украинцев; на основе населения Арабского халифата сформировалось большинство этнических сообществ современных арабских государств. Показательна в этом плане и история создания государства Италии и Германской империи в XIX в.

В-третьих, наблюдается дисперсный характер расселения, при котором на одной территории могут издавна проживать несколько этносов, причем каждый из них не имеет четких границ ареала. Примерами могут быть народы Кавказа, Восточной Сибири и Дальнего Востока, Тропической Африки. В этой ситуации этническая конкретизация прав на территорию (и на связанные с ней права) представляется сложной и даже невозможной.

В международном праве предложено дефинитивное решение понятия «коренные народы», учитывающее две из трех выявленных сложностей. В статье 1 (1b) Конвенции Международной организации труда № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» 1989 г. предлагается считать таковыми «народы в независимых странах, которые рассматриваются как коренные ввиду того, что они являются потомками тех, кто населял страну или географическую область, частью которой является данная страна, в период ее завоевания или колонизации или в период установления существующих государственных границ, и которые, независимо от их правового положения, сохраняют некоторые или все свои социальные, экономические, культурные и политические институты»²⁷ (курсив наш. – Н. Ч.).

Однако участниками данной Конвенции на февраль 2023 г. являются лишь 24 государства²⁸. Очевидно, это означает, что *opinio juris* в отношении такого понимания феномена «коренные народы» пока не сформировалось. Наоборот, в международно-правовой доктрине распространено мнение, что коренные народы – это малочисленные, не достигшие стадии государственного развития (либо постколониальные) этнические сообщества.

В подтверждение этого приведем правовые позиции, закрепленные в документах системы ООН, которые были поддержаны большинством государств-членов. Так, в преамбуле Декларации ООН о правах коренных народов (2007) указывается, что коренные народы «стали жертвами исторических несправедливостей в результате, среди прочего, их колонизации и лишения их своих земель, территорий и ресурсов...» (курсив наш. – Н. Ч.).

В окончательном докладе (1982) Специального докладчика по проблеме коренных народов Х.-М. Кобо, подготовленном для Комиссии по правам человека, предложено считать коренным народом «...коренные общины, народности и нации, сохраняющие историческую преемственность с обществами, которые существовали до вторжения завоевателей и введения колониальной системы и развивались на своих собственных территориях»²⁹

²⁷ C169 – Indigenous and Tribal Peoples Convention, 1989 (No. 169). URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C169.

²⁸ Ratifications of C169 – Indigenous and Tribal Peoples Convention, 1989 (No. 169). URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:11300:0::NO::P11300_INSTRUMENT_ID:312314.

²⁹ Doc. E/CN.4/SUB.2/1986/7. Study of the Problem of Discrimination against Indigenous Populations. Vol. 1. By Jose R. Martinez Cobo, Special Rapporteur of the Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities. URL: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/xpSearchResultsM.xsp>.

(курсив наш. – Н. Ч.). Аналогичные выводы содержатся и в более поздних докладах системы ООН по проблеме коренных народов³⁰.

В докладах Всемирного банка коренными называются народы, занимающиеся охотой, рыболовством, собирательством и находящиеся в прямой зависимости от окружающей природной среды или от ареала их обитания и природных ресурсов³¹.

Р. Коукканен, представительница народа саамы, профессор университета Торонто, считает, что для большинства коренных народов общим является «опыт пребывания в условиях колонизации и угнетения со стороны государства...» [Marten, P., 2013].

Ф. Х. Соколова пишет об общепризнанности того, что под коренными народами понимается «...население колоний, которое проживало на своей исторической родине, и выходцы из колоний...» [Соколова, Ф. Х., 2012, с. 52].

Таким образом, можно считать сложившимся в международном праве мнение, что коренным народам свойственен исторический опыт колонизации и/или завоевания, племенной (догосударственный) образ жизни [Kymlicka, W., Anaya, S., 1999, p. 281–293]. Именно это обстоятельство, как считает действующий специальный докладчик по коренным народам Х.-Ф. Кали Цай, обязывает государства принимать специальные меры, гарантирующие полное осуществление основных прав коренных народов: «Эти меры не являются дискриминационными по отношению к остальному населению, поскольку *коренные народы подвергаются повышенной уязвимости и дискриминации*»³² (курсив наш. – Н. Ч.).

Думается, что такое понимание закладывает ущербное представление о коренных народах как об исключительно постколониальных либо не вышедших из стадии племенного развития [Никитин, Ф. И., 2021, с. 139]. По словам Р. де Коста, «...большинство данных признаков следует рассматривать в лучшем случае как архаичные, а в худшем – как расистские» [De Costa, R., 2014, p. 16]. Означает ли это, что другие народы, исконно проживающие на своей территории, обладающие собственным языком и самобытной культурой, этнической самоидентификацией, но создавшие государства

³⁰ Деятельность по установлению стандартов: Развитие стандартов, касающихся прав коренных народов. Рабочий документ, подготовленный Председателем-докладчиком, г-жой Эрикой-Ирен Даес, по концепции «коренных народов», 1996 г. // U. N. Doc. E/CN.4/Sub.2/AC.4/1996/2 ; Indigenous Issues Human rights and indigenous issues Report of the Special Rapporteur on the situation of human rights and fundamental freedoms of indigenous people, Mr. Rodolfo Stavenhagen, submitted pursuant to Commission resolution 2001/57. Doc. E/CN.4/2002/97 4 February 2002. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G02/106/29/PDF/G0210629.pdf?OpenElement>.

³¹ Operational Manual OP 4.10 – Indigenous Peoples. OP 4.10 July, 2005. URL: <https://ppfdocuments.azureedge.net/1570.pdf>.

³² United Nations Special Rapporteur on the Rights of Indigenous Peoples, José Francisco Calí Tzay Expert Testimony at the request of the petitioners in the case of the Maya Kaqchikel Indigenous Peoples of Sumpango and Others vs. Guatemala Inter-American Court of Human Rights Case No. CDH-3-2020. 24 May 2021. Para. 16. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/ExpertTestimonyCourt_EN.pdf.

и не испытывавшие ужасов колониализма/оккупации, не могут претендовать на статус «коренных»? Ответ на этот вопрос однозначен: любое этническое сообщество должно быть защищено от посягательств на свою среду обитания и свою идентичность.

В связи с этим возникает другой вопрос. Следует ли дифференцировать правовой статус коренных народов и среди них выделить группу тех, кто находится под угрозой исчезновения, в том числе из-за утраты (риска утраты) своей территории и невозможности вести традиционный образ жизни? По мнению ряда исследователей в международном праве, такие коренные народы должны быть признаны одной из особо уязвимых групп и должны находиться под защитой специального комплекса международно-правовых норм [Андреев, К. Ю., 2006, с. 26]. С этим мнением следует согласиться.

Российская Федерация как многонациональное государство уже реализует такой механизм правовой защиты, который был создан специально для коренных малочисленных народов [Немечкин, В. Н., 2022, с. 25]. Привлечем внимание к правовой корректности отечественного законодателя: коренным народам предоставляются дополнительные права, направленные на сохранение народов, ведущих племенной образ жизни и находящихся под угрозой исчезновения. Прежде всего речь идет о создании условий для сохранения самобытности: ведении традиционных форм хозяйственной жизни, праве на территорию, уважении верований и традиций [Молчанов, Б. А., Мамедов, С. Н., Задорин, М. Ю., 2015, с. 26].

При этом Россия в соответствии со ст. 69 Конституции Российской Федерации защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей и гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия. Аналогичная норма воспроизведена и в Основах законодательства о культуре³³.

Заключение

По результатам проведенного исследования сформулируем основные выводы.

1. Проблемы прав коренных народов являются актуальной темой современного международного права. При этом остается неопределенным само понятие «коренной народ». В доктрине международного права можно считать общепризнанными три дефинитивных признака, из которых единственным особенным признаком (по сравнению с признаками родовой категории – *народа* в международном праве) является исконная, историческая связь с территорией проживания.

2. Признак исконной связи с территорией проживания также не имеет четкого международно-правового содержания. Отсутствие международно-правовой концепции территории коренных народов препятствует эффективной защите прав народов и определению обязательств государства по данному вопросу. Наиболее адекватной представляется позиция МОТ, изло-

³³ Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (ред. от 28 декабря 2022 г.). Ст. 6. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

женная в Конвенции № 169, в которой территорией коренного народа считается географическая область, в которой этот народ либо его предок проживал в период ее завоевания или колонизации или в период установления существующих государственных границ. Такой подход корректен в аспекте признания коренными народами не только этносов, которые не достигли государственной стадии развития, но любых других, исконно проживающих на своей территории, обладающих собственным языком и самобытной культурой.

3. В связи с изложенным подлежит критике представление о коренных народах как об исключительно постколониальных либо не вышедших из стадии племенного развития. Такая позиция закладывает дискриминационное, ущербное восприятие коренных народов и их места в общемировом пространстве.

4. Среди коренных народов можно выделить в самостоятельную группу те этносы, которые находятся под угрозой исчезновения и в связи с этим нуждаются в специальной правовой защите, в том числе международно-правовой. Они должны быть признаны одной из уязвимых групп и находиться под защитой специального комплекса международно-правовых норм. Представляется, что под защитой норм международного права должны находиться особые качества коренных народов, прежде всего их цивилизационная (этническая) самобытность.

5. Цивилизационная самобытность для коренных народов проявляется в равноценных и взаимообусловленных сферах материального и нематериального культурного наследия и природного наследия территорий их проживания. В связи с этим международное право должно создавать дополнительные условия по сохранению природной и культурной среды обитания культурных народов.

Список источников

Абашидзе А. Х., Абдуллин А. И., Алисиевич Е. С. и др. Международная защита прав человека : учебник / под ред. А. Х. Абашидзе. 2-е изд., перераб. и доп. М. : РУДН, 2020. 510 с. ISBN: 978-5-209-07509-7.

Абашидзе А. Х., Ананидзе Ф. Р., Солнцев А. М. Международно-правовые основы защиты меньшинств и коренных народов : учебник. М. : РУДН, 2015. 572 с. ISBN: 978-5-209-06417-6.

Андреев К. Ю. Правовой статус коренных малочисленных народов в зарубежных странах : справочник. М. : РАН ИНИОН, 2006. 141 с. ISBN: 5-248-00279-6.

Андриченко А. В. Проблемы правового обеспечения сохранения культурного наследия коренных малочисленных народов: международный и национальный аспекты // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4. С. 17–32. DOI: 10.12737/jflcl.2019.4.2.

Буданова В. П. Великое переселение народов: исторический опыт миграций переходной эпохи // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 2, ч. 2. С. 180–196.

- Гарипов Р. Ш. Защита коренных народов в международном праве. Казань : Центр инновац. технологий, 2012. 256 с. ISBN: 978-5-93962-545-6.
- Гарипов Р. Ш. Понятие «коренной народ» и их статус в международном и внутригосударственном праве // Международное право и международные организации. 2013. № 3. С. 408–420. DOI: 10.7256/2226-6305.2013.3.5362.
- Каграманов А. К. оглы. Влияние языкового многообразия на процессы самоопределения и укрепления государственности // Государство и право. 2022. № 11. С. 182–186. DOI: 10.31857/S102694520015247-2.
- Куропятник М. С. Коренные народы в процессе социокультурных изменений : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 2006. 36 с.
- Молчанов Б. А., Мамедов С. Н., Задорин М. Ю. Об отдельных вопросах охраны «этнических» и «культурных» прав коренных малочисленных народов Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 4 (30). С. 19–27.
- Мухарямов Н. М. Десятилетие языков коренных народов: вопросы правовой политики // Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 11–28.
- Напсо М. Д., Напсо М. Б. Право индивида и право народа на самобытность в реалиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 2 (16). С. 158–169.
- Немечкин В. Н. Теоретические аспекты правового статуса коренных малочисленных народов Российской Федерации // Проблемы права. 2022. № 4 (87). С. 24–27. DOI: 10.14529/pro-prava220405.
- Никитин Ф. И. Проблема определения понятия «коренной народ» в международном и внутригосударственном праве // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4 (95). С. 135–141. DOI: 10.26516/2071-8136.2021.4.135.
- Пименова О. И. Природоресурсные права коренных народов и судебная практика их соблюдения в Канаде // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 4 (149). С. 89–109. DOI: 10.21128/1812-7126-2022-4-89-109.
- Руденко В. В. Особенности методологии правовых исследований по вопросам реализации и защиты прав коренных народов // Право и образование. 2021. № 6. С. 19–24.
- Соколова Ф. Х. Коренные народы: концепт, сущность и содержание // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 12. С. 51–70.
- Соколовский С. В. Политика признания коренных народов в международном праве и законодательстве Российской Федерации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 250. М. : ИЭА РАН, 2016. 69 с. ISBN: 978-5-4211-0158-1.
- Янь Ц. Нематериальное культурное наследие: сущность и проблемы в условиях глобализации // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12, № 2-1. С. 177–185.

Ammianus Marcellinus. *Rerum gestarum libri qui supersunt*. Vol. 2. Leipzig : B. G. Teubner, 1978. 260 s.

De Costa R. Self-Determination and State Definitions of Indigenous Peoples // *Restoring Indigenous Self-Determination Theoretical and Practical Approaches*. 2014. P. 12–18.

Indigenous Peoples' Rights in International Law: Emergence and Application : Book in Honor of Asbjørn Eide at Eighty / eds. R. Dunbar-Ortiz, D. Sambo Dorough, G. Alfredsson et al. Kautokeino ; Copenhagen : Gáldu & IWGIA, 2015. (Gáldu Čála serie No. 2/2015). 528 p.

Kymlicka W., Anaya S. Theorizing Indigenous Rights // *The University of Toronto Law Journal*. Spring, 1999. Vol. 49, no. 2. P. 281–293.

Marlowe F. W. *The Hadza: Hunter-Gatherers of Tanzania*. Berkeley : University California Press, 2010. 336 p. ISBN: 9780520253421.

Marten P. On the other side of the Arctic // *This is Finland* : [site]. 2013. URL: <https://finland.fi/life-society/on-the-other-side-of-the-arctic/>.

References

Abashidze, A. Kh., Abdullin, A. I., Alisievich, E. S., et al., 2020. *Mezhdunarodnaya zashchita prav cheloveka* = [International protection of human rights]. Textbook. Ed. A. Kh. Abashidze. 2nd ed., repr. and add. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. 510 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-209-07509-7.

Abashidze, A. Kh., Ananidze, F. R., Solntsev, A. M., 2015. *Mezhdunarodno-pravovye osnovy zashchity men'shinstv i korennyh narodov* = [International legal foundations for the protection of minorities and indigenous peoples]. Textbook. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. 572 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-209-06417-6.

Ammianus Marcellinus, 1978. *Rerum gestarum libri qui supersunt*. Vol. 2. Leipzig: B. G. Teubner. 260 s.

Andreev, K. Yu., 2006. *Pravovoj status korennyh malochislennyh narodov v zarubezhnyh stranah* = [The legal status of indigenous minorities in foreign countries]. Reference. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. 141 p. (In Russ.) ISBN: 5-248-00279-6.

Andrichenko, L. V., 2019. [Problems of legal support for the preservation of the cultural heritage of indigenous minorities: international and national aspects]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* = *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 4, pp. 17–32. (In Russ.) DOI: 10.12737/jflcl.2019.4.2.

Budanova, V. P., 2019. [The Great Migration of Peoples: the historical experience of migrations of the transitional era]. *Vestnik RGGU. Ser.: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya* = [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies], 2, p. 2, pp. 180–196. (In Russ.)

- De Costa, R., 2014. Self-Determination and State Definitions of Indigenous Peoples. *Restoring Indigenous Self-Determination Theoretical and Practical Approaches*. Pp. 12–18.
- Dunbar-Ortiz, R., Sambo Dorough, D., Alfredsson, D., et al., eds., 2015. *Indigenous Peoples' Rights in International Law: Emergence and Application*. Book in Honor of Asbjørn Eide at Eighty. Kautokeino; Copenhagen: Gáldu & IWGIA. (Gáldu Čála serie No. 2/2015). 528 p.
- Garipov, R. Sh., 2012. *Zashchita korenykh narodov v mezhdunarodnom prave* = [Protection of indigenous peoples in international law]. Kazan: Center for Innovative Technologies. 256 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-93962-545-6.
- Garipov, R. Sh., 2013. [The concept of “indigenous people” and their status in international and domestic law]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii* = [International law and international organizations], 3, pp. 408–420. (In Russ.) DOI: 10.7256/2226-6305.2013.3.5362.
- Kagramanov, A. K. ogly, 2022. The impact of linguistic diversity on the processes of self-determination and statehood. *Gosudarstvo i pravo* = [State and Law], 11, pp. 182–186. (In Russ.) DOI: 10.31857/S102694520015247-2.
- Kuropyatnik, M. S., 2006. *Korennye narody v processe sociokul'turnykh izmenenij* = [Indigenous peoples in the process of socio-cultural changes]. Abstract of Cand. Sci. (Sociological) Dissertation. St. Petersburg. 36 p. (In Russ.)
- Kymlicka, W., Anaya, S., 1999. Theorizing Indigenous Rights. *The University of Toronto Law Journal*, 49(2), pp. 281–293.
- Marlowe, F. W., 2010. *The Hadza: Hunter-Gatherers of Tanzania*. Berkeley: University California Press. 336 p. ISBN: 9780520253421.
- Marten, P., 2013. On the other side of the Arctic. *This is Finland* [site]. URL: <https://finland.fi/life-society/on-the-other-side-of-the-arctic/>.
- Molchanov, B. A., Mammadov, S. N., Zadorin, M. Yu., 2015. [On certain issues of protection of “ethnic” and “cultural” rights of indigenous minorities of the Russian Federation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* = [Bulletin of Perm University. Legal Sciences], 4, pp. 19–27. (In Russ.)
- Mukharyamov, N. M., 2022. [Decade of indigenous languages: issues of legal policy]. *Sociolingvistika* = [Sociolinguistics], 4, pp. 11–28. (In Russ.)
- Napso, M. D., Napso, M. B., 2015. [The right of the individual and the right of the people to identity in the realities of globalization]. *Vek globalizacii* = [The Age of Globalization], 2, pp. 158–169. (In Russ.)
- Nemechkin, V. N., 2022. [Theoretical aspects of the legal status of indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation]. *Problemy prava* = [Problems of Law], 4, pp. 24–27. (In Russ.) DOI: 10.14529/pro-prava220405.

Nikitin, F. I., 2021. [The problem of defining the concept of “indigenous people” in international and domestic law]. *Sibirskij juridicheskij vestnik* = [Siberian Legal Bulletin], 4, pp. 135–141. (In Russ.) DOI: 10.26516/2071-8136.2021.4.135.

Pimenova, O. I., 2022. [Natural resource rights of indigenous peoples and judicial practice of their observance in Canada]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie* = [Comparative Constitutional Review], 4, pp. 89–109. (In Russ.) DOI: 10.21128/1812-7126-2022-4-89-109.

Rudenko, V. V., 2021. [Features of the methodology of legal research on the implementation and protection of the rights of indigenous peoples]. *Pravo i obrazovanie* = [Law and Education], 6, pp. 19–24. (In Russ.)

Sokolova, F. Kh., 2012. [Indigenous peoples: concept, essence and content]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i social'nye nauki* = [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], 12, pp. 51–70. (In Russ.)

Sokolovsky, S. V., 2016. Recognition policy of indigenous peoples in international law and Russian legislation. *Issledovaniya po prikladnoj i neotlozhoj etnologii* = [Research on applied and urgent ethnology]. Issue 250. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. 69 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-4211-0158-1.

Yan', Ts., 2022. [Intangible cultural heritage: essence and problems in the conditions of globalization]. *Kul'tura i civilizaciya* = [Culture and Civilization], 12(2-1), pp. 177–185. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Чернядзева Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 295000, Республика Крым, Симферополь, ул. Павленко, д. 5).

Natalia A. Chernyad'eva, Dr. Sci. (Law), Professor of the State Law Disciplines Department, Crimean Branch, Russian State University of Justice (5 Pavlenko St., Simferopol, Republic of Crimea, 295000, Russian Federation).

ORCID: 0000-0003-2222-1886

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 26.06.2023; одобрена после рецензирования 13.09.2023; принята к публикации 02.10.2023.

Submitted: 26.06.2023; reviewed: 13.09.2023; revised: 02.10.2023.